

Валентин Пак

ЗЕМЛЯ ВОЛЬНОЙ НАДЕЖДЫ

Книга 1

Очерки дореволюционной истории
Надеждинского района

Земля вольной надежды

Валентин Пак

**Очерки дореволюционной
истории Надеждинского района**

Издательство "Валентин"

2011

УДК 94(571.6)

ББК 63.3

Пак В.

Очерки дореволюционной истории Надеждинского района /
В. Пак — Издательство "Валентин", 2011 — (Земля вольной
надежды)

ISBN 978-5-9901711-5-2

«Земля Вольной Надежды» раскрывает страницы истории Надеждинского района. Повествование охватывает в основном период с середины XIX века по 1917 год, когда шло заселение далёкой окраины, развивающей российскую государственность с момента подписания Пекинского договора 1860 года. На основе архивных данных с максимальной детализацией прописан процесс формирования сёл района. Через статистические данные и мемуарные воспоминания современников той поры прорисован быт старожилов: как обустроивались, чем занимались, как развивали хозяйство, строили дома, школы и храмы. Среди фамилий переселенцев с европейской части России жители Надеждинского района найдут немало имён своих прадедов. Архивные фотографии воссоздают образ прошлой эпохи. Для широкого круга читателей.

УДК 94(571.6)

ББК 63.3

ISBN 978-5-9901711-5-2

© Пак В., 2011

© Издательство "Валентин", 2011

Содержание

Слово от автора	6
Пролог	7
Глава 1	10
Глава 2	17
Станция Надеждинская	18
Казачий посёлок Чичаговский	28
Глава 3	47
Глава 4	53
Военный пост Раздольный	54
Раздольное – крестьянское селение	64
Глава 5	76
Тавричанка	79
Глава 6	81
Глава 7	85
Глава 8	88
Глава 9	93
Глава 10	101
Глава 11	108
Глава 12	111
Глава 13	116
Глава 14	117
Глава 15	118
Послесловие	121
Приложения	122
Приложение № 1	122
Территория Надеждинского района в древности и средневековье	122
Эпоха палеолита	122
Эпоха неолита	122
Эпоха палеометалла	123
Эпоха средневековья	123
Приложение № 2	126
Жители Тавричанки, в разные годы причисленные к обществу	126
Приложение № 3	127
Первые семьи села Городечня	127
Приложение № 4	129
Поселенцы Тимофеевки, причисленные в 1908 году	129

Валентин Пак

Земля вольной надежды. Книга

1. Очерки дореволюционной истории Надеждинского района

В книге использованы исторические фотографии из Российского государственного архива Дальнего Востока, Государственного архива Приморского края, из архива Приморского государственного объединенного музея им. В.К. Арсеньева, из архива музея ДВЖД г. Хабаровска, из краеведческой коллекции Дома культуры пос. Оленовод, из личных архивов Василькевича Б.Ф., Гайдая Д., Пака В.П., Пашко С.

Слово от автора

Родина, родители, народ, родник, природа – слова нанизываются одно за другим на единый остов. Они накрепко связывают единым корнем наше прошлое, настоящее и будущее. Человек неразрывно связан с окружающей реальностью, природой, то есть он живёт при роде, а Род – один из наиболее древних славянских богов, создатель всего живого и сущего. Корни слов теряются в глубине веков, но стоит лишь потянуть за одну нить, раскручиваются такие розчерки и повороты судеб, что зримо проступают люди, судьбы, события – узоры истории. И той большой, всемирной, которая грохочет всегда где-то вдали (затрагивая при этом каждого отдельно взятого человека), и малой истории – села, фамилии.

Очерки «Земля Вольной Надежды» относятся к малой истории, в данном случае – к истории Надеждинского района. Перед вами далеко не полная реконструкция событий: как шло формирование сёл, становление района с момента освоения далёкой окраины до революционного 1917 года. Пожалуй, это своего рода верстовые вехи, которые метят основные мгновения бурного переселенческого движения крестьян из европейской части Российской империи на восточные рубежи, когда Пекинский договор 1860 года начал отсчёт российской государственности на Дальнем Востоке.

С благодарностью отметим тех, кто уже обращался к изучению и осмыслению событий, дат и фактов становления Надеждинского района. В 1928 году вышла в свет книга краеведа, действительного члена Общества изучения Амурского края С. Яковлева «Братья Худяковы», посвящённая судьбам первопроходцев, первопоселенцев. Скрупулёзная работа проделана А. Дашковым, создавшим в 1967 году «Летопись посёлка Раздольное». Профессиональное мастерство прослеживается в работе историка С. Сакмарова «Вольно-Надеждинское. Страницы истории», вышедшей в 1999 году. Уникальные факты, частично касающиеся Надеждинского района, собраны В. Прохоровым в книге «В огне рождённый. Из истории комсомола Приморья», увидевшей свет в 2003 году. Добавим к этому публикации в региональных и местных газетах краеведов, к которым относится и Пётр Теляков, историк, корреспондент газеты «Трудовая слава», кто внёс свой существенный вклад в изучение истории Надеждинского района.

Мы обязаны знать наше прошлое. Как сказал великий поэт Иосиф Бродский, «настоящему, чтобы обернуться будущим, требуется вчера»...

Валентин Пак,

Почетный гражданин Надеждинского района,

председатель Думы Надеждинского муниципального района Приморского края

Пролог

Удивительнейшее явление – Россия на востоке прирастала новыми землями не в силу имперской экспансии, но благодаря духовно-волевому импульсу как личностей государевой службы, так и простого люда, сотен и тысяч людей, шедших «встречь Солнцу». В итоге освоение сибирских земель в XVI веке предопределило прочное вхождение Сибири в состав Русского государства. В XVII веке русская дипломатия при царе Алексее Михайловиче Романове широко развернулась в восточном направлении, завязывая дипломатические и торговые отношения с Китаем. В это время в пределы России фактически уже вошли как левобережье, так и правобережье Амура. Нерчинский договор 1689 года, весьма условно разграничив с соседним государством район верхнего течения Амура, оставил неразграниченными земли нижнего Приамурья и Приморья, затянув более чем на полтора столетия интригу российско-китайских отношений.

Восточная Сибирь постепенно заселялась русскими крестьянами, казаками и ремесленниками, развивались торговля и золотопромышленность. В это же время генерал-губернатор Восточной Сибири граф Николай Николаевич Муравьев неустанно сообщал в Петербург об угрозе проникновения вверх по Амуру и на остров Сахалин английских, французских и американских военных и торговых судов. В 1854 году ему были даны высочайшие полномочия о дипломатическом разрешении вопроса о признании за Россией левого берега Амура. Британские дипломаты пытались сорвать российско-китайские переговоры, призывая Лондон, Париж и Вашингтон немедленно открыть навигацию по Амуру независимо от того, будет ли на это у них юридическое право. Пекин маневрировал, рассматривая Петербург в некоторой степени как противовес Лондону и Парижу, но предпочитал дружить с соседом. И вот 28 мая 1858 года в городе Айгуне Н.Н. Муравьев и цинский уполномоченный князь И Шань подписали договор между Россией и Китаем о границах и взаимной торговле, по которому Приамурье признавалось принадлежащим России, а земли от реки Уссури до моря считались неразделёнными. Договор закрывал доступ западным судам в реки Амур, Сунгари и Уссури. В преамбуле договора отмечалось, что он заключен «по общему согласию, ради большей вечной взаимной дружбы двух государств, для пользы их подданных и для охранения от иностранцев».

Монаршим повелением Муравьеву был пожалован титул графа Российской империи и почётная приставка к фамилии – Амурский.

Важным условием развития Восточной Сибири Муравьев считал выход России к Тихому океану, а потому Амурский вопрос – территориальный – и проблема развития судоходства по Амуру к дальневосточным морям на долгие годы определили его деятельность. Муравьев прославил свое имя добрыми деяниями – присоединением земель, защитой восточных рубежей, научными изысканиями – вместе с казаками и солдатами он исследовал на плотах реки Аргунь, Амур, Уссури. Венцом его служения Отчизне стало подписание ряда определяющих международных трактатов по разграничению приамурских и приморских земель. Россия многим обязана честному, бескорыстному, деятельному генерал-губернатору.

Следующий исторический шаг российской дипломатии – подписание в Китае Тяньцзиньского договора о нанесении земель общего владения на карту. В срочном порядке в 1859 году Муравьев-Амурский снарядил экспедицию, а вдоль линии границы велел ставить столбы. Однако китайское правительство отказалось ратифицировать Айгуньский договор.

Разрешить территориальные споры предстояло русскому посланнику в Пекине Николаю Павловичу Игнатьеву. Генерал-майор слыл человеком умным, проницательным, умеющим войти в доверие к партнеру, сыграть на противоречиях между союзниками. Живой ум и русская смекалка очень пригодились спецпосланнику. Миссия Николая Игнатьева пришлась на Англо-франко-китайскую войну, которая, по сути, являлась попыткой колонизации Китая

европейскими державами. За ходом событий наблюдала Америка, введя в район военных действий свой флот. Обсуждать спорные вопросы с Россией китайцы отказались. Но приближалась развязка: англо-французские войска подступили к стенам Пекина. Оказавшись в безвыходном положении, китайский великий князь Гун обратился к Игнатьеву с просьбой о посредничестве и обещал «завершить все дела с Россией тотчас по заключении мира» с Англией и Францией. Игнатьев содействовал цинской верхушке на переговорах по заключению Пекинских англо-китайского и франко-китайского договоров.

Пекинский договор с Россией был подписан 14 ноября 1860 года. Согласно ему Уссурийский край юридически стал частью России «на вечные времена ненаруσιμο». Николай Павлович Игнатьев за доблестные дела получил чин генерал-адъютанта и назначение на пост директора Азиатского департамента Министерства иностранных дел.

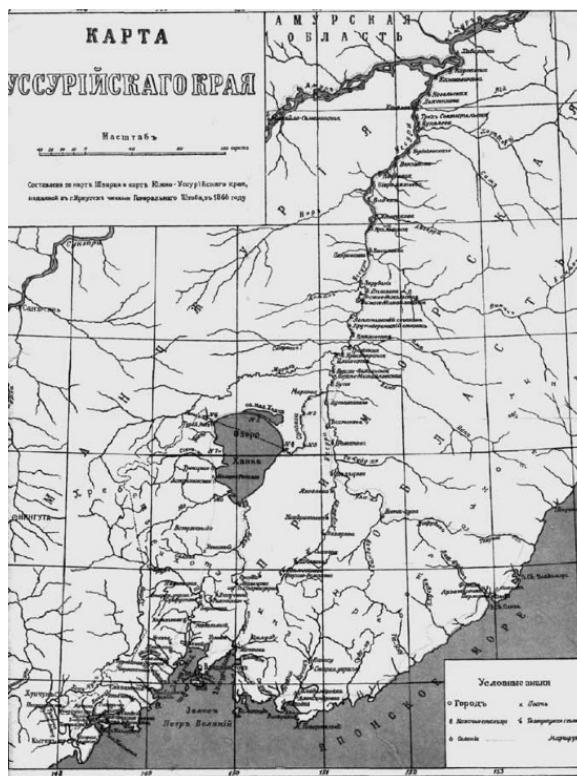
Генерал-губернатор Муравьев-Амурский докладывал в Петербург: «Теперь мы законно обладаем и прекрасным Уссурийским краем, и южными портами... Всё это без пролития русской крови, одним умением, настойчивостью и самопожертвованием нашего посланника, а дружба с Китаем не только не нарушена, но и скреплена более прежнего».

Уссурийский край долгое время входил в огромное территориальное образование – Приморскую область, позднее – в Приамурское генерал-губернаторство. Восточная окраина России делилась, разукрупнялась, снова укрупнялась, процесс этот продолжился и в новейший период. Так что биография Приморского края богата датами и историческими коллизиями, отражая в первую очередь сложный процесс, что пришёлся на период излома конца XIX века и первых десятилетий XX века на российском Дальнем Востоке.

Летопись преобразований Приморского края можно представить следующим образом. На карте царской России Приморская область с центром в городе Николаевске-на-Амуре появилась 13 октября 1856 года, войдя в состав Восточно-Сибирского генерал-губернаторства. Первым военным губернатором стал Пётр Васильевич Казакевич, помощник Н.Н. Муравьева-Амурского. В 1860 году Приморская область приросла Южно-Уссурийским краем.

В 1884 году Восточно-Сибирское генерал-губернаторство делится на два: Иркутское – с центром в городе Иркутске – и Приамурское – с центром в городе Хабаровске, куда и вошла Приморская область.

После Февральской буржуазно-демократической революции Приамурское генерал-губернаторство ликвидируется.

25 июля 1923 года вступает в силу законодательный акт об образовании Дальневосточной области, в составе которой определяется Приморская губерния. 4 января 1926 года Дальневосточная область преобразуется в Дальневосточный край с центром в городе Хабаровске.

20 октября 1932 года принято постановление Центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров СССР об образовании Приморской области с центром в городе Владивостоке.

20 октября 1938 года Указом Президиума Верховного Совета СССР Дальневосточный край был разделен на два: Хабаровский и Приморский. Приморский край объединял Приморскую и Уссурийскую области.

В 1939 году Приморская область ликвидируется. При этом Уссурийская область с центром в городе Никольске-Уссурийском¹ входит в состав Приморского края.

Приморский край по сути – правопреемник Уссурийского края «муравьевской эпохи». Так что, отсчитывая время образования с 20 октября 1938 года, Приморский край имеет полное право гордо начинать свою биографию с 14 ноября 1860 года, когда подписание Пекинского договора закрепило российскую государственность на востоке страны.

¹ Ныне город Уссурийск.

Глава 1

Надеждинский район: ванн истории

Историческими скрепами для Надеждинского района являются несколько основополагающих дат. Как уже отмечалось, в 1884 году Приморская область, войдя в состав образованного Приамурского генерал-губернаторства, делилась на два уезда – Хабаровский и Южно-Уссурийский. Уезды, в свою очередь, состояли из волостей. Современная территория Надеждинского района входила в административные границы Раздольненской волости Никольск-Уссурийского уезда. По площади волость значительно превосходила нынешние границы района, распространяясь далеко по правобережью реки Раздольной, захватывая Занадворовку, Барабаш и многие другие сёла теперешнего Хасанского района и часть Артёмовского городского округа.

(Новелла о далёком прошлом района, уходящем вглубь тысячелетий, об археологических находках древности и средневековья на территории Надеждинского района – в Приложении № 1 в конце книги).

Село Раздольное с самого начала стало волостным центром. Здесь находились становой пристав и крестьянский начальник. О силе власти и авторитете последнего красноречиво говорит тот факт, что оба слова должности чиновника писались с большой буквы: Крестьянский Начальник. Уезд возглавлял уездный начальник, ведомство которого располагалось в Никольске-Уссурийском.

О Раздольненской волости историческую зарисовку оставил податный (налоговый) инспектор Сергей Петрович Казанский. В его задачи входило составление разных сведений о населении волости, его доходах и расходах, анализ, какая живность содержалась в хозяйстве, какие использовались орудия труда и какие культивировались растения. Одним словом, требовался статистический отчёт, обосновывающий правильность уплаты податей. Инспектор же помимо цифр вдохновенно и с любовью сопровождал отчёт литературными пейзажными зарисовками, расписывая холмы и сопки с мягкими очертаниями, низины, поросшие кустарником, где многочисленные притоки – речки и ручейки питают могучий Суифун². Река, по его описанию, мирная в сухое время, становилась грозной и даже опасной в дожди, оборачиваясь настоящей бедой для населения. Бурные потоки сносили мосты, постройки, уничтожали посевы и луга, иногда совершенно меняя ландшафт. Климат испытывал людей на прочность, но всё равно крестьяне с успехом выращивали зерновые – рожь, овёс и даже пшеницу, из овощей – капусту, огурцы, лук, редис, чеснок. Казанский писал, что лучше всего растут бобовые и картофель, а также кукуруза, чумиза, пайза. Последние – прежде всего в тех местах, где пашней и огородами занимаются преимущественно корейцы. Они великолепные земледельцы и, самое главное, точно знают, какая культура какой может дать урожай. Местное население на этом спекулирует, сдаёт им землю в аренду на различных условиях, чаще всего с половины урожая. При этом почти никто из крестьян волости не разводит кур, яйца покупают либо у местных корейцев, либо в Никольске-Уссурийском, где на всех рынках торгуют яйцами из Маньчжурии. Отметил чиновник и «чисто сибирские», как он пишет, расстояния от селений до волостного правления. Из 15 селений четыре находятся от 9 до 21 версты³, два селения от 26 до 33 вёрст, четыре – от 50 до 65 и пять деревень – от 68 до 77 вёрст до Раздольного.

Всё крестьянское население Раздольненской волости в 1912 году составляло 4556 человек. Эти данные можно извлечь из справочника «Список населённых пунктов Приморской

² Ныне (с 1972 года) река Раздольная.

³ Верста – путевая мера длины в русской официальной метрологической системе до начала XX века, составляла 1066,8 м.

области, ярмарок и почтово-телеграфных учреждений, железнодорожных станций и волостных правлений, производящих почтовые операции», изданного во Владивостоке в 1912 году. В то же время, согласно академическому изданию «История Дальнего Востока СССР», в Приморской области отмечалась «большая концентрация войск», когда «ежегодно увольнялись в запас тысячи солдат и матросов, часть из которых оставалась в крае на постоянное жительство». Численность войск обычно не афишировалась. Поддаётся ли этот интригующий фактор учёту? Сделать это возможно по ведомости народонаселения Раздольненского полицейского стана за 1905 год. Там дана следующая раскладка: дворян – 4 человека, духовенства – 57 (30 мужчин и 27 женщин), казаков – 120, корейцев – 2314 (1208 мужчин и 1106 женщин), китайцев – 8189 (7878 мужчин и 311 женщин). И в то же время обозначена численность населения территории, обслуживаемой становым приставом: 35152 человека, «включая крестьян, военных (один генерал), ссыльных, казаков и др.». Простой арифметический подсчёт даёт в остатке 24467 человек. Кто же они, эти другие? Возможно, крестьяне плюс военные?.. Крестьян, как видно из справочника 1912 года, по волости и пяти тысяч не набиралось, значит с большей долей вероятности можно утверждать: военных – преобладающее большинство.

Для наглядности приведём сведения по Владивостоку. Всё его население, по Всеобщей переписи населения 1897 года, составляло на 28 января 28986 человек, среди них военных почти 12,5 тысяч. Военные – офицеры, солдаты, матросы – в категорию переселенцев, естественно, не входили. Но кто как не они осваивали наш край там, где выставлялись военные посты? Кто корчевал землю и распахивал первые огороды? Кто возводил дороги, мосты, церкви, первые здания? Кто принимал и отправлял почту? Солдаты линейных батальонов! Они же были и первыми пограничниками. Они, да ещё матросы Сибирской военной флотилии. Каково им было на краю света? Ответы на вопросы современников даёт мемуарная литература. Второй начальник поста Владивосток лейтенант флота Евгений Степанович Бурачек писал: «... В безлюдной точке, без всяких средств ни сверху, ни снизу, ни справа, ни слева... в роли Робинзона, где ещё требуется ничем и из ничего созидать, охранять, пропитывать, веселить, руководить, лечить...»

Заселение приморских земель в начале XX века шло параллельно с проведением аграрной реформы министра внутренних дел и председателя Совета министров Российской империи Петра Аркадьевича Столыпина, который хотел сделать Россию великой и, имея реальную власть, кое-что успел. Идея реформатора была проста и заключалась в тесной логической связке: земля и люди. Он полагал передать земельные наделы в личную собственность крестьян, то есть планировал организовать фермерские хозяйства.

Подготовка к аграрной реформе началась именно с Дальнего Востока. По «Временным правилам для образования переселенческих участков в Амурской и Приморской областях» от 22 июня 1900 года, здесь уже тогда предусматривалось хуторское устройство.

В европейской части России хутора и отруба⁴ насаждались в большинстве случаев насильственно, а у нас здесь – не иначе как с согласия обеих сторон: сельского общества и желающего отселиться. Кроме того, хуторские участки нарезались и заранее, до приезда новосёллов. Прибывший переселенец имел право владеть хутором единолично, не вступая в сельское общество.

Сделав первый шаг, Столыпин сделал бы и следующий, не оборвись его жизнь трагически – он был смертельно ранен в 1906 году во время террористического покушения. Закрепление собственности на землю стало бы логическим завершением реформы. О том, что собственность на землю – это краеугольный камень переселенческой политики, говорил с трибуны крестьянского съезда городской голова Никольска-Уссурийского отставной полковник Васи-

⁴ Отруб – в России в начале XX века земельный участок, выделенный из общинной земли (в результате столыпинской аграрной реформы 1906 года) в единоличную крестьянскую собственность (в отличие от хутора – без переноса усадьбы).

лий Калинин. Ссылаясь на «Обзор Приморской области за 1910 год», он подводил переселенческое «сальдо»: прибыли в край 16704 человека, бросили всё и выехали обратно 2737 человек. Причины возвращения на родину: по недостатку средств существования

– 33 %, из-за наводнений и таёжного характера земельных наделов – 21 %, вследствие тоски по родине – 18 %. Тех, кто возвращался, не удерживали здесь ни льготы, ни привилегии. Калинин по этому поводу высказывался однозначно: «В числе привилегий нет одной, по моему мнению, самой главной, а именно – нет права на собственность занятой земли. Это право предоставляется всем колонистам во всех странах мира, кроме России, и служит самым главным рычагом колонизации... Из всех собственности земельная особенно дорога человеку, чувство собственности свойственно натуре человека...»

Архивная копия

Иркутского Губернского Земельного Начальника *Иркутск* губернии

Адрес: почтовый *Иркутск* телеграфный *г. Иркутск* участка

г. ПРОХОДНОЕ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО. № *10*

1. Прокладывая это (своим или другим, фамилия *Иванов*) *свободному* *Иванов*

2. Переселенца из *Иркутск* губернии *Саяно-Иркутск* уезда *Удольнинск* волости, селения *Востриковск*

3. В *Приморскую* губернию (или область) *Приморск* уезд *Светлиц* волости.

4. По удостоверению переселенческого чиновника (или крестьянского начальника) *исключено* *Иванов* 19 *12* г. № *б* человек за имя на *Иванов* участок *2* долей или по приговору приговору общества.

Мужского пола: Мужского пола: Женского пола:

Возраст: *35* лет

Семья: *1* человек

Кроме этого остался на родине а для мужского пола

В удостоверение этого вышеизложенного дано это проходное свидетельство. *Иркутск* 28 МАРТ 1913

Подпись: *Иванов*

По прибытии на Саянский и Чаланский участки, настоящее свидетельство предъявляется для отбитки переселенческому чиновнику, а по прибытии на иные участки – крестьянскому начальнику или лицу, его назначенному, для приписки по месту водворения.

Это для отбитки и выдачу удостоверения на проезд по переселенческому тарифу.

Тарифное удостоверение выдано на № *10* за проезд от *Иркутск* по *Иркутск* от станции *Светлиц* на *5* до станции *Иркутск* *Иркутск*

г. Иркутск 28 МАРТ 1913

Иркутский Земельный Начальник *Иванов*

Иркутск

Свидетельство о заселении крестьянина на переселенческий участок

Именно в первые 40 лет от отмены крепостного права происходило формирование слоя первопоселенцев, как их позднее назовут, крестьян-старожилов. Они сами выбирали себе места, часто занимали участки и гораздо больше 100 десятин⁵ – свободных площадей хватало. В Раздольненской волости образовались селения старожилов: Раздольное, Городечное, Кедровские хутора (Оленевод), Тереховка, Нежино, Кипарисово. Численность крестьянского населения Раздольненской волости составила к 1902 году 1328 человек.

Особо стоит сказать о казаках. У них льготы, взамен усердной службы, были ещё более весомыми. Рядовому составу полагалось по 30 десятин земли на мужскую душу, плюс по 10 десятин в станичный запас. Начальствующий состав имел право на пожизненный земельный надел: в размере 200 десятин обер-офицер и 400 – штаб-офицер. Правда, впоследствии, в начале XX века, комиссия помощника Приамурского генерал-губернатора генерала Аркадия Семеновича Беневского выработала иную норму казачьего надела – вкруговую 50 десятин на мужскую душу.

⁵ Десятина – основная русская единица земельной площади до 1917 года, составляла 1,0925 га.

Когда через весь Уссурийский край пролегла железная дорога, добираться на далёкую окраину стало проще. Новосёлы стремились в дальневосточный край, но свободных земель оставалось не так много. И «Временные правила», вступившие в силу 22 июня 1900 года, вместо 100-десятинного семейного надела давали теперь право максимум на 15 десятин удобной земли⁶ на мужскую душу, включая и лесной надел.

Новые правила размежевали старожилов-стодесятников и переселенцев-новосёлов. Более того, как указывалось в издании Переселенческого управления «Справочная книжка для ходоков и переселенцев на 1911 год», теперь уже «правительство никого не приглашает на переселение». Интересный, живой, а главное, честный документ! Сохраняя орфографию, приведём несколько пространных выдержек из него, чтобы составить реальное представление о ситуации в предреволюционные годы.

«На переселение должны подниматься люди сильные, здоровые и обладающие деньгами... а семьям слабосильным и малоимущим надо совершенно отказаться от мысли о переселении. Не следует доверять никаким рассказам, что пособия выдаются щедро. Правительство выдаёт беспроцентную ссуду, которую придётся возвращать. Ссуда эта к тому же не так велика, чтобы на неё можно было в Сибири устроиться самостоятельно, тем более что обыкновенно и выдают эту ссуду по частям... Не следует верить, что такая ссуда, по закону, будто бы... всем и каждому. В законе точно установлено: в случае нужды и в местах, наиболее трудных для заселения – до 200 рублей».

Потратиться новосёлам предстояло ещё как. «Если нанимать на корчёвку рабочих, то это обойдётся от 80 до 150 рублей на десятину, стало быть, надо считать от 50 до 100 хороших мужских подёнщин. Огород в первый год водворения ещё можно успеть посеять, а уж для полевого посева едва ли какая семья приготовит земли, поэтому надо рассчитывать прожить целый год с семьёй покупным хлебом... Пахать надо железным плугом, в четыре и более лошади... Жизнь на Дальнем Востоке вообще дорога... хлеб в муке стоит 1 р.20 к. – 1р.70 к. за пуд, лошадь – 80-120 р., корова молочная – 100–150 рублей». Для сравнения, в Забайкалье лошадь стоила 45–50 рублей, корова – 30–40.

⁶ Удобные земли – земли, на которых возможно земледелие.

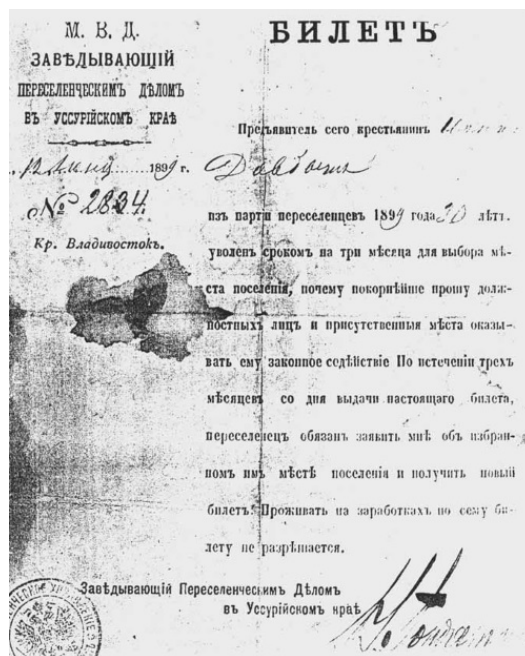

В некотором роде путеводитель для переселенцев

Временный паспорт ходока.

«Чтобы устроиться на Дальнем Востоке, надо привезти с собой не менее 400–500 рублей на семью. С этими средствами при правительственной ссуде – до 200 рублей на семью – сильная семья на подходящем земельном участке безусловно окрепнет, и хорошая будущность для неё обеспечена.

Билет ходока-переселенца

По недостатку классных вагонов ходоки и переселенцы перевозятся большею частью в товарных вагонах-теплушках... В пределах Европейской России питательные пункты, где переселенцы и ходоки могут получать горячую пищу и врачебную помощь, устроены на следующих станциях: Козлов, Балашов, Киев, Харьков, Воронеж, Смоленск, Вязьма, Курск, Орёл, Моршанск, Пенза, Сызрань, Самара, Кинель, Абдулино, Уфа, Златоуст, Челябинск, Тюмень... Дети переселенцев до 4-х лет включительно могут получать в этих пунктах бесплатно раз в день кружку молока и ½ фунта⁷ белого хлеба, а дети до 10-летнего возраста бесплатно получают порцию борща или щей. Взрослые уплачивают за обед, состоящий из борща или щей с небольшим куском мяса, 4 копейки. Постные обеды везде стоят по 2 копейки. В Челябинске за эту плату отпускается ещё и каша; хлеб желающим продаётся по заготовительной цене... В Челябинске, Сызрани и на других больших переселенческих пунктах по линии Сибирской железной дороги для переселенцев устроены бани и прачешные. Пользование бесплатное... В переселенческий вагон-теплушку полагается помещать не более 30 человек, а с 1 мая до 1 августа – только 25. В классные вагоны 4 класса помещается по 40 человек круглый год... Если в пути кто-нибудь заболел... за лечение ничего платить не надо».

Авторы издания предупреждают: «На больших остановках, особенно в Челябинске и Омске, проживает немало жуликов, которые знают прекрасно, что у всякого переселенца есть хоть небольшие деньги. Эти жулики устраивают разные лотереи, заманивают разными играми (в карты, в ремешок) переселенцев и обыгрывают их. Они играют наверняка, потому что играют заведомо нечестно. Они пользуются доверчивостью переселенцев, и кто поддаётся их соблазну, того уж с деньгами они не выпустят. Кроме того, жулики и просто грабят, в большой толпе вытаскивают деньги из карманов. Надо, значит, деньги прятать так, чтобы их не могли

⁷ Фунт – единица измерения массы, в России Положением о мерах и весах 1899 г. установлено следующее его выражение в метрической системе мер: 1 русский фунт = 0,40951241 кг. Таким образом, ½ фунта составляет 205 г.

вытащить. Нельзя также принимать от незнакомых людей угощения водкой, пивом. Это тоже мошеннические проделки. В водку или пиво подсыпают дурмана и, когда Переселенец впадает в бесчувственное состояние, его обирают как липку...»

О расходах в пути: «Взрослые переселенцы и их дети старше 10 лет за проезд... платят четвертую часть стоимости пассажирского билета 3 класса. Дети моложе 10 лет перевозятся даром... Кладь в сундуках и тюках, телеги, земледельческие орудия, пчелиные ульи, зерно перевозится по копейке с пуда за каждые 100 вёрст. За ту же плату перевозятся домашняя птица, ягнята, поросята, если они отправляются в корзинах, клетках и т. п. Бараны, овцы, ягнята, козы, свиньи, поросята и телята (в том числе и сосуны, находящиеся при матках), отправляемые поштучно, перевозятся по 14 копейки с головы и версты. За лошадей, рогатый скот и жеребят... платится за каждую версту по ½ копейки с головы... Переселенческая кладь подлежит отправлению непременно в одном поезде с самими переселенцами...»

Кажется, в справочнике предусмотрено всё: даны скрупулёзные рекомендации, напечатаны законы и правила оформления наделов, обозначены функции уездных землеустроительных комиссий и крестьянского начальника. Расписаны операции в Крестьянском поземельном банке. Приведён список адресов складов и товарно-продовольственных лавок. Напечатано подробнейшее расписание поездов всех шести очередей отправки переселенцев. В частности, первая очередь (для тех, кому дальше всех ехать) с посадкой с 10 по 24 марта, т. е. до Благовещенья (по старому стилю), чтобы пассажиры успели до праздника добраться. Указаны расстояния между пунктами и сумма денег, которая потребуется на поездку. Приведены адреса с фамилиями заведующих переселенческими районами. Например, Приморским переселенческим районом руководил в 1911 году Михаил Николаевич Савинский, местожительство – Владивосток. И адреса агентов земской переселенческой организации, вплоть до таких нюансов: в Приморской области Михаил Николаевич Коссович числился на тот момент в отпуске, а вот Евгений Михайлович Блажиевский, на месте и проживает по адресу: Владивосток, Суйфунская, 26, кв. 4. Подробно расписывалось, как найти подрайонного переселенческого чиновника. Допустим, для прибытия в Ольгинский подрайон переселенцу следовало сойти с поезда на станции Владивосток, потом добираться 350 вёрст парохомом до поста Святая Ольга и там интересоваться, где контора подрайонного переселенческого чиновника. Детальный справочник! К тому же написанный понятным для любого сообразительного крестьянина языком. Только многие ли переселенцы при том уровне грамотности читали его?..

Зачастую переселенцы ехали в полную неизвестность. Ехали в надежде на лучшее будущее. Они ещё не знали, с какими столкнутся трудностями. С катастрофическими наводнениями, с бездорожьем, нехваткой врачебной помощи. В богатом природой краю один только гнус мог свести с ума, дети криком кричали, и не спасал никакой дымокур. Многие умирали, надорвав здоровье. Первым всегда трудно.

Глава 2

Вольно-Надеждинское

Магический смысл заложен в топонимическом звучании села Вольно-Надеждинского. Название заряжено энергией, оптимизмом и величайшей верой в светлое будущее. До Октябрьской революции жители упорно отстаивали первую часть двусложного топонима – Вольный. После 1917 года, в особенности по окончании Гражданской войны, слово «Вольный» не менее упорно убиралось. Оставалась Надежда. Так или иначе, благозвучное досталось от предков название!

Официальной, то есть по справочнику административно-территориального деления Приморского края, датой образования села Вольно-Надеждинского считается 1899 год. Однако сам процесс заселения растянулся на несколько предшествующих десятилетий. В истории Вольно-Надеждинского сохранились свидетельства, следуя которым, факт образования села можно соотнести с различными датами. Две подтверждаются документально: 1893 год – открытие железнодорожной станции Надеждинская и 1899 год – образование казачьего посёлка Чичаговского. Но память старожилов сохранила сведения о почтовом станке Вольный и о казачьем хуторе или хуторах в нескольких километрах к западу от современного райцентра, так что село старше официально обозначенного возраста лет на пятнадцать. На эту версию работает немаловажный факт: архивы сохранили точную дату открытия почтовой станции Тигровая – весной 1884 года, а ведь это северо-восточная окраина современного Вольно-Надеждинского!

Станция Надеждинская

К концу XIX века на юге Дальнего Востока остро встала транспортная проблема. Связь со столицей осуществлялась лишь морским путём – не менее 40 суток в один конец. Да что говорить о сообщении с центром, если из Владивостока в Хабаровск по рекам и на почтовых перекладных добирались от семи до 10 суток. Железная дорога, опоясав европейскую часть России, оказалась в тупике на восточном направлении. В результате – тормозилось экономическое развитие, слабо обеспечивалась оборона самой дальней российской области.

Требовался мощный изыскательский импульс и энергичный железнодорожный прорыв. Трассу на участке Владивосток – Раздольное проектировал инженер путей сообщения, начальник партии по изысканиям Южно-Уссурийской железной дороги Василий Семёнович Надеждин. Именно он наметил направление будущей линии железной дороги в наших местах, а начальник строительства Александр Иванович Урсати осуществлял этот проект, согласно которому дорога должна пройти, «оглябая залив Угловой и переходя по водоразделу в бассейн реки Суйфун». Начальник строительства определил место, где необходимо проложить тоннель длиной в 170 сажень⁸. Первые колышки на месте будущей станции вбили в 1888 году под руководством Надеждина. Тоннель построили лишь в 1916 году. По воспоминаниям Евдокима Тимофеевича Сазонова, 1903 года рождения, строили итальянцы «под нашим надзором», недостатка в рабочей силе не было. Скальную породу подрывали динамитом. Главным подрядчиком у иностранцев был инженер Джебелло-Сокко. С российской стороны контроль осуществлял инженер технического отдела Лучко. С 1914 года на строительстве железной дороги работал его отец Тимофей Егорович Сазонов. Накануне Первой мировой войны, в 1913 году успели проложить второй путь между Владивостоком и Никольском-Уссурийским, заменив рельсы лёгкого типа на более тяжёлые.

⁸ Сажень – старорусская единица измерения расстояния, 1 казенная сажень была равна 2,1336 метра, с введением в 1924 году в СССР метрической системы мер вышла из употребления.

А.И Урсати, начальник строительства УЖД с 1892 г. Фото из архива музея ДВЖД. г. Хабаровск.

Темпы строительства на первом участке подробно освещались в прессе, особенно в областной газете «Владивосток», за 1893 год. Укладка рельсошпальной решётки производилась от Владивостока, и корреспонденты буквально по дням информировали читателей о ходе работ.

21 мая 1893 года (по новому стилю) на станциях Надеждинская и Раздольная были сделаны водоприёмные колодцы. Станций как таковых нет, идёт стройка, но названия уже укрепились. Строительство по тем временам развернулось масштабное, о нём часто упоминают,

много рабочих задействовано, и, очевидно, в разговорах не раз звучало: «Ты у кого (на кого) работаешь?» «У Надеждина». Так и прижилось название, позже закреплённое официально.

Василий Семёнович Надеждин родился 16 марта 1854 года в Суздальском уезде Владимирской губернии в семье священника. В 1881 году окончил Петербургский институт инженеров путей сообщения. Приказом министра путей сообщения от 7 июня 1887 года 33-летний Василий Надеждин назначается начальником партии по производству изысканий Южно-Уссурийской железной дороги. Пробыл он в дальневосточном краю около двух лет. Местный климат не лучшим образом сказался на здоровье Василия Семёновича, и по рекомендации врачей 1 марта 1889 года он отбыл в европейскую часть России на прежнее место службы, в распоряжение Временного управления казённых железных дорог. Память о себе инженер Надеждин оставил крепкую. По достоинству оценили и его труд: по представлению начальника строительства Урсати Надеждин награждается орденом Святого Станислава 3 степени и получает чин коллежского асессора. Этот высокий, 8-го класса чин в «Табели о рангах» давал ему, сыну священника, право на личное дворянство.

И вот свершилось! 15 июня 1893 года газета «Владивосток» сообщала: «Близ почтовой станции Тигровая для движения поездов и приёма служебных телеграмм открыта железнодорожная станция Надеждинская».

Сначала движение шло в тестовом режиме, к тому же в первую очередь использовалось для снабжения строительных площадок всем необходимым. Рельсы, шпалы, другие материалы уже не надо было везти на лошадях либо пароходами морем из Владивостока, а затем по реке Раздольной.

Военнослужащие, занятые на строительных работах, жили в шалашах или, в лучшем случае, в палатках. Благо, на дворе стояло лето. Строители, вся техника которых – лошадь, кирка да лопата, к 17 июня, по сообщению газеты, довели ветку до 45-й версты. А 1 июля движение рабочих поездов достигло 58-й версты, «близ реки Пачихезы⁹». Рекордные темпы! При этом вырубка леса, отсыпка земляного полотна, мосты, тоннели и все-все подготовительные работы производились одновременно на всём протяжении строительного участка, в данном случае, Владивосток – Никольская.

25 июня 1893 года на станции Надеждинская был оборудован телеграф в два провода с установкой аппарата. Надо отметить, что первыми обладателями коммутаторов на 30, 50 и 100 телефонных номеров были ведомства: морское, военное, железнодорожное, торговое, горных месторождений, а также частные лица – известные предприниматели Отто Линдгольм, Юлий Бринер, Михаил Янковский. В конце XIX века во Владивостоке, Никольске-Уссурийском, Сучане, Тетюхе¹⁰, Раздольном наряду с телеграфом работала и коммутаторная телефонная связь, которая обеспечивала переговоры в пределах одного ведомства. Так, на каждом руднике тетюхинского месторождения Ю. Бринера был установлен один телефон. М. Янковский в целях безопасности охраняемой территории от хунхузов располагал десятью номерами телефонной сети фирмы «Эрикссон». Шахты № 1 и № 2 Сучана подключили внутришахтовую связь на 30 номеров. К началу Русско-японской войны Владивостокская крепость имела пять коммутаторов по 50 телефонов, всего 250 телефонных аппаратов. Назрел вопрос объединения коммутаторной связи в единую телефонную сеть, что и привело к строительству телефонной станции на 600 номеров во Владивостоке в 1907 году. Отныне и Вольно-Надеждинское, и Раздольное, и другие поселения имели возможность подключиться к владивостокской телефонной сети и вести телефонные переговоры в границах Приморской области.

27 августа 1893 года газета «Владивосток» информировала читателей: строительство гражданских сооружений приближается к концу... Вообще, строили достаточно быстро, хотя

⁹ Сегодня – река Китарисовка.

¹⁰ Сегодня – город Дальнегорск.

жильё для гражданского населения не являлось приоритетной задачей. По данным «Приложения к отчёту по постройке Южно-Уссурийской железной дороги», деревянное здание площадью 47,85 квадратной сажени¹¹ (приблизительно 102 квадратных метра) возвели за два месяца. Главной, конечно, была сама дорога. Кто строил её? Тысячи и тысячи людей, включая китайцев, корейцев и ссыльнокаторжных Сахалина. Два года раньше та же газета 16 июня 1891 года (здесь и далее даты по старому стилю) сообщала: «В настоящее время от Владивостока до Никольского¹² работает до 5 тысяч человек землекопов и на мостах 300 каменщиков». Информация от 30 июня: «Железнодорожными рабочими называют здесь русских, не каторжников. Но и эти свободные русские рабочие содержатся так плохо, что по наружности много походят на арестантов или бродячий люд. На днях всю партию до 500 человек проводили по улицам Никольского под вооружённым конвоем двух рот стрелков. Взбунтовались против подрядчиков, которые кормят их гнилым мясом и сырым хлебом». 14 июля размещена заметка о составе работающих: «2500 солдат, 900 ссыльнокаторжных, 300 ссыльнопоселенцев, 400 вольных рабочих и 1700 китайцев и корейцев. Недавно из Одессы прибыло ещё 334 рабочих. Кроме того, на каменных работах 125 русских и 300 китайцев».

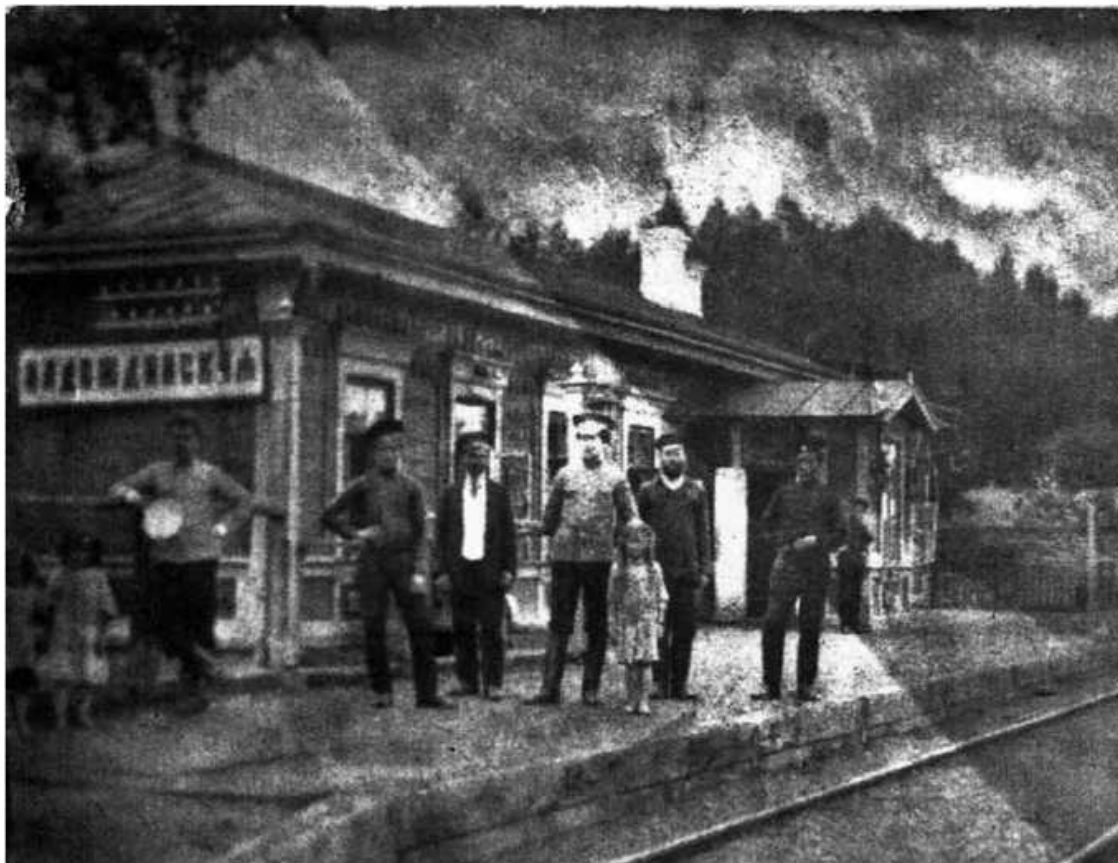
¹¹ На практике, с помощью сажени определялись длина – погонная сажень, площадь – квадратная (круглая) сажень, объём – кубическая (или толстая) сажень, высота и глубина – морская сажень (равная 1,83 м).

¹² В настоящее время город Уссурийск. Уссурийск был основан в 1866 году как село Никольское, которое в 1898 году получило статус города и имя Никольск-Уссурийский.

Ссыльнокаторжные на строительстве Уссурийской железной дороги. Фото из архива музея ДБЖД. г. Хабаровск

Нижние воинские чины привлекались к работам по соглашению между Министерством путей сообщения и генерал-губернатором Приамурского края и сначала находились под юрисдикцией гражданского подрядчика. Однако недовольство условиями и оплатой труда, питанием привели к тому, что отряд подрядчика Веденского (1550 человек) передали под руководство подполковника Экстена. Для более мобильного управления военнотружущих разделили, создав Владивостокский и Раздольненский отряды. Владивостокский отряд состоял из солдат трёх линейных батальонов и сапёрной роты, Раздольненский – из пяти стрелковых батальонов и Второй бригады. Военные строители с мая по ноябрь 1891 года дали такую отличную выработку, что «позволило испросить дополнительное вознаграждение». В 1892 году подполковник Экстен в силу необходимости вновь провёл реорганизацию, сгруппировав три подразделения в районе Владивостока, на Тигровом перевале и в селе Черниговке.

*Вокзал ст... Надеждинской, 1900 г.
Из фотоархива Д. Гайдая*

Территория станции Надеждинская фото составляла чуть больше 21 гектара, включая станционные пути. На этой площади компактно размещались: деревянное здание вокзала размером 36,76 квадратной сажени, открытая посадочная платформа для пассажиров, служебные помещения общей площадью 81,61 квадратной сажени, каменный ангар для одного паровоза, каменная водонапорная башня, погреб с ледником и баня. Земли по обеим сторонам от станции находились в ведении железной дороги. И депо, и водонапорная сохранились до нынешних времен, правда, башня – в усеченном варианте, без водяной ёмкости, её сдали на металлолом. Вокзал, возведённый в 1910 году, перешагнул столетний рубеж.

Современный вид вокзала ст. Надеждинская, построен в 1910 г.

На станции по штатному расписанию было две службы. В службе движения – начальник станции, его помощник, стрелочник, сторож и уборщик. В службе тяги – два машиниста паровоза, два помощника, два кочегара, то есть полные две локомотивные бригады, плюс сторож депо. Всего получается 12 человек. Тринадцатым был жандарм. На станциях Уссурийской железной дороги с октября 1893 по март 1917 года для охраны общественного порядка и защиты от нападений хунхузов существовало жандармско-полицейское ведомство, которое подчинялось военному губернатору области.

Военные железнодорожники являлись надёжным и технически грамотным коллективом. На военную службу призывали сроком на шесть лет, призывной возраст – 21 год. В специальные железнодорожные батальоны набирали призывников, преимущественно имеющих железнодорожную специальность или смежную с ней. После демобилизации желающие могли пройти профессиональные курсы, претендуя потом на исполнение любых обязанностей – от стрелочника до машиниста или начальника станции. Хороший, крепкий был резерв. 13 января 1895 года вся Южно-Уссурийская железная дорога, от Владивостока до Имана¹³, была сдана во временную эксплуатацию. А с февраля 1896 года дорога перешла из ведения управления строительства на самостоятельное управление. Первым начальником дороги стал командир Уссурийского железнодорожного батальона подполковник Дмитрий Леонидович Хорват впоследствии генерал-лейтенант, один из лидеров Белого движения.

Газета «Владивосток» радуется своих читателей чрезвычайной важности заметкой: с 14 ноября 1896 года на участке Владивосток – Никольская начались приём и передача грузов и обслуживание пассажиров на станциях: Владивосток, Надеждинская, Раздольная и Никольская. Другими словами, станция была сдана во временную эксплуатацию. Тут же были опубликованы тарифы для гражданского населения и воинских чинов, перевозки багажа и расписание движения пассажирских поездов. На станцию Надеждинская поезд, в частности, прибывал в

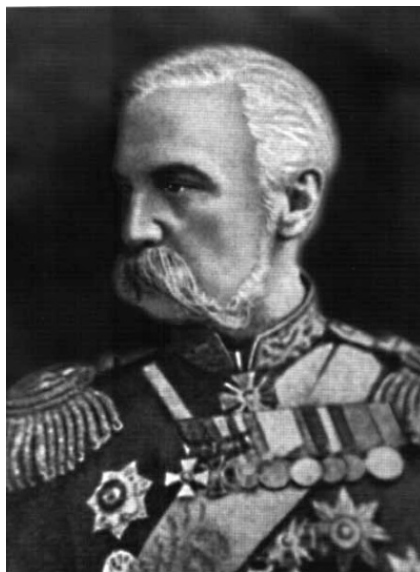
¹³ *Сегодня – город Дальнереченск.*

10.19, стоянка – 1 час 52 минуты, отправление – в 12.11. Обрато, со станции Никольская, стоянка поезда была 25 минут. Выручка по кассе за первые пять недель работы, с ноября по декабрь 1893 года, составила 430 рублей 50 копеек. В фондах Российского государственного исторического архива (РГИА) сохранилось расписание движения поездов по Южно-Уссурийской железной дороге с 20 июня 1896 года, где чётко указан пункт назначения: станция Надеждинская. Всё! Вокзал открыт, поезда с пассажирами и грузами прибывают и отправляются, багаж грузится, телеграммы пересылаются, работают водопровод, складские помещения – все необходимые службы функционируют.

*Д.Л. Хорват, первый начальник УЖД.
Фото из архива музея ДВЖД. г. Хабаровск*

К 1896 году по грузообороту станция Надеждинская среди шести крупных станций новой железной дороги уступала лишь станциям Владивосток и Никольская. Здесь грузилось 887 тысяч пудов¹⁴ в год, в том числе уголь, кирпич, лесные стройматериалы, дрова и спички. Уголь и кирпич – тавричанские, а спички – со спичечной фабрики Суворова на Седанке, первой и единственной в Приморье, вплоть до революции. Кстати, долгое время считалось, что фабрика принадлежала знаменитому однофамильцу – фабриканту Михаилу Ивановичу Суворову, купцу, строителю и меценату, действительному члену Общества изучения Амурского края.

*С.М. Духовской,
Приамурский генерал-губернатор (1893–1898).
Фото из архива музея ДВЖД. г. Хабаровск*

Для развития края требовался прогноз о перспективных населённых пунктах. Приамурский генерал-губернатор Сергей Михайлович Духовской шлёт запрос военному губернатору Приморской области Павлу Фёдоровичу Унтербергеру. 31 января 1896 года приходит ответ: «На предложение Вашего Высокопревосходительства от 3 октября 1895 года относительно выяснения вопроса о том, в каких пунктах вдоль Уссурийской железной дороги возможно ожидать возникновения городов или значительных поселений, имею честь сообщить. В настоящее время вблизи станции (Надеждинская – Прим, ред.) нет никаких селений, но здесь находятся удобные места для их образования. . . Поселения, если не земледельческие, то промышленные, и они будут тяготеть к Надеждинской станции. Кроме этого, от станции самый удобный путь для прокладки ж/д на Сучан¹⁵, где богатые залежи угля. Все эти данные заставляют предполагать, что у самой станции Надеждинской впоследствии может образоваться если не городок, то, во всяком случае, значительное торгово-промышленное поселение. У Раздольного, Городечни и Тереховки нет данных для образования каких-нибудь центров».

В переселенческом движении на российский Дальний Восток можно выделить три этапа: 1861–1881 годы, когда переселенцы полтора-два года добирались из центральных районов Рос-

¹⁴ Пуд – устаревшая единица измерения массы русской системы мер, с 1899 года, в соответствии с «Положением о мерах и весах 1899 года» 1 пуд равен 16,3804815 кг.

¹⁵ Сегодня – город Партизанск.

сии на перекладных, 1882–1900 годы – путешествие морским кругосветным путём за 40–50 суток, 1901–1917 годы – переезд по железной дороге.

Начало массового заселения Уссурийского края совпало с отменой крепостного права. Интересно, что генерал-губернатор Восточной Сибири Николай Муравьев ещё в 1858 году подал в Сибирский комитет свой проект правил для переселения в Приамурский край. Год спустя – ещё один, усовершенствованный. Проанализировав опыт западно-европейских стран, он предложил выделять каждой переселяющейся семье по 100 десятин земли. Ему возражали: в России крепостное право! А генерал-губернатор подчёркивал в своём проекте: «Крепостные, зашедшие в Амурскую и Приморскую области, становятся свободными».

26 марта 1861 года правительство издаёт «Правила для поселения русских и иностранцев в Амурской и Приморской областях Восточной Сибири». Главные положения этого документа – о добровольности переселения и небывалых преференциях – по 100 десятин земли на семью. Правда, с условием: если заселяешься целым обществом (не менее 15 семейств). Условие это, впрочем, не всегда соблюдалось.

Через месяц, 27 апреля того же года Сенат предоставил переселенцам ещё ряд преимуществ: переселяешься за собственный счёт – освобождаешься от рекрутской повинности в течение 10 наборов, навсегда освобождаешься от подушной подати, а поземельный налог начнёшь платить только по истечении 20 лет со дня издания указа. Наконец, «Особые правила» 1866 года предусматривали дополнительные льготы: 100 рублей денежной ссуды на семью, солдатский паёк до нового урожая и полную свободу в выборе мест поселения. Правила эти, с незначительными изменениями, существовали до начала XX века. Однако заселение шло не так быстро, как предполагало правительство. В 1870-е годы приток новых переселенцев практически совсем прекратился.

Два важных события – Закон от 1 июня 1882 года «О казённокоштном¹⁶ переселении в Южно-Уссурийский край» – и одновременно установление регулярного морского сообщения между Одессой и Владивостоком значительно активизировали процесс. В западных губерниях России широко пропагандировалось своекоштное (за свой счёт) переселение: для желающих отправиться на Дальний Восток устанавливался денежный залог в 600 рублей – минимальная сумма, которую должен был иметь переселяющийся для полного обзаведения на новом месте. Позднее сумму залога снизили вдвое. Преимущество имели крестьяне Левобережной Украины, особенно сильно страдающие от малоземелья.

В результате комплексных мер с 1883 по 1901 годы морем в Южно-Уссурийский край переселилось 55208 семей, из них 7029 семей – за казённый счёт.

Делами переселенцев с 1882 года стало заниматься специальное ведомство – Южно-Уссурийское переселенческое управление, которое возглавил Фёдор Фёдорович Буссе. На содержание аппарата правительством выделялось 165200 рублей. Интересно, что в центре европейской части России Переселенческое управление при Министерстве внутренних дел было создано только в 1896 году.

Процесс освоения далёкой окраины шёл трудно, скачкообразно – то усиливался, то замедлялся, но всё равно имел нарастающую динамику. Российское государство тратило на переселение огромные средства.

¹⁶ *Казённокоштный* – содержащийся и обучаемый на казённый кошт, на средства казны, государства; антоним – *своекоштный*.

Казачий посёлок Чичаговский

Железная дорога в Уссурийском крае проходила вдоль русско-китайской границы. Закономерно возник вопрос об её охране. С этой целью правительство организовало в 1895 году массовое переселение с Дона казаков, которые одновременно должны были заниматься и хозяйственным освоением территории. В том же году организовался Донской станичный округ.

Переселенцы прибыли и застали на посту Вольный несколько семей казаков-забайкальцев: Бурдуковых, Ташлыковых, Токмаковых, Шаповаловых. Дело в том, что генерал-губернатор Муравьёв-Амурский в середине 1860-х годов в срочном порядке своим приказом из Забайкалья направил казаков в Приморье. Позднее в южное Приморье перебросили казаков с северных областей края. Этим первым казакам-забайкальцам принято считать старожилами.

В конце XIX – начале XX веков на Дальний Восток и конкретно в Приморье переселяли донских, оренбургских, кубанских, терских¹⁷, уральских казаков, а также забайкальцев и крестьян-малороссов. Все они уже из когорты новосёлов. В свою очередь, казаки-новосёлы подразделялись на коренных (станичных) и приписных¹⁸. Порой приписные казаки оказывали на коренных негативное влияние, потому что попадали в эту категорию не только обычные крестьяне из самых разных мест России, но и солдаты-штрафники нижних чинов. К приписным старожилы относились пренебрежительно-иронично: тоже мне, сторублёвый казак! За приписку надо было платить 100 рублей.

Пост Вольный упоминается в исторических документах неоднократно. Рассматривая версию возникновения поста, обратимся к моменту, когда в крае стали налаживать почтовую связь. Поскольку пионерами в освоении края были военные, они и стояли у истоков развития связи. И первыми почтальонами Приморья были либо солдаты линейных батальонов, либо забайкальские казаки. Например, Нижний Суйфунский станок¹⁹, что располагался в устье реки Раздольной, начиная с 1861 года обслуживался солдатами линейного батальона. Несколько лет спустя станок стал называться почтовым постом на полуострове Речном (около посёлка Тавричанки). В районе будущего Вольно-Надеждинского до 1879 года основная тяжесть доставки почты лежала именно на казаках.

Почтовая служба в целом представляла собой сеть почтовых станций и станков от Владивостока до Хабаровска. От почтового поста Угловой до поста Раздольный тянулась военно-вьючная тропа, которую путешествовавший здесь в 1869 году Николай Михайлович Пржевальский назвал «отвратительной тропинкой». По ней следовали конные фельдъегеря со срочными депешами. К сведению, «срочность» для команды постов обозначалась очень просто. В мемуарах начальника военного поста Владивосток Бурачка описывается, что к обычному конверту сургучом припечатывалось птичье перо – «для означения, что посылаемый конверт должен быть передаваем со станка на станок безостановочно». Между Угловым и Раздольным, вероятно, была промежуточная почтовая станция или пост. Если версия верна, то это и был Вольный, забайкальцы называли его станком. Выставили его, ориентировочно, в середине 1860-х годов.

Тогда казаки могли расселяться по собственному свободному выбору – хотя и в пределах общего земельного отвода. Отсюда и название. Во всяком случае, старожилы упорно упоминают станок Вольный, появившийся намного раньше посёлка Чичаговского. В 1869 году после почтовой реформы пост Угловой получил статус почтовой станции со штатом из трёх солдат (староста, ямщик и сторож). Военно-вьючная тропа мало-помалу улучшилась и стала

¹⁷ Казаки, которые живут вдоль рек Терек, Сунжа, Леса, Кура, Малка, Кума, Подкумок на Северном Кавказе.

¹⁸ По народному постановлению приняты в замкнутую казачью среду.

¹⁹ Станок – это почтовая, ямская станция, в другом значении, небольшой посёлок.

называться Южно-Уссурийским почтовым трактом. Наконец, весной 1884 года Угловая как почтовая станция заканчивает свою историю, передав функции почтовой станции Подгородняя (находилась в районе нынешней станции Океанская).

Одновременно с летней почтовой станцией Подгородняя открыли летнюю почтовую станцию Тигровая, предусмотрев, таким образом, почти равные конные прогоны: от Владивостока до Подгородней 20 вёрст, от Подгородней до Тигровой 21 верста. Почту «гонять» стало намного легче, поскольку уже была проложена хорошая по тем временам экипажная дорога. Станционное здание на Тигровой не отличалось особенными архитектурными изысками, но в таёжном краю радовало удобством и просторным помещением. Вот станок Вольный, скорее всего, и заменила почтовая станция Тигровая.

Почтовой связи придавалось огромное значение: Россия вступила в 1874 году во Всемирный почтовый союз, подписавшись под обязательствами о своевременной и гарантированной доставке корреспонденции. Почти 10 лет играла станция Тигровая важную роль пункта приёма и передачи почты. С 10 марта 1894 года в связи с открытием Уссурийской железной дороги надобность в почтовой станции отпала – в пассажирских поездах предусматривались почтовые вагоны.

Итак, с большой долей вероятности можно предполагать, что первый казачий посёлок Чичаговский образовался на месте станка Вольный. В «Вопросном бланке статистико-экономического обследования крестьянского и казачьего населения Амурской и Приморской областей за 10–11 марта 1909 года» указывается: «Чичаговский основан в 1899 году выходцами-казаками из области войска Донского в числе девяти семей». С 1906 года население стало расти «за счёт выходцев из Донского и Оренбургского казачьих войск и других сословий. Преобладающим элементом являются выходцы Донского и Оренбургского казачьих войск».

Вновь прибывшие донские казаки, встретившись с забайкальцами, возможно, намеревались поселиться рядом. Но им предписывалось обустраиваться строго вдоль железнодорожной магистрали. Возражение переселенцев, что земли там негодные для распашки, во внимание властями не бралось. Вообще, земельный вопрос для донских казаков порой становился настоящей проблемой. Правда, не везде. Так, для основателей казачьего посёлка Сальского, что в Дальнереченском районе, в 1895 году наделы приготовили заранее, законно потеснив китайцев с арендованных ими запашек, и наделив этой землёй казаков.

У будущих чичаговцев, за 300 вёрст от центра Донского округа, всё складывалось иначе. Их многочисленные – индивидуальные и от имени поселковых сходов – прошения о выделении удобных земель игнорировались. Правда, имелся ещё отвод, земельный резерв, который генерал-губернатор Сергей Михайлович Духовской выделил в 1894 году в распоряжение Амурского и Уссурийского казачьих войск по всей российско-китайской границе на 15 вёрст вглубь от неё. В частности, Уссурийскому казачьему войску досталась львиная доля: 9 миллионов 142 тысячи десятин. На деле, более плодородные участки государство приберегало в первую очередь для вновь прибывающих переселенцев-крестьян. Некоторые казаки открыто отказывались от неудобных наделов. Случаи отдельных отказов становились многочисленными. Поскольку власти никаких мер по пересмотру земельного вопроса в пользу казаков не предпринимали, неповиновение приняло широкий размах. Казаки с семьями съезжались во Владивосток, требуя от наказного атамана отправки на родину за казённый счёт. К весне 1899 года сложилась довольно острая ситуация.

Генерал-майор Н.М. Чичагов

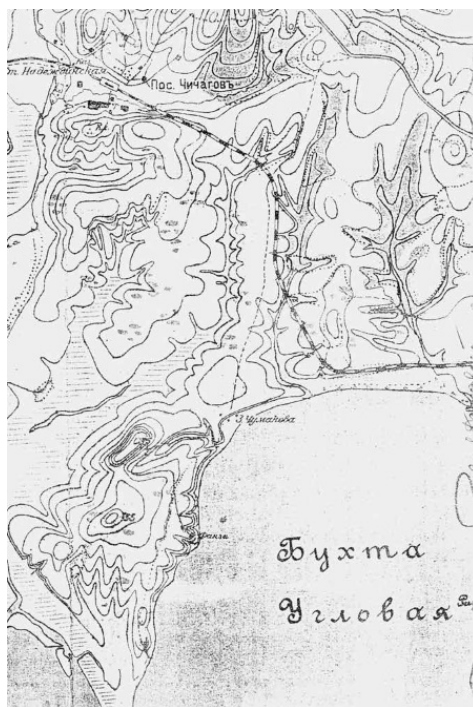
Из столицы поступило распоряжение: сделать всё возможное, но казаков назад в европейскую часть России ни в коем случае не отпускать.

Разбираться в конфликте предстояло только что назначенному военному губернатору Приморской области (он же наказной атаман Уссурийского казачьего войска), генерал-майору Николаю Михайловичу Чичагову.

Перед атаманом встал вопрос: как быть? Удовлетворить требования казаков – значит нарушить планомерно создаваемую линию охранных пунктов вдоль железной дороги. Оставался единственный вариант: убедить силой. Для усмирения казаков привлекли солдат Владивостокского гарнизона, прошла волна арестов. Жёсткие меры, в сочетании с незначительными уступками, погасили к концу июня 1899 года назревающий бунт. Казаков выдворили из Владивостока. По воспоминаниям старожилов Вольно-Надеждинского, возмущённых казаков посадили на судно, вывезли одних, без семей, на внешний рейд и продержали на пароходе больше месяца. В конце концов, обе стороны пришли к компромиссу, и власти определили несколько новых мест для образования казачьих посёлков.

Возможно, с этими событиями и связано образование первого казачьего посёлка. Казаки начали обосновываться в более удобных землях устья реки Шмидтовки. Обзор Приморской области за 1899 год сообщал, что вновь прибывшими в край казаками образовано несколько новых посёлков Донского станичного округа, в их числе Чичаговский. Название либо отразило те события и действующих лиц, либо стало продолжением традиции – давать населённым пунктам имена первопроходцев.

Николай Михайлович Чичагов родился в дворянской семье 15 сентября 1852 года в Костромской губернии. Получил прекрасное образование, окончив Пажеский корпус и Академию Генерального штаба. По окончании курса наук в Академии в 1878 году был назначен в штаб действующей армии Кавказского военного округа. В его военной карьере – служба и в России, и за границей. 15 мая 1883 года пожалован орденом Святой Анны III степени. В апреле 1884 года произведён в полковники.

Фрагмент карты побережья северной части Амурского залива с указанием местоположения п. Чичаговского. Начало 20 в.

30 августа 1887 года награждён орденом Святого Станислава II степени, спустя три года – орденом Святой Анны II степени. С 28 ноября 1892 года на строевой должности, командир 24-го драгунского полка. В 1894 году Чичагов – генерал-майор, инспектор госпиталей Одесского военного округа (помощник начальника штаба), за отличие по службе получил орден Святого равноапостольного князя Владимира IV степени. С 1897 года служил на Дальнем Востоке начальником штаба Приамурского военного округа.

В 1899 году «в 4-й день сего января генерал-майору Чичагову Всемилоостивейше повелено быть Военным губернатором Приморской области и Наказным атаманом Уссурийского казачьего войска, с оставлением его по Генеральному штабу...». Чем только не приходилось заниматься генералу: помогал во Владивостоке обустроиваться Восточному институту, заложил Кафедральный собор.

В 1900 году в Китае набрало силу Боксёрское восстание²⁰. Возникла угроза безопасности дальневосточных окраин. Войска, расквартированные в Приморье, получили приказ выступить на защиту русских интересов в район строящейся Китайско-Восточной железной дороги. Под команду генерала Чичагова поступили рота пехоты, эскадрон драгун, около двух сотен казаков и взвод горной артиллерии. Военные вошли в китайский город Нингута. Николай Михайлович действовал решительно, но ставил единственной своей задачей умиротворить мятежные шайки боксёров и хунхузов до полного их изгнания из района КВЖД, не позволяя при этом никаких грабежей и уничтожения фанз и имущества мирных жителей. И население оценило его благородство: в знак особой признательности в феврале 1901 года жители Нингуты воздвигли в своём городе памятник генералу. Более того, копия памятника впоследствии была отправлена во Владивосток с текстом: «Горы, степь и город были объаты огнём, старцы и матери с грудными детьми спешили укрыться, но в пути от сильного напора бежавшей толпы не было возможности отличить хороших людей от дурных. Как маньчжуры, так

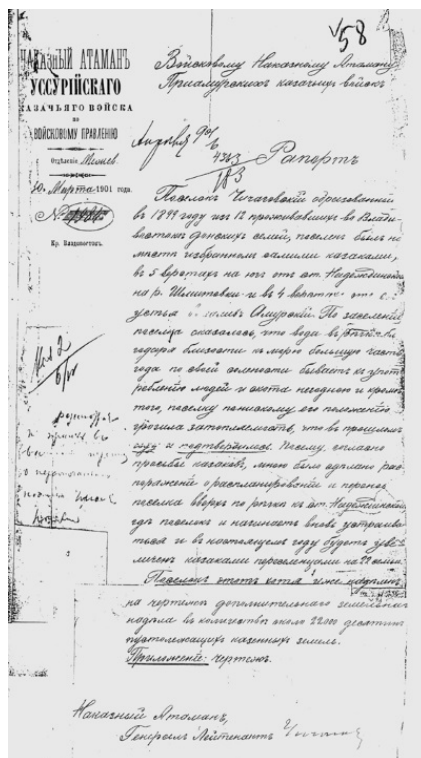
²⁰ Ихэтуаньское восстание (Боксёрское восстание) – восстание ихэтуаней (буквально – «отрядов гармонии и справедливости») против иностранного вмешательства в экономику, внутреннюю политику и религиозную жизнь Китая с 1898 года (официально о начале восстания было объявлено в 1899 году) по 1901 год.

и китайцы искали спокойствия, возможности прекратить кровопролитие и восстановить по-прежнему в городе порядок. В это время не только проявились искренность и чистосердечность генерала Чи, но и забота об умиротворении и восстановлении спокойствия. Он в самом начале со свойственным воинственным видом выказал свою силу и храбрость, подобно грому, а затем осыпал благодеяниями, подобно дождю или росе, увлажняющим землю. Уничтожал разбойников, давая этим жителям спокойно заниматься хозяйством. Дабы поднять благосостояние народа, им были открыты хлебозапасные магазины, из которых выдавался хлеб беднякам... Лица, страдающие болезнями, помещались им в больницу, где они и пользовались бесплатно. Помимо этого, он дал возможность отправить мальчиков для изучения грамоты. Всё, что ни встречается, напоминает о сделанных им благодеяниях, и народ, все до единого, за оказанные им благодеяния пожелал запечатлеть его заслуги на памятнике, считая за великое счастье пребывание в Нингуте столь великодушного старца, обладающего крепким телосложением и человеколюбием...». Ныне каменная плита находится у здания Приморского государственного объединённого музея имени В.К. Арсеньева по улице Петра Великого, 6.

В январе 1903 года генерал-лейтенанта Чичагова назначили командующим Особого Заамурского округа Отдельного корпуса пограничной стражи. У русских харбинцев осталась благодарная память о Николае Михайловиче как о добром и справедливом командире.

По официальным сообщениям, в Уссурийском казачьем войске в 1899 году значилось 12 владивостокских семей, получивших надел в 6327 десятин вне территории войска на берегу Амурского залива. Данные, скорее всего, были взяты из рапорта самого военного губернатора. «Посёлок Чичаговский, – докладывал Николай Михайлович письмом от 30 марта 1901 года войсковому наказному атаману Приамурских казачьих войск, – образованный в 1899 году из 12 проживавших во Владивостоке донских семей, поселён был на месте, избранном самими казаками, в 5 верстах на юг от ст. Надеждинской на реке Шмидтовке и в 4 верстах от её устья в залив Амурский. По заселению посёлка оказалось, что вода в речке, благодаря близости к морю, большую часть года по своей солёности бывает к употреблению людей и скота негодною, и, кроме того, посёлку по низкому его положению грозила затопляемость, что в прошлом году (в 1900 году – Прим, ред.) и подтвердилось. Посему, согласно просьбе казаков, мною было сделано распоряжение о распланировке и переносе посёлка вверх по речке к ст. Надеждинской...»

История образования и заселения казачьего посёлка передавалась старожилками из поколения в поколение, причём некоторые называли и два, и три казачьих хутора в разных направлениях от Вольно-Надеждинского. Так, Сергей Павлович Скокленёв, 1925 года рождения, житель Вольно-Надеждинского, вспоминал: «Мой прадед Михаил Иванович Скокленёв приехал сюда в 1906 году. Его сыновья: Степан (самый старший), Андрей, Кирилл (1910 года, самый младший) и Арсентий – мой дед. Арсентий Михайлович, примерно 1856 года рождения, горный техник, проводил изыскательские работы на трассе железной дороги. Дед по матери Степан Трофимович Шевцов прибыл также в 1906 году. Его семья поселилась на четвёртом километре Тавричанской ветки, на Чичаговском хуторе. Говорили, им это место очень напоминало родину – хутор на реке Донец, притоке Тихого Дона».

Рапорт Н.М. Чизгова об образовании п. Чизговского (РГИА ДВ, ф.702, оп.5, д.111, л.58–59)

Казак п. Чизговского А.А. Ковалев

Ещё одно свидетельство. Алексей Афанасьевич Ковалёв, 1925 года рождения, рассказывал, что его дед Алексей Алексеевич Ковалёв, участник Русско-японской войны, 30-летний георгиевский кавалер I степени, возвратившись с войны, подал наказному атаману прошение о приобретении участка земли. И поселился между станцией Надеждинская и Тавричанкой. Там, как он утверждал, «был в то время казачий хутор». Не подводила память старожиллов, действительно в конце XIX века существовало несколько хуторов с названием Чизговский. Старая географическая карта – документальное тому подтверждение. При этом Чизговка возле стан-

ции Надеждинская выделена крупным жирным шрифтом, а название другой – мелким курсивом.

Чичаговцы, поселившись недалеко от станции Надеждинская, затеяли тяжбу по земельному вопросу. Из 6327 десятин наделов удобной было всего 2382 десятины, 3853 – лесные массивы и 92 десятины неудобной земли. К тому же в начале века к обществу посёлка добавилось 22 семьи приписных казаков. Хорошей пахотной земли на всех не хватало.

30 марта 1901 года наказной атаман Чичагов отправил рапорт (о нём уже упоминалось выше) войсковому наказному атаману Приамурских казачьих войск, где просит «примежевать из окружающих поселковый надел пустолежащих казённых пространств достаточное для увеличения населения посёлка до размера отдельной станицы количество земли... Благодаря близости этого посёлка к г. Владивостоку, а также нахождение его при довольно значительной железнодорожной станции посёлок... имеет все данные к своему развитию... Можно заниматься огородничеством и скотоводством... первое обеспечивается близостью Владивостока и второе – избытком сенокосных и пастбищных мест». Николай Михайлович ведёт речь о 22 тысячах десятин. 25 июля 1901 года войсковой землемер Смородинов конкретизирует: 22 тысячи десятин – в долинах рек Суйфуна, Пачихезы до Кипарисово и плюс почти вся Тигровая казённая дача. Кстати, в это время для казаков действовала норма 67 десятин на мужскую душу. В декабре того же года генерал-лейтенант Чичагов обращается с повторным запросом. Однако следуют отказ за отказом по причине того, что данные земли необходимы для образования новых крестьянских переселенческих участков, а Тигровая дача нужна как единственный оставшийся лесной резерв. Казаки возражали: в сторону посёлка Кипарисово негде располагать новое крестьянское селение, там все участки заняты, а на Тигровой даче почти весь строевой лес вырублен. Прощения казаков власти не удовлетворяли. 25 сентября 1902 года генерал-губернатор на переписке поставил точку: «В настоящее время в прирезке не вижу надобности. Вопрос отложить до выяснения направления казачьей колонизации в Чичаговский посёлок».

В последующие пять лет население Чичаговского возросло за счёт вновь прибывших донских, оренбургских, забайкальских казаков. Прибывали и в принудительном порядке. Те же старожилы вспоминали факт 1904 года, когда группу новосёлов-забайкальцев сопровождала охрана, а точнее, конвой. В июле 1907 года чичаговцы снизили требования и просили 13670 десятин из казённых земель, возбудив общественным приговором от 12 августа два ходатайства – преобразовать посёлок в станицу и прирезать те 13670 десятин, имея в виду перспективы роста народонаселения до 120 семей. Казаки задавали закономерный вопрос, почему чиновники не считают ценными земли, отходящие под крестьянские наделы в Кневичах, Кролевце, Удобной, Майхе, где леса «уничтожаются крестьянами посредством огня под разработку пашень». В это время норма казачьего надела, выработанная комиссией генерала Аркадия Семёновича Беневского, составляла 50 десятин на мужскую душу.

В разных документальных источниках того времени содержатся различные цифры, характеризующие развитие посёлка. Так, согласно «Обзору Приморской области за 1906 год», в Чичаговском 46 дворов, мужчин 143, женщин 99. Под огородами 80 десятин, под пашнями – четыре. В хозяйствах рабочих лошадей 79, молодых лошадей и свиней – по пять, коров девять. В «Сравнительной таблице о состоянии посёлка Чичаговского на 1 января 1906 года – 1 августа 1907 года», которую подписали атаман посёлка И. Глубоков, писарь А. Щепачёв и войсковой землемер (подпись неразборчива) иные данные: число дворов 13, мужчин 43, женщин 35. Под огородами 3 десятины, под пашнями 73. Лошадей 30, рогатого скота 16, свиней 20. Имеется школа. На 1 августа 1907 года совершенно другая картина. Дворов 73, мужчин 212, женщин 183. Под огородами 9 десятин, под пашнями 167. Лошадей 126, рогатого скота 139, свиней 82. И уже есть молочная ферма, кирпичный завод, две гончарные мастерские, четыре мелочных лавки, бойко шла виноторговля. По «Обзору Приморской области за 1910 год», на 76 хозяйств

(дворов) казачьего сословия 393 человека, вневойскового – 173. Под огородами 68, под пашнями 26 десятин, лошадей 65, молодых 13, коров 89, свиней 18. Имеются два питейных заведения.

Исследователям ещё предстоит разобраться, отчего такой разброс цифр. Добавим к статистике комментарий репортёра, писавшего в газете «Далёкая окраина» 19 марта 1915 года: «Несмотря на 15-летие с лишком существования посёлка, развитие его стоит на точке замерзания. Есть только несколько приличных домиков, а большинство построек – жалкие хибары, причём на некоторых соломенные крыши, у других окна завешаны вместо стёкол грязными тряпками. Внутренняя обстановка большей части домов убогая. Нередко в хатах – телята. Несмотря на то, что у посёлка имеется большой надел земли, казаки занимаются земледелием мало. Есть только один казак, который разрабатывает около 40 десятин, да 2–3 сеющих для своих нужд овёс. Казаки говорят, что земледелием они не занимаются, потому что земля в их наделе плохая. Они живут кое-чем и кое-как. Ходят в отхожие промыслы, держат кое-какой скот, торгуют на станции Надеждинская молоком. Ввиду близости к станции, посёлок имеет несколько лавочек, кондитерскую, сапожную мастерскую, пекарню. Нужно ли говорить, кто главные купцы? Конечно, китайцы! В посёлке есть и церковь, и школа... Школа тесная, занимаются в 2 смены... В школе детей казаков, жителей посёлка, из 55 учащихся всего 34 человека, остальные – дети железнодорожных служащих и рабочих, а также временных рабочих с Кипарисовского перевала. За каждого ученика, не принадлежащего к жителям посёлка, взимается плата по 8 рублей».

Типы домашнего промысла: сучение ниток на колесных самопрялках

«Земля в наделе плохая», – таково объяснение казаков, почему они не занимаются активным земледелием. Эта причина упоминается и в каждой казачьей петиции. Однако были и другие мнения о земле. Некая хозяйка хутора С.А. Гуссаковская, обустроившаяся, согласно документу, в усадьбе «Желанное близ ст. Надеждинской», утверждала: земля плодородная. В январе 1912 года она «имела честь быть членом 2-го Всероссийского съезда по семеноводству в Петербурге», а в ноябре делала доклад по огородничеству на съезде сельских хозяев в Никольске-Уссурийском. Выступление Гуссаковской приведено в «Отчёте о съезде сельских хозяев Приморской области 11–14 ноября 1912 года в г. Никольске-Уссурийском». Из 5,5 пудов семенного картофеля, докладывала огородница, она вырастила 110 пудов, и клубни большие. Урожай, как тогда было принято говорить, «сам-двадцать». На современный лад: два мешка посадила – 40 накопила. Тысяча корней рассады капусты дали 900 вилок, некоторые весом по пуду и 5 фунтов -18 килограммов! В особенности хороша была салатная капуста, но и свёкла огромных размеров, кукуруза в два-три внушительных початка на стебле, огурцы

добротные. Вывод докладчицы: после трёхлетней практики она убедилась, что, несмотря на богатство почв, землю под капусту и огурцы надо уваживать. Плюс постоянно заниматься прополкой, рыхлением почвы для клубневых растений, для капусты и кукурузы. Обязательно поливать, не надеясь на вероятность дождей. Ничего экстраординарного в агротехнике, главное – тщательный уход за посевами. Сложность – в климате, пагубные августовские дожди и туман снижали урожайность.

Не жаловались на «низко плодородные» земли и корейцы. Житель Вольно-Надеждинского Григорий Ильич Воронуха, 1922 года рождения, делился воспоминаниями: «Корейцы засевали вокруг Надеждинска поля, выращивали овощи. Ранним утром по шпалам Тавричанской ветки караваном тянулись корейские женщины, неся на голове тазы с огородной продукцией. За спиной мирно посапывали младенцы. Шли на вокзал, чтобы поспеть на пригородный поезд во Владивосток. Вечером возвращались обратно... В 1937 году всех корейцев из Приморья вывезли товарными составами в Среднюю Азию. Уехали корейцы – остались их огороды. Что это за земля была! Мягкая, как пух, почва – ровная. Многим надеждинцам просто повезло: очень долго, не один сезон пользовались они этими готовыми землями».

Посёлок Чичаговский, 1916 г

Вопрос, для чего казаки требовали огромные площади, рождает разные предположения: допустим, желая выращивать зерновые – рожь, овёс, пшеницу. Возможно, всё банальнее: казаки не горели особым желанием заниматься земледелием, но хотели, во-первых, расширить посёлок до пределов станицы, во-вторых, сдавать резерв в аренду, получая таким образом постоянный доход, как, например, делали казаки станицы Графской. Известны факты, что чичаговские казаки строили дома или приобретали недвижимость во Владивостоке, что тоже приносило прибыль. В списке таких домовладельцев – Михайл Сметанников, Григорий Стрельников, Пётр Шевцов, Андрей Шевцов, Константин Помилуйков. Родной брат последнего Алексей Помилуйков владел в городе тремя домами, Кузьма Светлов – двумя, Иван Скокленёв в посёлке не строился, но содержал дом в Никольске-Уссурийском. Иван Обухов, будущий атаман станицы Вольной, проживая в посёлке, был и владивостокским домовладельцем.

Семья И.Ф. Хухлаева, казака-старожила п. Чичаговского. Снимок 1930-х г.

В мозаике воспоминаний особое место, благодаря наблюдательности, занимают рассказы уроженца Вольно-Надеждинского Валерия Ивановича Опекунова, 1946 года рождения. Инструктор парашютно-пожарной команды Дальневосточной базы авиационной охраны лесов, он спасал леса от пожаров – от Приморья до Подмоскovie. Валерий Иванович – прямой потомок чичаговских казаков, его дед по матери Алексей Фёдорович Сниткин фигурирует в посемейном списке переселенцев, бабушка Матрёна Фёдоровна, 1861 года рождения, умерла в Вольно-Надеждинском в возрасте 97 лет. Сниткины дружили с большой семьёй Хухлаевых. Потомок одного из казаков Хухлаевых Леонид Васильевич Хухлаев жил во Владивостоке и работал поваром в вагон-ресторане. В 1930-е годы, когда пошла вторая волна «расказачивания», многие местные казаки бросали нажитое и уходили тайком в Китай, накануне предлагая соседям или друзьям: «Возьми у меня швейную машинку... корову... плуги-бороны... Деньги? Когда будут, отдашь». Чаще скрытничали, бросали всё, не сказав никому ни слова. День, другой недоенная корова мычит, тогда только односельчане и догадывались. Матрёна Фёдоровна Сниткина купила в своё время дом у одного из казаков Чушкиных, который считался в Чичаговке купцом. Документ, купчая крепость²¹, не сохранился, зато Валерий Иванович показал два других, где речь идёт о купле-продаже садового участка.

²¹ *Купчая (купчая крепость) – акт приобретения в собственность имущества в Российском государстве XII – начала XX в.*

М.Ф.Сниткина (Гавриленко), жительница п. Чичаговского с 1906 г., уроженка Полтавской губернии

*А.Ф. Сниткин, житель п. Чичаговского с 1906 г.
Снимок 1912 г.*

*Семья Гавриленко (в центре), брата М.Ф.Сниткиной.
Снимок 1910 г.*

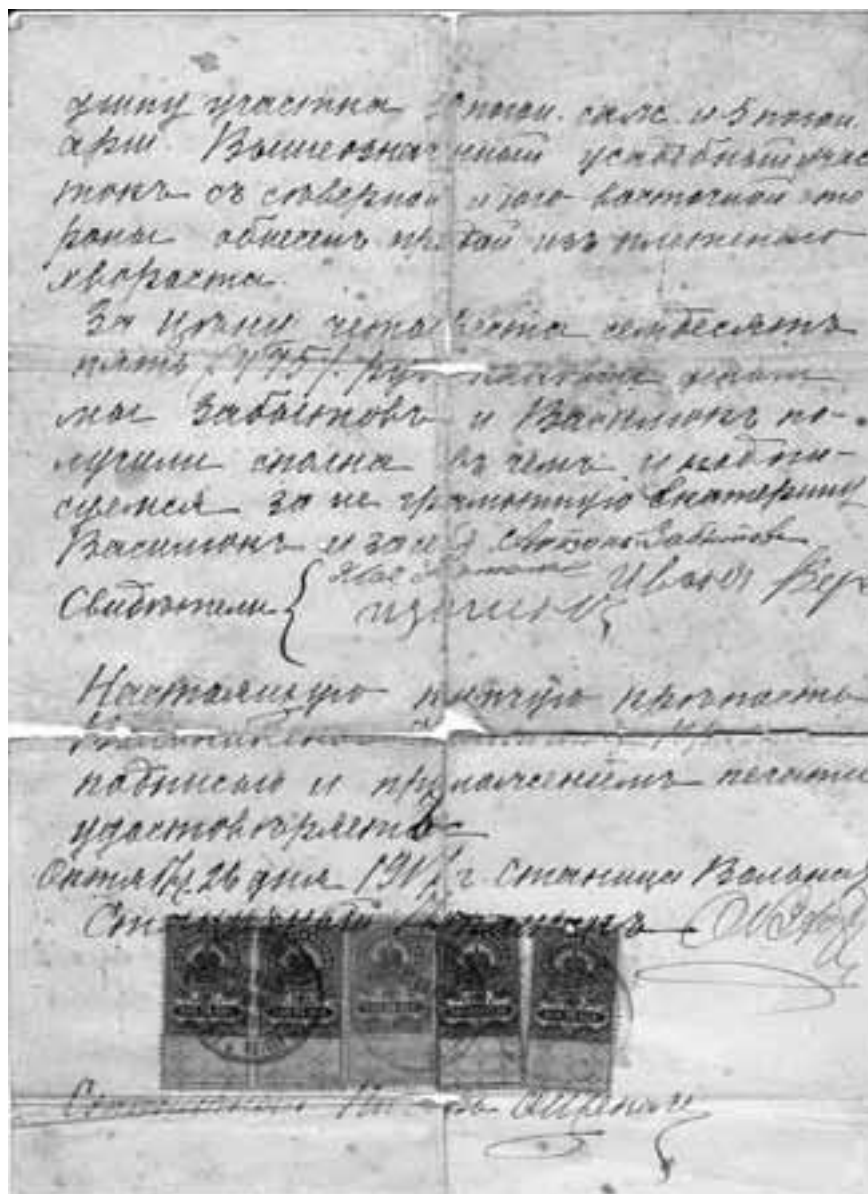
На пожелтевшей, расплывшейся от времени бумаге, с двух сторон текст: «1917 года октября 26 дня. Мы, нижеподписавшиеся, гражданин Антон Викентьевич Забытов и гражданка Екатерина Емельяновна Василюк, с одной стороны, и гражданки Евдокия Дмитриевна Истомина и Евдокия Герасимовна Степанова, с другой стороны, заключили настоящую Купчую крепость в нижеследующем: Я, гражданин Забытов, и гражданка Василюк продали гражданам Истоминой и Степановой свой сад с плодовыми деревьями, приобретённый нами, Забытовым и Василюк, ранее у казака станицы Вольной Уссурийского казачьего войска Якова Степановича Артёмова. Дворовый участок с находящимися на нём садом и огородом следующих размеров: юго-восточная сторона улицы углового фасада – 20 погонных сажений; южная сторона, граничащая с участком казака Ивана Илларионовича Верещагина, – 30 погонных сажений и 5 погонных аршин; западная сторона, в задах участка Ивана Дмитриевича Колбы, – 20 погонных сажений; северная сторона – по ручью пустующее место... (в этом месте неразборчиво – Прим, ред.) в улицу участка, 30 погонных сажений²² и 5 погонных аршин²³. Вышеозначенный усадебный участок с северной и юго-восточной стороны обнесён оградой из плетёного хвороста. За цену четыреста семьдесят пять (475) рублей, каковые деньги мы, Забытов и Василюк, получили сполна. Расписался за неграмотную Екатерину Василюк и за себя Антон Забытов. Свидетели: Яков Артёмов, Иван Верещагин.

²² С помощью погонной сажени определялась длина.

²³ Аршин – татарская погонная мера, составляла треть сажени.

Курная крепость
1917 года Октябрь 26 дня на ижегородской
савиной усадьбы Антон Рамен-
ский Забытов и гражданская Ана-
стасия Сидоровна Расширять с одной
стороны и усадьбы Вадим Антон-
овича Мотанин и Вадим Сергее-
вич Степанов с другой стороны
заключили настоящую купчую пере-
дано в ижегородском.

1) Я усадьбы Забытов и граждан-
ская Расширять усадьбы Мотанин
и Степанов (вдоль сада с пихтовыми
деревьями и фруктовыми дере-
вьями) и сада Степанов
Катерина Усугинского полагая вана
Аноша Степановича Вртенова
дворовой усадьбы с насаждениями на
пять садов и полатей с садом
разнообразия: 1000 - восточная сторона
улицы условно усадьбы 20 погон сине-
го цвета сторона - ижегородская усадь-
бы полагая Иван Ивановича
Вертенина 30 погон сине и 5 погон.

Настоящую Купчую крепость прочитали и подписали и приложением печати удостоверили станичный атаман (неразборчивая подпись – Прим, ред.), станичный писарь Щепачёв». Внизу, как положено, печать. Правда, ещё старая, не станичная, а поселковая, буквально прочитывается – «печать атамана посёлка Чичаговского». И наклеено пять гербовых марок.

Другая купчая крепость, составленная при следующей продаже этого садового участка, датирована 24 декабря 1918 года. Истомина и Степанова продали сад за 1375 рублей казаку станицы Вольной Андрею Петровичу Трембе. Кстати, тоже близкий родственник Опекунова.

Переселение забайкальских казаков в Уссурийский край не всегда имело добровольный характер, что во многом определяло их хозяйственную деятельность. У забайкальцев не было возможности, как у крестьян и позднее у казаков-новосёлов, выбирать место жительства. Многие мечтали вернуться назад в родное Забайкалье, настроив на укоренение на новом месте угасал. Смурное настроение рождало мысли не по уставу. Впрочем, старожилы утверждали, что выходцы из других краёв – Беспалов, Чушкин, Сухов – тоже выражали недовольство. Матвей Михайлович Чушкин был из приписных, к воинской дисциплине – подчинению и послушанию – не направленный, а вот Михаил Игнатьевич Беспалов и Абрам Фёдорович Сухов – из коренных казаков, у каждого полон дом детей. Славился вольнодумством и Пётр Кирсанов, коренной казак с Дона. Не получив положенного земельного надела на Имане, стал одним из активистов борьбы за права казаков-переселенцев, самовольно вернувшись во Владивосток. Рассказывали, будто ездил он в составе делегации к царю с челобитной о казачьей жизни.

И всё-таки по роду занятий на первом месте у казака была служба. Большинство несли её ревностно, как наказывали отцы и деды. Жили общинно: не хватало средств на обзаведение, помогали все вместе. Что стоило снарядить сына на службу: форма, конь, сбруя тянули на 355–390 рублей (в ценах 1909 года). Не всякий мог справиться в одиночку. Общество брало на себя основные расходы по строительству церкви, на отливку колоколов, приобретение церковной утвари и на содержание причта. В Чигачовском возле церкви (ныне на улице Нагорной) выкопали колодезь, освятили как положено.

Казак п. Чичаговского Г.С. Шевцов

Казак п. Чичаговского Куликов

Отсюда, от колодца, провожали казаков на Первую мировую войну в 1914 году. Новобранцы поили коней ключевой водой перед дальней неизведанной дорогой. Молодые розовощёкие казачки цеплялись за стремяна, причитая, чтобы женихи вернулись живыми. Возвратились, не посрамили чести уссурийцев. Но и здесь испытания ждали нешуточные. Революция. Брат на брата, сын на отца...

Казаки были людьми набожными. Вера, Отчизна, честь, непререкаемый авторитет старейшин – всё приоритетно. Отсюда и чеканное как афоризм кредо истинного казака: душу – Богу, сердце – людям, жизнь – Отечеству, честь – никому. Духовность и образование – сами по себе понятия взаимосвязанные, поэтому, переселяясь на новые места, казаки сразу начинали хлопоты о школе и о строительстве хотя бы небольшой церкви. Известно, что в Чичаговском в 1901 году обществу посёлка предлагали взять под учебное здание казарму солдат или строителей железной дороги. Точной даты нет, но можно предположить, что школьные занятия начались в 1902–1905 годах. Из вопросника посёлка за 1909 год следует, что «с приростом

населения с 1906 года школа не удовлетворяет потребности, так как она была построена на 25 учащихся... Обучающихся в школе мальчиков 18, девочек 15...».

В 1908 году в посёлке приступают к постройке храма. В 1909 году деревянная церковь на прочном каменном фундаменте вознеслась во всей красе. Освящённая в честь Святого Николая, церковь была рассчитана на 300 прихожан. Первым священником стал отец Иоанн Васильевич Шалин. 21 октября 1909 года в метрической книге появилась первая запись о крещении младенца Марии, родившейся 15 июля. Родители девочки – крестьяне Раздольненской волости, деревни Тавричанки Василий Павлович Хотин и законная его жена Матрона Петровна, оба православного вероисповедания. Восприемниками (крёстными) были односельчане Николай Давыдович Завертан и Евдокия Ивановна Ленчевская. Таинство крещения совершал отец Иоанн Шалин. Его имя фигурирует в метрических книгах Чичаговской церкви вплоть до 1913 года. Далее в церкви службу несли отец Алексей Иваницкий (1914–1916 годы), отец Аркадий Голионко (1917 год), а с 11 марта 1917 года до конца 1922 года вёл паству ко Христу и жизни православной священнослужитель Иван Агафонович Портнягин. После 1922 года церковные метрические книги перестали играть свою роль. Функции регистрации рождений, браков и кончины были переданы отделам ЗАГС (записей актов гражданского состояния) исполнительной власти.

Станция Надеждинская и посёлок Чичаговский находились по соседству, но административно разделялись. С августа 1917 года посёлок был переименован в станицу Вольную. Как сообщала областная газета «Далёкая окраина», по этому случаю 20 августа (2 сентября по новому стилю – Прим, ред.) устраивается торжество, на которое приглашается всё окрестное казачество.

С земельными наделами вопрос решился только в 1922 году. Под занавес существования казачества как такового. Как вспоминали старожилы, по правую сторону от железной дороги шумел густой лес. Только у самой станции стояло несколько домов. На месте современной площади – большая усадьба Мещеряковых, недалеко от переезда – дом Барсовых. За районным Домом культуры – дом Гоголева, впоследствии школа.

К концу 1921 года в документах стало мелькать название: посёлок Надеждинский. Вплоть до образования Надеждинского района в 1937 году, да и многие годы спустя можно встретить разные варианты: станция Надеждинская, село (селение) Надежинское.

Вольно-Надеждинское впервые упоминается в архивах в 1923 году, от случая к случаю встречается в 1924–1925 годах. В официальных документах и обиходной речи вплоть до 1960-х годов жители и гости упорно именовали посёлок станцией Надеждинская. С 1926 года существовало два сельсовета, как органы местного самоуправления: Вольно-Надеждинский и Корейский Надеждинский (до октября 1937 года).

Глава 3

Де-фриз – посёлок на полуострове

Заходящее солнце, утомлённое за день, опускаясь за горизонт Амурского залива, последними лучами обласкивает полуостров Де-Фриз. Необычное, романтическое название, украсившее и одноимённый посёлок.

Предположительно, полуостров получил своё имя и был нанесён на карту Уссурийского края в 1861–1863 годах. В справочнике «Приморский край. Административно-территориальное деление на 1 января 1968 г.» указана дата образования посёлка Де-Фриз – 1930 год, когда был организован совхоз № 1 Морфлота. Год за годом посёлок отсчитывал свой «советский» возраст, но вот в конце июля 2005 года жители вернули Де-Фризу подзабытое прошлое и отпраздновали 140-летие с момента настоящего образования. Против истины сельчане не погрешили: современный Де-Фриз ведёт своё начало от небольшого частного имения.

Удивительно, что исторический ластик не стёр иноязычное имя с карты ни в советские, ни в постсоветские времена. Кто он же такой, таинственный де Фриз? Известно, что в 1643 году голландский мореплаватель Мартин Геритсон де Фриз²⁴ подошёл к берегам Сахалина, ошибочно приняв его за остров Хоккайдо. Возможно, незадачливый мореход оставил потомство на дальневосточной земле, и носитель красивой фамилии двумя столетиями позже объявился в Приморье? Любопытная версия, но никаких подтверждений данной теории нет. Зато имеется факт оригинального использования названия в овощеводстве: Дальневосточная опытная станция ВИР²⁵вывела сорт белокочанной капусты «дефриз-АМ-6». Оставим на откуп агрономам суждения о достоинствах капусты, вернувшись к истокам названия посёлка.

Приморский краевед Нелли Мизь связывает название полуострова и посёлка с именем Джеймса (Джона) Корнелиуса де Фриза, голландского происхождения, который поселился на Дальнем Востоке России в 1857 году в Николаевске-на-Амуре. Наиболее освоенными российскими областями в то время были северные гавани Тихого океана: Николаевск-на-Амуре, Императорская Гавань²⁶. С этих территорий и начинал заморский предприниматель свою торговую деятельность. Де Фриз, американский подданный, в 1859 году принял российское гражданство, получил свидетельство купца 2-й гильдии и вскоре переехал во Владивосток. Удача ему сопутствовала. Об успешности коммерческой деятельности свидетельствует факт, что у него был собственный пароход «Адмирал Казакевич», в числе других судов, начиная с 1860 года, постоянно курсирующий по реке Амур на линии Николаевск-на-Амуре – Благовещенск – Сретенск.

Интересны изыскания Биргитты Ингемансон, профессора Вашингтонского университета, доктора философии. В работе «Потерянный рай. Имение Новогеоргиевское на Де-Фризе (1892–1922 гг.)», напечатанной в России в 2001 году, она утверждает, что де Фриз – морской инженер, прибыл во Владивосток с британского острова Гельголанд и имел процветающий строительный бизнес.

Первый летописец Владивостока Николай Матвеев в «Кратком историческом очерке Владивостока», изданном в 1990 году, пишет, что де Фриз во Владивостоке в 1864 году ходатайствовал об отводе земельных участков. На другой год к нему приезжают жена Елисавета, урожденная Паттен, и сын Вильям. В очередном прошении 1 июля 1865 года, обращаясь к

²⁴ В русскоязычном написании имени *Maarten Gerritszoon de Vries* существуют расхождения: *Мартин Геритсон*, *Маартен Герритсен*, *Мартин Герритсзон* и т. п.

²⁵ Полное название – *Дальневосточная опытная станция Всероссийского НИИ растениеводства им. И. И. Вавилова Российской академии сельскохозяйственных наук*.

²⁶ В настоящее время *Советская Гавань*.

помощнику капитана над портами в южных гаванях капитану 2 ранга Николаю Шкоту, де Фриз подробно перечисляет: «В настоящее время, приехав сюда с семейством и нужными запасами, я имею намерение поселиться в гавани Владивосток и потому честь имею снова беспокоить Ваше Превосходительство просьбою, чтобы сделано было зависящее распоряжение об отведении мне в самом Владивостоке места на постройку дома, лавки и магазина и на разведение сада и огорода, от 1 до 2 десятин, а, кроме того, участка, по выбору моему, для земледельческих заведений от 100 до 200 десятин и не оставить меня уведомлением о стоимости означенных участков по десятинам».

Ходатайство было удовлетворено. Более того, воспользовавшись особым в то время положением иностранцев, предприимчивый де Фриз постепенно получил в посту Владивосток целых восемь земельных участков с оплатой по 3 копейки квадратная сажень. Цена каждого участка, таким образом, равнялась 20–30 рублям, и только один – вместе с домом – обошёлся ему в 800 рублей. Позднее он или его наследники сделали отличный бизнес, перепродав почти все участки за десятки тысяч рублей торговому дому «Кунст и Альберс» и богатому китайцу Ча. Мало кто предвидел, какое будущее ждёт Владивосток, но самые инициативные приобретали недвижимость, пользуясь любым случаем. Николай Матвеев в связи с этим приводит такой факт: некая Марфа Михайловна Нерубенко, воспользовавшись дефицитом спиртного, купила на улице Фонтанной участок земли... за бутылку водки! Лет через 15 земля с небольшими постройками подскочила в цене до 10 тысяч рублей.

В прошении де Фриз ведёт речь о некоем участке на его усмотрение. Наверняка он заранее присмотрел полуостров в Амурском заливе с благодатной землёй и почти курортным климатом. Военный губернатор Приморской области Пётр Казакевич 3 июля 1865 года даёт указание Николаю Шкоту касательно «земледельческих заведений» по выбору просителя: «... дозволить ему вне порта занять сто десятин земли и, если он пожелает, получить в полное владение по существующим правилам».

Надо полагать, сразу после подписания необходимых документов де Фриз приступил к обустройству своего хозяйства на полуострове. Произошло это скорее всего летом-осенью 1865 года. Развив бурную деятельность, со временем русский купец де Фриз организовал довольно крупное по тем временам хозяйство, снабжая Владивосток овощами, мясом, молоком. Однако достаточно скоро и как-то неожиданно де Фриз теряет интерес к фермерству и возвращается в город. Возможно, его всё-таки манил энергичный пульс городской жизни.

Неожиданное возвращение де Фриза обросло слухами, которые долгое время не смолкали. Рассказывали, что в штормовую погоду у полуострова перевернулась лодка, и будто бы среди погибших оказались молодая девушка, любимая дочь купца де Фриза, и её друзья. Неутешный отец похоронил своё дитя в самом красивом месте полуострова, на кургане (там и сегодня кладбище). Вместе с ней якобы положили личные украшения и драгоценности. Спешно продав всю недвижимость, купец на остров больше никогда не возвращался. Мыс Утонувших – напоминание о трагических событиях, место упокоения тех, кого море затянуло в пучину, отняв жизнь.

Сама легенда не имеет исторической правды, однако находились предприимчивые кладоискатели, кто, наслушавшись преданий давно минувших лет, брались за лопаты. Археологи считают, что курган – действительно сооружение искусственного характера, но относят его происхождение к средним векам. Мнение специалистов не останавливало авантюристов, перекопавших курган вдоль и поперёк в поисках сокровищ дочери богатого купца. Озолотился ли кто – осталось тайной.

После смерти старших де Фризов (Джеймс умер 4 декабря 1882 года от сердечного приступа в возрасте 71 год, жена – годом раньше, не дожив до 60 лет, оба похоронены во Владивостоке), наследники распродали хозяйство и земли на полуострове разным покупателям.

Наиболее заметный след в дальнейшей истории полуострова оставил Карл Георгиевич Гольденштедт, русский немецкого происхождения. Один из пионеров освоения восточных территорий, Карл Гольденштедт прибыл на Дальний Восток в 1870 году. Агроном по образованию, он был приставлен к генерал-губернатору чиновником особых поручений по изучению флоры и фауны Приморской области, в чём весьма себя зарекомендовал. После пяти лет безупречной государственной службы 33-летний служащий открыл собственное дело. С 1876 года Гольденштедт известен как владивостокский купец. Сначала он сделал несколько удачных приобретений земельных участков во Владивостоке, на одном из них выстроил огромный каменный дом. Исследователи отмечают, что Карл Георгиевич инициативно брался за всё, даже якобы пустил первое в городе легковое такси.

В 1892 году Карл Георгиевич приобрёл 600 десятин земли на полуострове Де-Фриз и за короткое время создал здесь многоотраслевое хозяйство, снискавшее славу как «Ферма Гольденштедта». Имение, названное им Новогеоргиевским, процветало. Особый упор Гольденштедт сделал на развитие агрокультур и мясо-молочного животноводства. 21 декабря 1900 года газета «Дальний Восток» опубликовала его заметку о молочном «заведении» на Миссионерской²⁷, д. 5, где молоко продаётся раза в полтора дешевле, чем у иных торговцев.

До конца 1880-х годов в Южно-Уссурийский край и во Владивосток крупнорогатый скот завозили из Кореи и Маньчжурии, там отбирал племенные экземпляры и Карл Гольденштедт. На его фермах к концу века содержались 163 коровы, лошади, свиньи, козы, куры, индейки. На полях выращивались кормовые, зерновые культуры и овощи. Участвуя в Хабаровске на сельскохозяйственных выставках, Гольденштедт дважды удостоивался наград за свои успехи. В 1899 году награждён был двумя большими серебряными медалями Министерства земледелия и госимущества за овёс и корнеплоды и за выведенный им скот молочной породы, 5 мая 1901 года – золотой медалью «За усердие». У него только на переработке молока (сметана, творог, масло, сыр) было занято порядка 75 сезонных рабочих, а в руководителях был сыровар из Лифляндской губернии. Овощи и продукты питания поставлялись во Владивосток и в Порт-Артур. Имение обслуживали и китайцы, рыбачили, ловили крабов. Заготовкой капусты занимались корейцы, выращивали, шинковали для квашения – от одного только военного гарнизона поступала заявка на 20 тысяч пудов! Владения Карла Гольденштедта с 600 десятин разрослись почти до 750, число рабочих к 1908 году доходило до 300 человек.

Хозяйство Джеймса де Фриза тоже считалось образцовым, однако «Ферма Гольденштедта» была внушительнее по размаху деятельности, даже «Путеводитель по Великой сибирской железной дороге» счёл нужным упомянуть её. Авторы путеводителя вполне могли черпать сведения, например, из «Обзора Приморской области за 1912 год», где сообщалось о крупном скотоводческом хозяйстве «господина Гольденштедта» на полуострове Де-Фриз.

На полуостров от центра Владивостока ходил катер. Другой маршрут сокращал морскую прогулку: надо было доехать на поезде до 19-й версты²⁸, а залив пересечь на лодках. Помимо домов Гольденштедта на Дефризе были собственные или съёмные дачи адмирала Тыртова (какое-то время он командовал Тихоокеанской эскадрой), братьев Пьянковых, Адольфа Даттана, одного из владельцев торгового дома «Кунст и Альберс». Дом Карла Гольденштедта, построенный на каменном фундаменте, с раздвижными дверями, с огромной застеклённой верандой по периметру, где можно было разместить «целый полк народа», выделялся среди других вилл. Деревянное здание украшали шпили на крыше, балконы, окна затемняли жалюзи. Если дачи отличались изящным стилем, то хозяйственные строения – крепостью и основательностью: каретный двор, коровники, конюшни для лошадей и пони, лодочный сарай, псарни для

²⁷ Сегодня – улица Лазо.

²⁸ Ныне станция Санаторная.

сенбернаров и сторожевых собак, хранилища для семян. В этот комплекс входили несколько поварских – с пристройками для слуг и дом управляющего именем.

В сельской тиши гостеприимные хозяева – Карл Георгиевич и его жена-казачка Агафья любили принимать гостей. Приехавшие отдыхать друзья наслаждались сельским покоем, тишиной, восхищались закатами, густым лесом и вековыми липами, заливными лугами, обширным парком с ухоженными дорожками, дубами-великанами и лотосами в пруду. Мужчины ходили под парусом, не пустел теннисный корт. Дамы проводили время в беседах, читали, вязали, нежились в гамаках и дремали в шезлонгах, собирали грибы, купались в море, готовили варенье из персиков, желе из винограда и джем из диких яблок.

Американка Элеонора Прей, проживавшая с 1894 года во Владивостоке с мужем Фредериком, родственником владельцев «Американского магазина Смита», впервые была приглашена в имение в 1900 году. Она сразу влюбилась в это красивейшее место. Семьёй они сняли на полуострове дачу, развели два больших сада, оборудовали пирс, площадку для гольфа, теннисный корт, проложили дорожки. Муж мастерил столики и скамейки и расставлял их вдоль дороги по направлению к лесу. Элеонора с удовольствием проводила лето на даче. Но после смерти Фредерика весной 1923 года она не в состоянии была вернуться туда, где когда-то каждая минута наполнялась счастьем общения с семьёй, природой, милыми сердцу людьми, дорогим мужем. Об ушедшем времени она вспоминала с ностальгией: «Мне кажется, мы жили, как в раю».

С самых первых дней жизни во Владивостоке Элеонора писала практически ежедневно: родным, друзьям – в Америку, Китай. Шестнадцать тысяч страниц уникальнейшей информации чудом сохранились. В 1970-х годах её внучка Патриция Сильвер систематизировала коллекцию. Под редакцией Биргитты Ингемансон письма увидели свет во Владивостоке в 2009 году. Патриция Сильвер подарила музею имени Арсеньева несколько фотоальбомов и собственноручно нарисованную Элеонорой карту Новогеоргиевского имения.

В письмах Элеоноры Прей ярко прорисовывается образ Агафьи Гольденштедт. Агафья Васильевна (Ливина по первому браку) – казацкого рода, характер имела решительный, её побаивались и уважали, именно она решала серьёзные и малозначительные вопросы в имении, бралась рассудить проблемы селян или рабочих. Карл Георгиевич Гольденштедт скончался 10 января 1910 года и, по сообщению газеты «Дальний Восток», похоронен был в своём имении. Хозяйство законно перешло по наследству к Агафье Васильевне и усыновлённым Карлом Георгиевичем детям жены – Георгию, Павлу, Владимиру и дочери Евгении. (В 1916 году братья взяли фамилию матери и отчество по имени родного отца Фёдора.)

Фермерская деятельность приёмных сыновей не вдохновляла, внимание имению уделял Владимир, но лично хозяйством не занимался, его увлекал иной род деятельности – он был довольно крупным областным архитектором. Евгения, по одной из версий, родила во втором браке с Владимиром Мартыновичем Миттом, ветеринарным врачом, четырёх сыновей: Павла, Евгения, Георгия и Николая. Павел, военный лётчик, оставил о себе добрую славу мецената: устраивал, в частности, благотворительные ярмарки среди родственников и знакомых, а средства направлял на учёбу способных детей из малообеспеченных семей. В 1916 году, выполняя полётное задание, он разбился, похоронен на Де-Фризе. Полуостров стал последним земным приютом и для Агафьи Гольденштедт-Ливиной. Многие потомки их большой семьи пострадали от репрессий 1930-х годов – большинство погибло.

П.К. Гольденштедт, 1901 г.

После революции и Гражданской войны некогда образцовое хозяйство пришло в запустение. Непаханая земля зарастала бурьяном, лужайки и парки вытаптывались коровами и свиньями, ветшали здания. В 1927 году Новогеоргиевское имение перестало существовать. Газета

«Красное знамя» сообщала в январе 1928 года: окружное земельное управление «в связи с окончанием аренды прежнего владельца» предложило Государственному дальневосточному университету (ГДУ) взять полуостров в арендное пользование для организации здесь опытной животноводческой фермы агрономического факультета. Университетское руководство использовало неожиданно выпавший шанс для создания учебной базы и питомника крупнорогатого скота.

Но расходы требовались немалые, и в 1930 году земли передали организуемому предприятию Морфлота – совхозу № 1.

В 1960 году совхоз стал одним из семи сельскохозяйственных предприятий Тихоокеанского флота России. В 1998 году в связи с сокращением флота отпала надобность и в совхозе. Большинство жителей посёлка остались без работы и учились выживать, обрабатывая свои огороды, собирая урожай.

Когда-то руководитель советской страны Никита Сергеевич Хрущёв давал поручение рассмотреть идею строительства города-спутника Владивостока. В июле 1959 года Владивостокский горисполком, обсуждая проекты жилищного и культурного строительства на семилетку, наряду с крупными жилмассивами на Тихой, Эгершельде, Диомиде, Улиссе, в Мингордке, наметил в качестве резерва основание города-спутника в северной части полуострова Де-Фриз. Газета «Ленинское знамя» 18 июля 1959 года информировала читателей о перспективных планах.

В отношении Де-Фриза, возможно, они сбудутся в современный период новейшей истории Приморья. Скоростная автострада по маршруту «Аэропорт – посёлок Новый – Де-Фриз – Седанка – бухта Патрокл», с мостом-эстакадой через Амурский залив, прочно соединит полуостров с Владивостоком. Не исключено, что на Де-Фризе появятся новые виллы. Сложнее прогнозировать, будут ли здесь развиты хозяйства, подобные сельскохозяйственному предприятию Джеймса Корнелиуса де Фриза и «Ферме Гольдштендта».

Красота Де-Фриза по-прежнему вдохновляет местных поэтов:

*Сиреневый венец
Наш полуостров носит,
И море синее —
Кайма его надежд...*

Глава 4

Раздольное

Кипучая энергия людей, верно служивших Отечеству стремительность и блеск дипломатических решений закрепили дальневосточный край за Россией. И тотчас на первый план вышли задачи заселения и охраны территорий. Разработка и осуществление этих мер в суровом диком краю, отстоящем от центра России на тысячи километров, являлись делом чрезвычайно сложным и трудным. Первыми обживать далёкую окраину пришлось казакам, матросам, солдатам – людям военным. Военное министерство полагало, что «при переселении казаков в Приамурский край следует стремиться не столько к устройству там земледельческих поселений, сколько кукреплению на Дальнем Востоке нашей военной силы». Первые четыре казачьих поселения на севере Уссурийского края возникли в 1858 году. Предположительно в это же время солдаты-пограничники основали военный пост Королёк на правом берегу Амура, чуть позже получивший название Хабаровка, будущий город Хабаровск.

На юге Приморья в самом начале колонизации опорными пунктами для охраны государственной границы являлись военно-сторожевые посты из регулярных войск. Поэтому логичным будет отдать приоритет в образовании Раздольного именно военному посту и уже во вторую очередь – крестьянскому селению.

Военный пост Раздольный

Военные посты Владивосток, Посъет²⁹ и Ольга считались стратегическими, так как располагались на морском побережье. При этом первоначально Посъет рассматривался как наиболее перспективный форпост на Тихом океане. Вплоть до 1880-х годов выстраивались планы и относительно поста Ольга. По этому поводу разгорелась дискуссия между генерал-губернатором Восточной Сибири Николаем Николаевичем Муравьевым-Амурским и военным губернатором Приморской области контр-адмиралом Петром Васильевичем Казакевичем.

Осуществив инспекционную поездку в 1859 году в район Посъета, Муравьев-Амурский высказал однозначное намерение: быть здесь главной базой Сибирской флотилии и областному центру а на берегу бухты (гавани) построить новый город. Отсюда и название бухты – Новгородская. Казакевич, обжившись и осмотревшись, лучшим местом для базы счёл залив Святой Ольги (военный пост выставлен в 1859 году). Владивостоку отводилась вспомогательная роль. В результате командиру роты линейного батальона капитану Ивану Черкавскому приказано было обустроиться в Посъете, имея под началом и военный пост Владивосток, где он оставил своего подчинённого прапорщика Николая Комарова. Однако и Раздольному, опорному пункту на реке Суйфун, и Турьему Рогу на озере Ханка (военный пост выставлен в 1859 году) тоже придавалось большое значение.

Как всегда, исторические даты вносят немало интриг в ткань исследования, не исключением является и ситуация с определением даты образования поста Раздольный. Энциклопедический справочник «Приморский край» 1997 года издания в статье «Формирование и развитие населения Приморья» определяет, что первыми пионерами края были «солдаты 3-го Сибирского батальона, расселившиеся в постах Раздольный, Посъет, Турий Рог, Камень-Рыболов. Вслед за ними прибыли казаки, которые к 1862 году основали на реке Уссури 23 станицы...»

Фёдор Буссе, руководитель Переселенческого управления области, разносторонний учёный, основатель Общества изучения Амурского края, в своём капитальном труде «Переселение крестьян морем в Южно-Уссурийский край в 1883–1896 гг.» конкретизирует: «Уже в 1860 году из военно-сторожевого поста Хабаровка в Южно-Уссурийский край были передвинуты две роты 3-го линейного батальона Восточной Сибири. Одну роту разместили в Раздольном, другую – в Посъете». Несколькими строчками ниже он замечает, что военное занятие края завершилось в 1863 году передвижением остальных двух рот этого батальона.

Николай Матвеев, летописец Владивостока, упоминает 3-й линейный батальон. Правда, отмечает, что батальон «был двинут в Южно-Уссурийский край летом 1865 года, штаб которого поместился в небольшом посту Камень-Рыболов... Роты же были расположены: две при штабе и 3-я рота в посту Раздольном и во Владивостоке». Однако дело в том, что команды постов время от времени заменялись и пополнялись, да и нумерация линейных батальонов могла быть иной, например, также часто фигурирует батальон № 4.

Наверняка не случаен и вывод историка Амира Хисамутдинова: «Селу Раздольному... положил начало пост, основанный в 1860 году». Возьмём эту дату за точку отсчёта. В тот год были выставлены военные посты Владивосток и Новгородский (он же Посъет). Уточним: пост Новгородский основал под свою ответственность командующий эскадрой Жёлтого моря решительный капитан 1 ранга Иван Фёдорович Лихачёв, высадив в заливе Посъет лейтенанта Павла Николаевича Назимова с командой из 22 человек. Произошло это событие 24 апреля 1860 года, на два с лишним месяца раньше основания Владивостока.

²⁹ Первое время пост имел двойное название: Новгородский – по названию бухты, описанной экспедицией Н. Н. Муравьева-Амурского, и Посъет – в честь русского мореплавателя адмирала К. Н. Посъета (1819–1899).

В новых необжитых местах военнотружашие обострённо чувствовали крайнюю необходимость связи с внешним миром. И лейтенант флота Евгений Степанович Бурачек, начальник поста Владивосток, в 1861 году стал добиваться устройства почтового сообщения с военносторожевым постом Хабаровка. Попробовали на свой страх и риск послать почтовый обоз, но, как докладывал Бурачек, из пяти лошадей «две пали на дороге от недостатка корма между 1-ой и 2-ой станцией по реке Суйфун. В следующий раз провожатым пойдёт рядовой 3-го батальона Батов, которому эта дорога знакома».

Двумя годами ранее рядовой Батов участвовал в сложной топографической экспедиции подполковника генштаба Константина Фаддеевича Будогосского, потом долго лежал больным в китайской фанзе на Суйфуне. Экспедиция (среди прочих задач) проводила демаркацию будущей западной границы Уссурийского края в районе реки Туманной. Выздоровев, Батов повёл почтовый обоз в ноябре 1861 года. Лейтенант Бурачек в своих воспоминаниях пишет, что с верхнего суйфунского станка (уже был такой) Батов привёл их на Ханку на третьи сутки. Шли открытой местностью, без горячей пищи – не было спичек разжечь костёр, на привалах жевали сухари. В Камень-Рыболове задержались на неделю: ждали от офицера Турьего Рога расписки в получении почты. Назад дорога заняла шесть суток, в обход, зато двигались веселей: от одной китайской фанзы к другой, где и ночевали, хозяева кормили в долг ужинами и завтраками. Так начиналось почтовое сообщение.

«Почтовый вопрос» носил стратегический характер. 16 мая 1862 года генерал-губернатор Восточной Сибири Михаил Семёнович Корсаков 16 мая 1862 года предписал командиру 3-го линейного батальона подполковнику Якову Васильевичу Дьяченко учредить 10 постов «для содержания постоянного сообщения между устьем реки Сунгачи и рекой Суйфуном», по шесть человек нижних чинов на каждом посту. Почту требовалось доставлять из Владивостока в Хабаровку и обратно – в навигацию два раза, зимой – один раз в месяц. Одновременно между Посьетом и Турьим Рогом весной открыли 14 почтовых постов. Среди них половина уже фигурирует как почтовые станции, часть – на линии Владивосток – Турьий Рог. Однажды зимой 1862 года начальник Владивостока решил проверить верхний суйфунский станок. По дороге зашли в фанзу знакомого китайца перекусить, и хозяин огорошил гостя: твой унтер-офицер Маяков – беременный. Что-что?! Да, флегматично продолжал китаец, у него в животе ребёнок... Евгений Степанович, грешным делом, подумал: не утащил ли ушлый старшой какую-нибудь тазку (метиску), и её отец поднимет теперь шум... Всё оказалось гораздо банальнее. Этого Маякова год назад отправили на станок, и он всё это время ел, пил, спал – раздобыл служака. Пришли на пост, унтер-офицер, на скорую руку затянутый в мундир, при теске и в фуражке, докладывает: «Верхний суйфунский станок обстоит исправно, больных и под арестом не имеется!» Действительно, исправно, резюмировал Бурачек, «у всех... рубахи в дырках, нары и пол хуже и грязнее чем в хлеве». Его поразила апатия солдат. «Девоч нет, – оправдывался Маяков, – начальство часто не ходит... Мы вас ждали только летом. Для кого же жить нам людьми?.. Что мыть, что не мыть бельё и избу, от этого нам ни теплее, ни холоднее. Едим хорошо, каждый день свежину, чего во Владивостоке нет». И у них, в самом деле, мясо было любое: козье, кабанье, медвежатина. Тигры только тревожили.

На всех почтовых постах роль первых почтальонов выполняли военные. И раздольненские солдаты принимали конную почту, перегружали на своих лошадях и везли груз почтовой дорогой – смотря по сезону, колёсно или санями – в Камень-Рыболов. Когда почта стала приходить и водой, её принимали на пристани и также везли дорогой до пристани Камень-Рыболов. Срочная почта пересылалась с курьерами.

Почта добиралась на Дальний Восток очень медленно, делая около 200 вёрст в сутки. Оперативную связь мог дать только электрический телеграф. Глубокое беспокойство сквозит в сообщениях Муравьёва-Амурского на имя вице-канцлера князя Александра Михайловича Горчакова: «Ваше сиятельство! Не могу при настоящих обстоятельствах в Китае и Японии

скрыть от Вашего сиятельства опасения мои о дальнейшем успехе нашей здесь политики, если высшее правительство не примет безотлагательных мер к устранению медленности сношений столицы со здешними отдалёнными странами! Я убеждён, что телеграф от Петербурга до устья Амура сделался теперь такой необходимостью, что нельзя жалеть на это 5 миллионов, которые он может стоить».

Проведение изысканий по устройству телеграфных линий от Иркутска к устью Амура генерал-губернатор поручает состоявшему при нём Дмитрию Ивановичу Романову. Из Указа Императора 17 января 1861 года: «Устроить за счёт сумм морского ведомства электрический телеграф в Приморской области с возложением сего поручения на 1-го конно-пионерного дивизиона полковника Романова». Летом 1863 года с топографами и несколькими солдатами Романов прошёл путь от Хабаровки до Владивостока. Необходимые материалы с большими трудностями доставлялись в пост Посыет и переправлялись на объекты строительства. На севере края строителям было легче, линию тянули по правому берегу Уссури, где уже находились казачьи посёлки. Здесь, южнее, буквально прорубались через непроходимую тайгу. Связисты для ускорения дела вывешивали (временно) телеграфный провод прямо на деревьях. Периодически выставлялись телеграфные посты – землянки, в которых жили два телеграфиста и артель рабочих. В их обязанности входило содержание телеграфной линии, устройство выючной тропы, расширение просеки. Плотники рубили дома для станций и казармы для солдат, обходчиков линии. На месте постов возникали приморские сёла Бельцово, Сысоевка, Гордеевка, Варваровка, Лазарево, Барановское и другие. Названия этим постам, а позднее и сёлам давались по именам и фамилиям тех людей, кто в невероятно тяжёлых условиях прокладывал путь телеграфу. Одна из деревень, ранее названная Верхне-Романовка в честь Дмитрия Ивановича Романова, позднее была переименована в Анучино по имени генерал-губернатора. Но имя Дмитрия Ивановича осталось на географической карте: в Шкотовском районе это посёлок Романовка, в проливе Босфор – мыс. За успешное строительство телеграфа в Приморской области Романов представили к званию генерал-майора.

В 1866 году телеграфную линию протянули мимо Владивостока в Посыет – предполагаемый центр. Все телеграммы во Владивосток шли только до поста Раздольный, а оттуда – доставлялись на лошадях. В 1868 году в Южно-Уссурийском крае создаются первые почтовые учреждения, во Владивостоке открывается почтовая контора. В 1870 году Петербург принимает решение о переводе штаба главного командира портов Восточного океана и Сибирской флотилии во Владивосток. 17 марта 1871 года адъютант контр-адмирала Ивана Васильевича Фуругельма доложил: «Ваше превосходительство! Телеграмма! Из Владивостока!»

«Простые русские люди – крестьяне, казаки, солдаты – поддерживали почтовое движение по трактам, заготавливали дрова для пароходов, возивших почту, прокладывали и ремонтировали дороги и телеграфные линии, строили здания телеграфных и почтовых контор, отделений и станций. Именно их труд соединил Дальний Восток с Сибирью и европейской частью России», – с глубоким уважением к ратному подвигу первопроходцев писал М.С. Высоков в книге «Очерки истории связи на Дальнем Востоке».

На конец XIX века у дальневосточных рубежей создаётся напряжённая ситуация, плетутся интриги западных стран, опасаящихся усиления политической роли России на Дальнем Востоке. Как следствие, численность российских войск в Южно-Уссурийском крае значительно возрастает. Из приказа генерал-губернатора Восточной Сибири Дмитрия Гавриловича Анучина: «К началу 1880 года, в тревожную минуту политических недоразумений, мы располагали в Южно-Уссурийском крае только двумя линейными батальонами с одной конной сотней и двумя батареями... С тех пор прошло лишь четыре года, и теперь для прикрытия рубежа лучшей и наиболее угрожаемой части наших владений на берегах Восточного океана мы имеем вместо двух линейных батальонов две отлично организованные стрелковые бригады, с двумя линейными батальонами, тремя батареями и шестью конными сотнями вместо одной...»

ADVISER KLIMB

Керей 9
директору
кв. № 1804

ПО РАСЧЕТУ

ПО ГЛАВНОМУ УПРАВЛЕНИЮ

Отд. 1022

Стам.

ТЕЛЕГРАФИЧЕСКАЯ ДЕПЕША

ГЕНЕРАЛЬ-ГУБЕРНАТОРА

ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ.

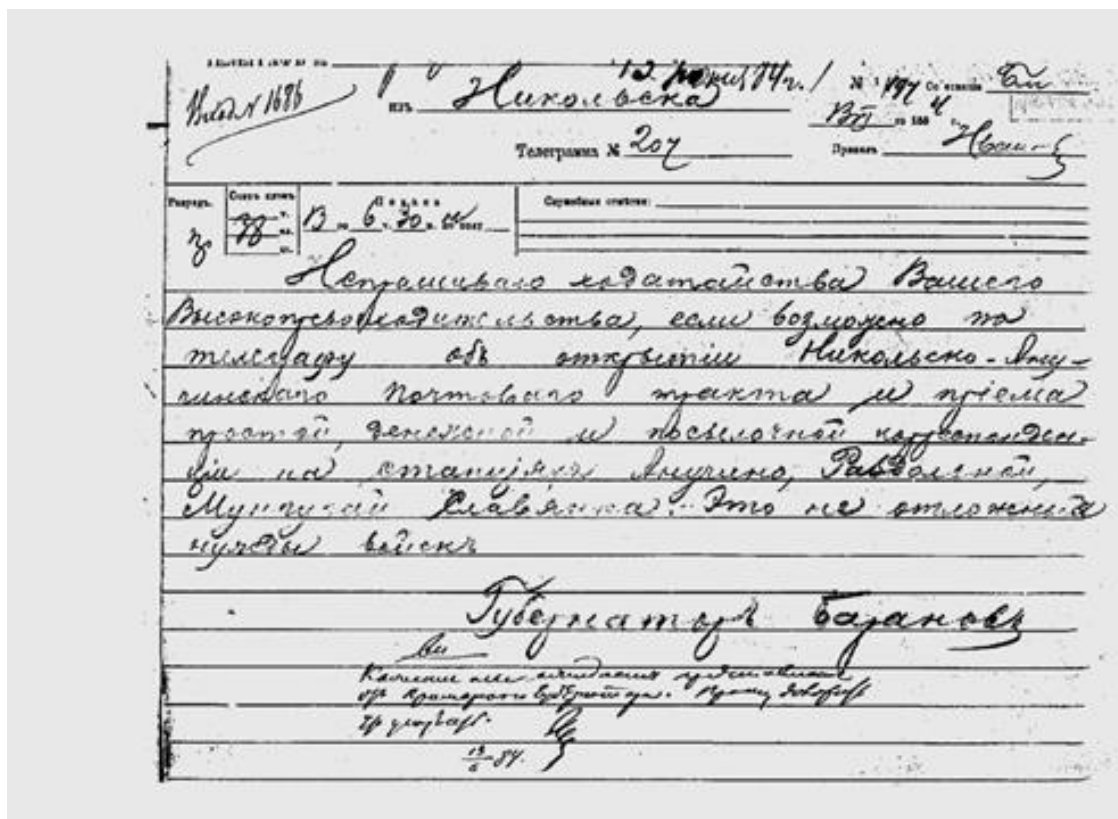
~~Лавровна Мещерякова~~
Генералу Баранову.

Об отпуске Никольской-Амурской полевой
тракта и приёмов корреспонденции (приготовил
на волеизъявление) в соответствии с
требованиями Генерал-Губернатора
на будущее полевое

Генерал
М

Копия телеграммы телеграфной и телеграфной
телеграфной станции за 1884, отпечатана
в IV Амурской Губернии Иркутской 20 мая
1884 г. за №

Полковник Шенников

Раздольненский гарнизон был усилен, здесь разместились стрелковый батальон, преобразованный к приезду цесаревича Николая в 1891 году в 1-й стрелковый Его Императорского Высочества полк, Восточно-Сибирская рота искрового³⁰ телеграфа, 1-й, 2-й, 3-й летучие полки, 6-я строительная войсковая комиссия, Приморский драгунский полк.

Спустя годы, в советское время Приморский драгунский полк будут вспоминать по другому поводу: до Первой мировой войны (февраль 1905 года – декабрь 1913 года) в пятом эскадроне полка проходил службу Семён Будённый, позже трижды Герой Советского Союза, Маршал Советского Союза. В драгунский полк молодой солдат попал после участия в Русско-японской войне. В Раздольном заядлый лошадиник Будённый полностью отдался любимому делу. С юности решив стать военным, он служил действительную и готовился остаться сверхсрочником. Отметив усердие новобранца, начальство отправляет его на двухгодичную учёбу в школу наездников в Петербурге. Возвратившись в Раздольное, Будённый стал полковым наездником, учил молодых. Ему присваивается звание старшего унтер-офицера, затем вахмистра. Драгуны в то время умело действовали не только в конном, но и пешем строю, не отличаясь от казаков. Но конники Приморского драгунского Короля Христиана IX Датского полка ставили себя на голову выше казаков. У них и кони на подбор – сильные статные красавцы, и в походе хороши скакуны. Лучшие породы поставлял в полк коннозаводчик Михаил Иванович Янковский, первооткрыватель и цивилизатор далёкой окраины.

Будённый знал себе цену, но оставался человеком истинно широкой души. У бывшего батрака была мечта: завести собственный конный завод. С чисто крестьянской практичностью копил он деньги, чтобы осуществить своё заветное желание. Его дочь Нина вспоминала, что отец зарабатывал тем, что объезжал лошадей для офицеров, и при этом давал в долг тем, кто попадался в картёжные сети. Сам вёл аскетический образ жизни. Предельно проста была каморка вахмистра: железная койка, покрытая байковым одеялом, столик, две табуретки, эта-

³⁰ Искровой телеграф – то же, что радиотелеграф.

жерка с книгами, на стенах – вырезки газетные или журнальные: кругом всё всадники на лошадях. Семён Михайлович, впрочем, в одном не отказывал себе: любил деревенские гулянья с танцами и гармошкой – гармонист он был непревзойдённый! Бравый усатый кавалерист любой дивчине мог голову вскружить. В конце 1990-х годов раздольненцы могли показать казарму, где служил Будённый. Сегодня её нет, многие кирпичные здания постройки конца XIX – начала XX веков «ушли» на кирпичи.

Краеведы и любители истории ещё могут документально зафиксировать снимками постройки, относящиеся к Раздольненскому гарнизону. По улице Чапаева жилые дома № 41, 43 построены в 1896 году. Поблизости детский сад воинской части 36411, дом № 39. Здание, где сейчас штаб морской пехоты, образца постройки 1898 года. Больше всего старинных кирпичных зданий сохранилось в южной части посёлка, на улице Лазо. Дом № 353 – 1900 года, № 321 – 1903, № 314 – 1905, № 331 – 1908 года. Сооружения 1910 года – дом № 212, общежитие Владивостокской квартирно-эксплуатационной части; дома № 222, 230, 238, 319, 319а, 325, 333. Сохранился кирпичный дом на Лазо, 140, который был построен для Раздольненской школы в 1907 году. На территории расформированной воинской части 20222 сохранилось три здания постройки 1912 года: казарма (№ 57), сейчас здесь детский дом «Семейный очаг», и однотипные жилые дома № 86 и 88. Переулок Интернатный, дом 4 – Раздольненская коррекционная школа – постройки 1910 года, но в 1962 году сделана пристройка. И удивительно, но уцелели до наших дней деревянные здания: по улице Островского, 20 – бревенчатый жилой дом постройки 1905 года, такой же по улице Лазо, 138 – 1910 года. В Бюро технической инвентаризации Раздольного данные подтверждены домовыми книгами.

Кирпичные строения выполнены практически в едином архитектурном стиле, отчего возникает предположение, что самые первые из них проектировал один архитектор. Возможно, это был Вацлав Игнатьевич Жигалковский, потомственный дворянин Каменец-Подольской губернии, выпускник Николаевской инженерной академии. С 1890 по 1896 годы он строил воинские здания в Раздольном, Черниговке, Никольске-Уссурийском, Славянке, Ново-Киевском³¹, Барабаше. Проектировал и возглавлял строительство в Никольске-Уссурийском Градо-Николаевского (Свято-Никольского) собора, самого большого и красивого храма Владивостокской епархии. С 1909 года – генерал-майор, начальник инженерной службы Владивостокской крепости.

Сохранится ли это культурно-историческое наследие в ближайшее время? Вопрос риторический. А ведь эти архитектурные строения дореволюционной эпохи могли бы сослужить добрую славу и в туристической области, и в сфере нравственного воспитания юных граждан края, кто, подрастая, причислит себя к славной когорте приморцев.

В 1891 году Владивосток посетил цесаревич Николай. Сохранились исторические свидетельства его пребывания в Приморской области. Происходило это в драматический период, когда члены царской семьи были встревожены самочувствием наследника российского престола. Для тревоги и беспокойства повод был серьёзный: 29 апреля 1891 года (здесь даты даны по старому стилю) на него было совершено покушение в Японии, где завершалось Восточное путешествие цесаревича. Грандиозный вояж начался 23 октября 1890 года, а его маршрут пролёг через Египет, Индию, Цейлон, Сингапур, Китай, Японию. Кругосветка стала прекрасной демонстрацией усиления военной мощи России во всем мире и в первую очередь, на Дальнем Востоке. Крейсер «Память Азова», на котором следовал цесаревич, сопровождала эскадра кораблей русского военно-морского флота. В Японии законному наследнику российского престола исполнилось 23 года. Его образованность, доброжелательность, благочестие производили на окружающих приятное впечатление. 29 апреля высокий гость возвращался в коляске с рикшей в Киото через город Оцу. Как пишет японский историк Акира Ёсимура в книге «Покуше-

³¹ Сегодня – посёлок Краскино.

ние», «на правой стороне улицы возле одного из домов стоял на своём посту полицейский. При виде приближающейся коляски цесаревича он приосанился и поднял руку к козырьку. Стоило, однако, коляске поравняться с полицейским, как он неожиданно выхватил саблю и бросился к Николаю. Оказавшись на расстоянии 1 сажу (чуть более 30 сантиметров) от коляски, он опустил сверкающее на солнце лезвие на голову цесаревича». По одной из версий, от смерти цесаревича спас сопровождавший его греческий принц Георг, он отбил тростью очередной удар. Подбежавшие рикши скрутили преступника.

*Раздольное, бывшая Корейская слободка:
дом постройки 1914 года, где проживал писатель Д.Г. Федичкин.*

Раздольное, воинское здание постройки 1898 г.

Раздольное, здание постройки начала 20 в.

Инцидент в Оцу едва не лишил Японию шанса укрепить симпатии будущего российского монарха. Японские власти были крайне встревожены: ждали или объявления войны, или требований о контрибуции. Но будущий российский государь был далёк от мыслей о коварстве и мщении. Не изменились намерения Его Императорского Высочества и по поводу посеще-

ния российской дальневосточной окраины. Во Владивостоке его ожидал именной рескрипт³², подписанный 17 апреля 1891 года Александром III. Документ, доставленный курьерами через Сибирь, был следующего содержания: «Ваше Императорское Высочество. Повелеваю ныне приступить к постройке сплошной через всю Сибирь железной дороги, имеющей соединить обильные дары природы сибирских областей с сетью внутренних рельсовых сообщений. Я поручаю Вам объявить таковую мою волю по вступлению вновь на русскую землю, после обозрения иностранных стран Востока. Вместе с тем возлагаю на Вас совершение во Владивостоке закладки разрешённого к строительству на счёт казны и непосредственно распоряжением правительства Уссурийского участка великого сибирского рельсового пути... Александр».

О благополучном прибытии эскадры цесаревича 11 мая во Владивосток, на рейд бухты Золотой Рог, оповестил телеграммой военный губернатор Приморской области П. Ф. Унтербергер. 16 мая Николай Александрович вступает на военный пост Посыет, 17 мая присутствует на открытии памятника Геннадию Ивановичу Невельскому, 18 мая – на закладке сухого дока. Основные события пришлось на 19 мая – на церемонию закладки Транссибирской железной дороги. В основание строящегося вокзала цесаревич заложил в камень серебряную пластину с текстом, что 19 мая 1891 года началось сооружение Великого сибирского пути.

В честь пребывания цесаревича Николая во Владивостоке была сооружена Триумфальная арка.

В Петербург цесаревич возвращался через Хабаровск, Благовещенск, Нерчинск, Читу, Иркутск, Томск, Тобольск, Сургут, Омск, Оренбург. Дорога заняла около двух месяцев. По пути следования будущего российского монарха возводились Триумфальные арки. В советское время все они были разрушены. Владивосток стал первым российским городом, который в 2003 году воссоздал Николаевскую триумфальную арку.

В полном объёме путь цесаревича Николая по маршруту Владивосток – Раздольное – Ханка не был описан, есть отрывочные сведения о чаепитии его в районе нынешней станции Океанская, а ещё – одно любопытное свидетельство очевидца.

ПРОШЕНИЕ³³

крестьянина Никольского сельского общества

Г.Д. Калугина об отводе земли под конный завод 1899 г.

В 1875 г., уволившись в запас армии из первой Приморской конной сотни, я остался в Камень-Рыболове, где и начал устраиваться на всегдашнее жительство и обзаводиться хозяйством. С 1882 г. я взял содержание почтовых станций, всегда нуждаясь в лошадях, которых в крае очень мало, приобретая покупкой дорогой ценой и иногда не соответствующих своему назначению; почему я задался мыслью, по возможности, завести собственное коневодство и скотоводство, для чего потребовалось приобрести участок земли. В 1889 г. я подал господину военному губернатору Приморской области прошение, в котором просил об отводе мне из государственной пустопорожной земли на полуострове оз. Ханка в собственное владение участок земли в 200 десятин. Но до приезда в наш край в 1891 г. Его Императорского Высочества, ныне благополучно царствующего государя императора Николая Александровича, просимой мною земли, разрешено не было. Во время пути следования Их Императорского Величества из г. Владивостока в г. Хабаровск, мне выпала счастливая [радость] лично на собственной тройке лошадей провести Их Императорское Величество четыре станции от Халкидона до станции

³² Рескрипт (лат. *rescriptum*) – в Российской империи, с начала XVIII века, правовой акт (личное письмо императора), в частности – данное на имя высокопоставленного лица (обычно члена Императорской фамилии, министра, митрополита и т. п.) с выражением ему благодарности, объявлением о награде или возложении на него поручения.

³³ Данный документ представляет собой историческое свидетельство реальных жизни Приморской области конца XIX века, поэтому приводим его целиком, с сохранением авторской пунктуации и орфографии.

Сантахезы³⁴ на оз. Ханка, где во время переезда Его Императорское Величество расспрашивал меня о жизни и разных нуждах здешнего края. Отвечая на все я, между прочим, рассказал о своей нужде в земле и о поданном мною прошении господину военному губернатору Приморской области, вследствие чего, Его Императорское Величество лично приказали генерал-губернатору барону Корфу немедленно отвести мне 200 десятин земли за плату и 100 десятин пожертвовали бесплатно. Всё разрешённое мне немедленно было отведено.

Столь милостивые для меня слова Его Величества дали возможность осуществить намеренное мною предприятие, за которое я принялся тот час же после отвода земли, и дело с разведением животноводства шло прекрасно до 1896 г. В этот несчастный для меня год вода в озере Ханка поднялась и затопила весь мой участок, откуда пришлось мне весь свой скот перегонять в Камень-Рыболов. Скота же у меня к этому времени было: лошадей -75 разных пород и возрастов, рогатого скота до 50 голов. Затопление моего участка под водой я полагал временное и ждал схода воды. Прождав осень 1896 года и зиму 1897 года, но все напрасно: участок и по настоящее время находится под водой, нанеся от этого большие убытки как денежные, так и утратой скота. Нового же участка взамен этого в Ханкайском округе, ввиду надела всей земли под крестьянские и казачьи поселения, я добыть не мог, почему и переселился к обществу Никольских крестьян, надеясь здесь найти более подходящий участок из государственной пустопорожней земли, что мною в настоящее время и намечено по речке Супутинке³⁵ за заводом Пьянкова в 6 верстах.

Излагая всё выше изложенное имею честь почтительно просить Ваше Высокопревосходительство, не найдете ли возможным взамен Ханкайского участка отвести мне новое же количество земли в указанном мною месте за заводом Пьянкова, чем поддержите разоряющее мое коневодство и скотоводство, а в последствии, и может быть, этим дадите возможность вернуть все нанесенные водой мои участки, и разведением на новом месте животноводства и сельского хозяйства и поселению края польза в этом будет. Присовокупляю на Ханкайский мой участок в 300 десятин и имеются у меня данные и план и следуемая за него плата внесена сполна».

Осталось пояснение к этому прошению, раскрывающее личность возницы: «Калугин Григорий Дмитриевич, крестьянин, отставной вахмистр. В 1891 году во время визита Цесаревича Николая Александровича вёз его до станции Сантахеза на своих лошадях, за что был пожалован 300 десятин земли в пользование. Из них 100 десятин даровалось бесплатно под конный завод в устье реки Мо³⁶ (пустошь Григорьевка) и 200 десятин по 3 рубля за десятину (пустошь Николаевка). В 1892 г. земли были отведены Калугину, однако вскоре вода затопила его участок. С тех пор он вёл тяжбу об отводе земли в другом месте. По сведениям областного агронома (1912) Калугин содержал почтовый станок Мо близ Камень-Рыболова, брал жеребят на выпас у крестьян с. Астраханки. Свой участок сдавал Никольск-Уссурийскому обществу охоты и рыбакам. Проживал в Никольске и занимался извозом».

³⁴ *Сегодня – Старый Ключ.*

³⁵ *Ныне река Комаровка.*

³⁶ *Сегодня – река Мельгуновка.*

Раздольное – крестьянское селение

По определению генерал-губернатора П.Ф. Унтер-бергера, углублённо занимавшегося историческими исследованиями, Раздольное – крестьянское село, возникшее в местах расположения войск. Недолгое время оно именовалось Суйфунским, вероятно, по названию реки. Прибывшим поселенцам, выходцам из Астраханской губернии, которые считали себя больше рыбаками, чем земледельцами, повезло: река рядом – широкая, полноводная, богатая рыбой. Оставалось приноровиться к её буйному характеру в половодье и вообще приспособиться к непростому приморскому климату. Обживались, наскоро сооружая мазанки – временные жилища из хвороста с глиняной обмазкой. К зиме появились первые избы.

В дальнейшем переселенцы прибывали из разных мест Российской империи, включая Украину, Белоруссию, из других многонациональных губерний. Измотанные тяжёлой дорогой, порой занимающей и год, и два, переселенцы не находили на новом месте ни своих родных степей, ни пышного чернозёма, ни фруктовых садов, ни мягкого климата. Почвы были преимущественно каменистые, трудные в обработке, а луга в пойме реки постоянно затапливались. Характеры закалялись, крепчали в борьбе с трудностями. И постепенно сложился специфический тип переселенца: нечто среднее между купцом-предпринимателем и мужиком-кулаком. Раздольненский художник-поэт Альберт Скалозубов, предки которого тоже из Астраханской губернии, по-своему определил этот типаж: свободный предприимчивый человек, у которого единственный критерий успеха – здравый смысл.

Население Раздольного росло крайне медленно. В многочисленных публикациях фигурирует цифра: на начало 1867 года – 611 жителей, в том числе 331 мужского и 280 женского пола. Эти данные сильно расходятся со сведениями офицера Генерального штаба Николая Михайловича Пржевальского, указавшего на 1 января 1868 года всего пять дворов с 24 жителями (15 мужчин и 9 женщин). Трудно усомниться в данных специального посланника: Пржевальский был командирован в Уссурийский край с целью сбора статистических данных о заселении, развитии промыслов, торговли и других сведений, характеризующих экономическое освоение. И его информация ближе к истине: статистика за первые два десятилетия отражает в Раздольном 13 семей, видимо, сначала военные не особо поощряли рост гражданского населения. Оттого вопрос с наделением крестьян-переселенцев землёй решён был здесь только в 1888 году. Те, кто селился раньше, земли взяли, кто сколько хотел и где хотел. Первым, повторимся, и по закону 1861 года полагалось до 100 десятин на семью. Поэтому, когда вопрос с наделами в 1888 году был решён юридически, им, как старожилам, землемеры переселенческого управления нарезали 5377 десятин из расчёта на 53 семьи. Последующие новосёлы наделались землей непосредственно сельским обществом.

Крестьяне с. Раздольного. Начало 20 в.

Среди первых жителей Раздольного была семья Емельяна Николаевича Важжова, как вспоминал старожил посёлка Александр Алексеевич Важжов, 1906 года рождения. Его дед с сыновьями Алексеем, Иваном, Прохором, Яковом и Никифором прибыли из Астраханской губернии в конце 1860-х годов. Сыновья были холостые и переженились на казачках из посёлков Приханкайской низменности. Вместе с семьёй Важжовых приехали братья Чешины – Семён, Самсон и Кирилл – и два брата Киричковы, тоже холостые. Дома ставили по берегу Суифуна, позже из-за наводнений переселились выше, где в настоящее время улицы Лазо, Чапаева и Островского. Леонтий Устинович Корж вместе с женой Марией и 17-летним сыном Семёном по добровольному переселению приехали в 1878 году из Омской губернии. К моменту их приезда в селе проживали Хлебников, Бармин, Бурсов – охотники и землеробы, имеющие по 30 десятин земли. Такой надел имел и Ерофей Савельевич Аносов, хотя сам занимался торговлей. На почтовой линии Раздольное – Посьет работал служащий Новак.

Предписание о причислении к обществу села Раздольного новых жителей от 11 февраля 1895 года открывает новые имена: Арсений Болдарев, Дмитрий Степанов, Родион Казочиков, Григорий Золотухин, Андрей Князев, Иван Бармин, Василий Бармин, Митрофан Кривошеин, Сидор Кустов, Иван Иланцев, Павел Зорин, Ермолай Зуев. В документе за неграмотных и за себя расписались Федор Ковылин и Кирилл Чешин. Заверили документ сельский староста Нестор Золотухин и сельский писарь М. Саленко.

Также 11 февраля обсуждался вопрос приписки ещё двух – весьма колоритных в плане биографии – семей. Глава одной из них Пётр Алексеевич Корбьяков, как следует из данного акта, из инородцев Енисейской губернии, отбыл 11 лет и 8 месяцев каторги в рудниках Сахалина за убийство и ограбление политического ссыльного Людвиг Краевского. По отбытии наказания в 1891 году записан в крестьянское сословие. Его сожительница Аксинья Епифановна Зайченкова имела девять лет каторги за убийство. С ней сын Дмитрий четырёх лет. Другой кандидат, Павел Петрович Коневец, из казаков: убийство, разбой, кражи – и, как следствие, 17 с половиной лет тюрьмы и каторги. Жена Александра 48 лет, при ней дети – Семён и Степан. Дочь самого Павла Петровича Евдокия замужем за унтер-офицером запаса Иваном Белкиным.

Следуя исторической правде, отметим, что на Дальний Восток прибывали разные люди: крестьяне, желающие обрести пахотные земли, крепкие в своей вере старообрядцы, авантюристы всех мастей, лёгкие на подъем, движимые жадной приключений, каторжане, ссыльные. Леонид Митрофанович Болховитинов, офицер, военный историк, в 1911 году в работе «Колонизация Дальнего Востока» писал: «... сюда искусственно продвигался из России далеко не всегда подходящий культурный и энергетический элемент. Ни для кого не секрет, что все эти разнообразные ссуды, чрезмерно льготные проезды, даровые кормежки и прочие блага привлекают сплошь и рядом не безземельных, ищущих работу, а заведомо лентяев, развращённых до мозга костей пропойц, бывших и дома дармоедами, а для окраины составляющих тягчайшую обузу... Они-то именно пропивают полученные всякие «способия» и инвентарь, нищенствуют и, в конце концов, пополняют ряды местных хулиганов».

В истории освоения любой страны можно найти аналогичные примеры, взять хотя бы зелёный континент – Австралию, где основы современного экономического благополучия закладывали английские ссыльнопоселенцы, некогда преступившие закон на родине.

Станция Раздольная, открытая для движения в ноябре 1893 года, дала сильнейший толчок в развитии села. «Путеводитель по Великой Сибирской железной дороге», изданный в 1900 году, включал информацию о станции и селе: «Станция Раздольная по красоте местности и положению оправдывает своё название, данное этой местности бывшим генерал-губернатором Духовским во время одного из объездов края. В двух верстах раскинулось по левому берегу реки Суйфун село Раздольное. Село довольно бойкое. В селе находится пароходная пристань, так как Суйфун отсюда до впадения в море судоходен...» Типовая станция 4 класса Уссурийской железной дороги была аналогична ей подобным: два семафора, три комплекта стрелочных переводов, две будки для стрелочников. С момента открытия движения за порядком следили два жандарма.

Раздольное, ул. Чапаева, детский сад. Здание постройки конца 19 в.

Раздольное, ул. Лазо, остатки бывшей казармы постройки начала 20 в.

Раздольное, ул. Чапаева, жилые офицерские дома постройки 1896 г.

В 1902 году в Раздольном насчитывается 62 двора, 86 жилых построек и 493 жителя из 139 семей. И как живут! В личных хозяйствах 139 свиней, 342 головы крупного рогатого скота, 44 сохи, 41 плуг, 102 бороны. Численность населения в сравнении с некоторыми другими сёлами вроде бы невелика. Зато жители имеют 337 лошадей да к ним 168 телег, 163 саней. А лошадь в те времена весьма серьёзный критерий зажиточности. Через пять лет, на 1 января 1907 года, как следует из рапорта чиновника Переселенческого управления по особым

поручениям Казаринова, в селе 161 двор и 570 жителей, 299 мужчин и 271 женщина. Деревянные дома селян вплотную примыкали к военному городку. Со временем жители роднились и с гарнизонной частью населения, чаще всего с отставными чинами. В середине 1915 года в Раздольном проживало 795 человек гражданского населения.

Сергей Казанский в отчёте «Статистические очерки части Южно-Уссурийского уезда» кроме цифр оставил немало зарисовок о быте прошлой эпохи и людях: «Народ здесь более или менее зажиточный, грубоватый, ленивый, мало приспособленный к занятиям земледелием и занимающийся исключительно извозом и спекуляциями по сдаче в аренду усадебных мест под торговые помещения и жилые квартиры. Арендаторами являются преимущественно китайцы, в руках которых здесь сосредоточилась и торговля, и промыслы. Китайцы, заручившись многолетней арендой, строят кирпичные дома, кои по окончании срока аренды, в силу договоров, переходят в собственность хозяев усадеб. Не редкость встретить крестьянина – собственника трёх, четырёх домовладений, есть даже собственник 15 домовладений... Село Раздольное, благодаря расквартированию в окрестностях его войска, скорее торговое, чем земледельческое. Главная улица состоит исключительно из ряда магазинов, лавок, кондитерских и других торговых предприятий, удовлетворяющих потребностям войска».

Современный вид вокзала ст. Раздольная, построен в начале 20 в.

Арендовали жилые дома и китайцы (так, в доме Куксенко они вели мелочную торговлю), и русские: один из братьев Чешиных сдавал дом под магазин по продаже чая Алексею Ивановичу Малинину. А раздольненский торговец Андрей Фёдорович Баранов арендовал помещение – под магазин, склад или какое-то другое заведение – на Угловой.

Сельское общество только от аренды помещений получало в 1906 году 6375 рублей. Б том числе, от «водочного короля» Пьянкова за питейные заведения и от магазинов «Кунст и Альберс» поступило по 2500 рублей, от китайской пивной – 200 рублей, с публичных домов – 350 рублей.

В статистических очерках данные по аренде отсутствуют, но лишь от разрешения на торговлю крепкими спиртными напитками в кассу общества за 1910 год перечислено 4455 рублей. В результате сельское общество выплачивало жалование учителям и содержало полицейского урядника за 300 рублей в год. Такие же крестьяне-дельцы жили по соседству, в Никольске-Уссурийском, чей доход составляла аренда помещений или сдача земли под строительство.

Для земледелия чаще рекрутировали корейцев. На момент объезда волости инспектором Казанским (1910 год), корейцев в Раздольном насчитывалось 40 дворов. Район их компактного проживания, как и в других местах края, назывался Корейской слободкой. Ещё больше фанз было разбросано за пределами селения, в пойме реки. Казанский пишет, что крестьяне сами редко обрабатывают пашню, «обыкновенно сдают её корейцам, получая за то по 30 пудов посева с десятины». Культивировали чаще овёс, пайзу, чумизу, бобы, капусту, картофель, в редких случаях – пшеницу. Великолепные земледельцы, корейцы хорошо знали, какие культуры здесь урожайные.

Ошибочно считать, будто крестьяне-переселенцы Раздольного вовсе не занимались земледелием – приусадебные участки были у всех. Но речь идёт о пашнях. К началу XX века стала ощущаться проблема с землёй. Многие крестьяне-новосёлы просто не имели наделов. Земля, выделенная сельскому обществу ранее, нарезалась в расчёте на старожилов, но к 1914 году стала в дефиците. А переселенцы всё прибывали. Как быть? Единственный выход – перераспределять, то есть сокращать наделы старожилов. Добровольно делиться соглашались единицы, большинство активно выступало против новой нарезки. Разгорался конфликт. Подобный случай вышел с Кипраном Савченко, когда 28 ноября 1914 года встал вопрос о причислении его к обществу. Он просил часть надела Дмитрия Слугина, имеющего 100 десятин. Старожил и знать ничего не желал: прибыл в Раздольное в 1900 году, имею право на свои 100 десятин! Каждый инцидент разрешался по-своему, в пользу одних или других, но систематически повторяющиеся по Приморью ситуации такого рода вели к расслоению крестьянства.

В границах Раздольненского переселенческого участка росли заимки: многие просто уходили за пределы села на выселки и там, в границах отведённого обществу земельного надела, ставили усадьбы. Также развивался другой вариант: сразу по прибытии общество давало новосёлам «путёвку» на хутора. Например, переселенец из Черниговской губернии с семьёй из четырёх душ Яков Емельянович Ноздрин был направлен на участок Круглый. Иван Семёнович Зеленский и восемь душ с ним поселились на хуторе Галановском. К 1916 году таких мест в окрестностях села насчитывалось больше сорока.

Уникальность и практическую значимость Раздольному придавало речное судоходство. В октябре 1860 года генерал-губернатор Муравьёв-Амурский, опираясь на сведения контр-адмирала Казакевича, в числе прочего докладывал письменным рапортом великому князю Константину: «...близ порта (Владивостока – Прим, ред.) в Амурский залив впадает река Суйфун, судоходная и сплавная с лишком на 100 вёрст». В апреле 1861 года контр-адмирал Иван Фёдорович Лихачёв купил в Шанхае две большие китайские лодки, специально смоделированные для речных перевозок. В советское время, летом 1925 года, учёные подробно исследовали реку. Выявили, что ширина устья реки составляет 200 метров, ширина реки возле Раздольного – до 70 метров. Фарватер из категории «блуждающих»: приближается то к одному, то к другому берегу. Река характеризуется перепадом глубин: от отметки 10 метров падала в самом лимане³⁷, где песчаный грунт, до двух метров.

Начиная с апреля, как только сходил лёд, к пристани в Раздольном швартовались лодки и шаланды, доставлявшие переселенцев и их скarb в сёла Раздольное и Никольское. Настоящее судоходство по Суйфуну началось в 1865 году, когда во Владивостоке для Сибирской

³⁷ Лиман (греч. *λίμην* – гавань, бухта) – мелководный залив, образованный при впадении реки в море.

флотилии собрали из готовых конструкций, присланных военным ведомством, паровой бот «Суйфун». Позже городской голова Михаил Кузьмич Фёдоров приобрёл пароход «Пионер». У владивостокского купца в устье Суйфуна были лесопильный завод и заимка. Со временем по обоим берегам реки предприниматель стал разрабатывать уголь. «Пионер» – типично речной двухколёсный пассажирский пароходик грузоподъёмностью 22 тонны, оборудованный двумя мачтами с реями для парусов в помощь не сильно мощной судовой машине. В одном из первых номеров газеты «Владивосток» ранней весной 1883 года появилось объявление: «Пароход «Пионер» будет совершать рейсы в продолжение настоящего лета по реке Суйфун от Раздольного до Речного и обратно два раза в неделю, по вторникам и пятницам». Для сведения пассажиров печатались тарифы. Место в каюте от Речного (близ Тавричанки) до Раздольного стоило 3 рубля, на палубе – 1 рубль. Пуд груза, перевозимого на борту, – 20 копеек, на барже – 10 копеек. Из Владивостока до Речного добирались морскими судами Сибирской флотилии «Амур», «Польза», «Кит». Начиная с 1882 года на линию вышел «Новик», судно, принадлежавшее пароходству купца Михаила Григорьевича Шевелёва.

Колёсный пароход «Амур» с апреля по ноябрь выполнял рейсы в Славянку, к устью реки Монгугай³⁸ и к устью Суйфуна. Отчалив от базарной пристани Владивостока (там, где сейчас площадь Борцов за власть Советов) и взяв на буксир несколько гружёных барж и шаланд, шёл к острову Речному с пассажирами, почтой. На Речном теплоход разгружался, а по вторникам и пятницам груз и пассажиров принимал пароход «Пионер», который направлялся к Раздольному. Порой по большой воде «Пионер» доходил даже до Никольского, как это было, например, в 1891 году.

Удача, если рейс проходил без осложнений. Случись лёгкое волнение – и всё усложнялось так, что пароход «Новик» доходил до устья Суйфуна и бросал якорь довольно далеко от Речного. «Пионер», которому «по эстафете» следовало принять пассажиров и грузы, тоже не рисковал близко подходить к «Новику». И тогда пассажирам приходилось, как описывается в газетном репортаже, «соблюдая возможную эквилибристическую ловкость, скакать в ялики, шлюпки и китайские шаланды, без устали танцующие и подпрыгивающие на волнах расхопившегося залива, и переправляться на них далее к «Пионеру». Журналист красочно живописует картину путешествия: «Наконец, вы доехали не без опасности для жизни и риска для здоровья и уселись на «Пионер» – микроскопическое речное судно, лишённое даже примитивных удобств и приспособлений... Пассажиры буквально как мухи облепляют пароходик, не только сидеть, но и стоять негде. Река Суйфун притом же страдает двумя недостатками: крайней извилистостью, или так называемыми кривунами, достигающими до того, что даже крохотному «Пионеру», огибая их, приходится ежечасно врезываться в противоположный берег, и мелководье. Отсюда – ежечасные остановки и приключения: вас поминутно то ссаживают на берег, то вновь берут на судно, то заставляют перебегать на одну сторону, то на другую для поддержания равновесия... «Пионер» довольно дряхл, машина его ещё древнее, и справиться с своей трудной задачей – доставить пассажиров и шаланды за 40 вёрст от устья реки до станции Раздольной – ему редко удаётся. Обыкновенно он на первой же версте бросает одну шаланду, на второй – другую и т. д., пока, наконец, посеяв на своём пути все шаланды с имевшими несчастье попасть на них пассажирами, в глубокую полночь достигает станции Раздольной. И то не всегда: иногда он останавливается вёрст за 5 от пристани, и остальное расстояние до почтовой станции пассажирам предоставляется совершить по образу пешего хождения...»

Между прочим, в 1895 году, когда судоходство по Суйфуну закрыли, этот «дряхлый» «Пионер» продали Леонтию Скидельскому, и он долго потом ещё курсировал по Уссури. Любопытное совпадение: капитаном кораблика всё это время оставался Н.И. Кораблёв.

³⁸ *Ныне река Барабашевка.*

Раздольное со временем стало административным центром одноимённой волости Никольск-Уссурийского уезда. Здесь располагались волостное и сельское правления во главе с крестьянским начальником и сельским старостой. В селе имелись: почтово-телеграфная контора, почтовая станция, двухклассная церковноприходская школа, две церкви, канцелярии станowego пристава, таможенного надзирателя, смотрителя интендантства. В какой-то момент власти решили, что одного пристава для исправления полицейских обязанностей явно недостаточно. Главной угрозой мирной жизни и спокойствию гражданского населения по-прежнему были китайские бандиты – хунхузы. Николай Львович Гондатти, служивший до своего назначения на пост губернатора заведующим переселенческим делом в Уссурийском крае, доносил 4 мая 1900 года: «В виду близости границы, где скрываются хунхузы, в помощь полицейским чинам вводятся конные урядники. Это окажет [влияние] на уменьшение преступлений, а, имея надзор за действиями сельского старосты, во многом облегчит работу приставов. Так, в помощь приставу Раздольненского участка в Раздольном введён урядник». Урядник вместе с конём содержался из казны сельского общества.

Жизнь трудно, непросто, но обустроивалась, рождались и подрастали дети. Архивы сохранили дату появления первой школы в Раздольном – 1899 год. Располагалась она в деревянном здании, двухклассная, то есть пяти-шести лет обучения, тесная, зато тёплая и светлая. Первая учительница – Анастасия Скворцова. Родители на тесноту постоянно жаловались. Наконец сельское общество приняло решение: возвести здание школы каменное и просторное. Деньги на строительство – 15 тысяч рублей – частично выделило общество, выделил в счёт арендной платы купец Иннокентий Пьянков, и 4 тысячи поступило от казны.

22 октября 1907 года в селе состоялось торжественное освящение новой каменной школы. В торжестве приняли участие чины гражданской и военной властей, почётные гости с жёнами, представители крестьянского общества, духовенство: настоятель отец Сергей (Данилов), протоиерей отец П. Мичурин, священники отец И. Рязановский, отец П. Богородицкий, отец И. Фалилеев и другие. После богослужения гости были приглашены к трапезе.

Рассчитанная на 100 учащихся, школа приняла в первый год 53 мальчика и 32 девочки, ученики внешним видом производят хорошее впечатление, отвечают весело, бойко, уверенно. В 1906–1908 годах в старшем классе с 43 учениками преподавал выпускник Иркутской духовной семинарии Алексей Иннокентьевич Преловский. От казны получал жалование 720 рублей в год, от общества имел квартиру с отоплением и освещением. В младшем – с 42 учащимися – работала выпускница Читинского женского епархиального училища Анна Варлаамовна Преловская (600 рублей жалования и предоставляемая квартира). Исследователи упоминают и других учителей школы – Л. Лепёхину, М. Радишевскую, И. Теслюк. Очевидно, они преподавали чуть позднее. Отношение к учителям со стороны крестьян носило характер почтительный, детей в школу отправляли почти все родители.

Школа располагала отличной библиотекой в 500 томов, выписывалось четыре детских журнала. Школьный коллектив дружил с военным гарнизоном. Мальчикам давалась начальная военная подготовка, которую осенью 1909 года проводил на добровольных началах подпоручик 1-го Восточно-Сибирского стрелкового полка Шапиловский с согласия заведующего школой отца Сергея. 2 мая 1910 года начальник гарнизона полковник Квецинский делал смотр ученикам школы: мальчики браво маршировали под заливчатские песни «Было дело под Полтавой» и «Вспомним, братцы, как стояли мы на Шипке в облаках».

Н.Л.Гондатти, последний Приамурский генерал-губернатор, ранее заведующий переселенческим управлением.

Фото из архива музея ДВЖД. г. Хабаровск

В ведомости о положении школьного дела в Посыетском крестьянском участке за 1909 год сохранилось сообщение о второй школе. В Раздольном было 94 двора, детей школьного возраста 134. Двухклассная церковноприходская школа, находящаяся в ведении Епархиального училищного совета, открылась в 1901 году и содержалась на средства общества. В ней обучались 62 мальчика и 37 девочек, работали четыре учителя. Спустя 13 лет в Раздольном вновь торжество – открылась одноклассная образцовая церковно-приходская школа, где учителем

служил С. Кудинов. При этом отметим, что к 1911 году Раздольное стало учебным центром. Здесь находилось Владивостокское отделение Епархиального училищного совета, председатель – благочинный первого округа отец Сергей Данилов. В совет входили: уездный наблюдатель церковных школ отец Григорий Ваулин, благочинные близлежащих округов отец Андрей Рождественский и отец Елеферий Суражкевич, священники – архимандрит Аверкий, отец Стефан Неженцев, отец Пётр Алейников, отец Иоанн Рязанский, отец Владимир Давыдов, отец Иоанн Шалин, отец Николай Александровский; крестьянский начальник Посъетского участка Владимир Николаевич Репин, крестьянский начальник Сучанского участка Александр Эмильевич Гинс, владивостокский купец Жариков и многие другие.

В прошлом христианский долг служения Богу был немислим без церковных ритуалов. Для наших предков возведение часовен, миниатюрных церквей, приходов, храмов было естественным, как дыхание. С храмом верующих связывало очень многое: в церкви каждый встречался с Богом в минуты скорби и радости, здесь получали благословение на брак, крестили младенцев, молились о болящих, немощных, странствующих, ушедших в иные пределы. В Раздольном в 1866 году, когда и жителей малость, а все силы уходят на распашку земель и своё обустройство, в селе между тем строится небольшая церковка, освящённая в честь Казанской иконы Божией Матери, покровительницы русского воинства. Поставили её селяне за свой счёт, потратив на строительство 3000 рублей. Через 20 лет был заложен достаточно просторный деревянный храм, но под его фундаментом оказался родник, храм вскоре пришлось перенести на другое место. Долгое время это была единственная церковь на всю обширную волость, верующие шли пешком, добирались на лошадях с Угловой, из Кневичей, Кролевца, из других отдалённых территорий волости. В 1891 году для несения службы в храме назначается священник Иоанн Логинов.

В начале XX века храм уже не вмещал всех верующих. И тогда, как писал настоятель Свято-Покровского храма Никольска-Уссурийского игумен Иннокентий, «заботами священника С. Данилова и усердием его прихожан» был заложен новый – 26 июля 1906 года. На другой день архиепископ Владивостокский и Камчатский Евсевий совершил литургию, которая сопровождалась песнопением церковного хора, регентовал учитель Преловский. Строительство велось два года, 4 июля 1908 года храм освятил архиепископ Евсевий в честь Казанской иконы Божией Матери. Храм деревянный, но зато «весьма обширный и благолепный, внутри и снаружи выкрашен масляной краской, иконостас вызолочен, пол покрыт метлахской плиткой». Постройка обошлась в 24 тысячи рублей общественных средств. В годы советской власти церковь разрушили. Со слов старожилов, купол и колокола были сброшены в 30-х годах прошлого века, окончательно здание разрушили в начале 1960-х.

Каменный храм на средства военных заложили в 1914 году в другом конце села, освящён он в 1916 году, и вновь в честь Казанской иконы Божией Матери. Этот Дом Божий каким-то чудом сохранился до наших дней. Он и сегодня действующий. Но сколько ему довелось пережить! Не разрушили в годы воинствующего атеизма – передали под школу, затем использовали как артиллерийский склад, а с 1984 года – в качестве гарнизонного клуба. В 1997 году храм возвращён Владивостокской епархии. Годом позже на территории, прилегающей к храму, епископ Владивостокский и Приморский Вениамин благословил создать женский монастырь во имя иконы Казанской Божией Матери, поскольку несколько построек расформированной воинской части были переданы под охрану монастыря. Но юридически они продолжали принадлежать Министерству обороны. Бывший штаб монахини оборудовали как административное помещение, разместили сестринские кельи. В 2001 году открыли домовый храм, где совершали молебны и богослужения. Монастырь стал местом духовной надежды для многих людей – селян Раздольного и Алексеевки и тех, кто потерял себя в социуме: вернувшихся из мест заключения, без определенного места жительства. Много сил уходило на ремонтные и восстановительные работы, содержали огороды. В марте 2007 года после проведённого аукциона

(монастырь в нём участия не принимал) владельцем строений стал новый хозяин, потребовавший освободить помещения. 17 апреля около ста человек провели пикет в защиту обители. Шли дни, становилось понятно, что монахини окажутся на улице, а здания разберут по кирпичику. А ведь монастырь – не только стены, это обитель верующих, которые пришли под монастырскими сводами исполнять волю Божию. Мне кажется, в жизни каждого из нас может пробить час, когда вопрос «Если не я, то кто?» становится по большому счёту вопросом чести и достоинства. И я принял решение: выкупить строения у владельца и безвозмездно передать женскому монастырю.

Раздольное, храм Казанской иконы Божией Матери, построен и освящен в 1916 г.

*Передача храма Казанской иконы Божией Матери в дар Владивостокской епархии.
2007 г.*

Глава 5

игольные ноли Тавричанки

Каменный уголь в Приморском крае стали искать практически сразу после выставления постов Посъет и Владивосток – военные суда нуждались в топливе. Обнаруженные в 1859 году залежи угля в бухте Новгородской тут же начали разрабатываться. Но в больших объёмах уголь в Приморье стали добывать именно в районе нынешней Тавричанки. Открытие первых месторождений относится к марту 1861 года, когда адъютант генерал-губернатора Муравьёва-Амурского майор Николай Николаевич Хитрово обнаружил на полуострове Речном несколько мест выхода угля на поверхность. Военный инженер Владимир Алексеевич Бельцов, проверив сведения, нашёл, что уголь хорошего качества, но добывать его чрезвычайно трудно – пласт вплотную подходил к обрывистому берегу.

Лейтенант Евгений Бурачек, начальник поста Владивосток, сразу по вступлении в должность вместе с подпоручиком Бельцовым осмотрел местность Хунчылаза (часть современной Тавричанки). В начале января 1862 года он отправился туда вместе с начальником поста Посъет капитаном Иваном Францевичем Черкавским, штейгером (мастером по рудничным работам) и командой из семи солдат. На месте исследователей ждало разочарование: уголь шёл пополам с землёй. Бурачек ещё раз взял пробы и приказал заложить наклонную штольню. В феврале мастера продвинулись на 17 саженей вглубь, сумели добыть около 25 тысяч пудов – и проходка обвалилась. Деятельный Бурачек намеревался устанавливать вентиляторы и лампы, чтобы сделать процесс безопаснее, использовать на нижней площадке лошадей. Однако уголь, вынутый ранее на поверхность крупными кусками, рассыпался в порошок. Эксперименты на время прекратили.

Разведки каменного угля продолжались. В 1867 году капитан-лейтенант Александр Адольфович Этолин, помощник капитана над портами Восточного океана, нашёл уголь хорошего качества на том же полуострове Речном – на левом берегу Амурского залива «близ почтового поста Речной». В следующем 1868 году начались разработки. Уголь отгружали во Владивосток, засыпали в бункеры паровой шхуны «Алеут», выполняющей сторожевые функции по охране границы, и других проходящих судов. Выработки шли трудно, осложнялись подземными водами, отсутствием техники. Топлива требовалось всё больше: увеличилась эскадра судов, углём снабжались гражданские пароходы. Назрела необходимость ряда экспедиций по разведке новых пластов. Александр Этолин справедливо доказывал: угля здесь много, и объём его реально может быть высоким, надо только механизировать рудничные работы. Казалось бы – нашли уголь, и быть рядом с рудником посёлку. Но очертания крестьянского поселения прорисовывались гораздо позже. В первые годы стояли один-два барака, где жили горняки – солдаты и матросы. Рабочей силы не хватало, нанимали китайцев, корейцев, нередко привозили из поста Владивосток ссыльных, очевидно, после отбытия каторжных работ. Настоящих, постоянных шахтёров не было, да и откуда им взяться в недавно обрётённом краю, так что опирались на вахтовый метод. Видимо поэтому в архивах отсутствуют сведения об административно зафиксированном населённом пункте в окрестностях рудника.

Горно-технические условия Тавричанского месторождения были сложные. Глубина залегающего угля – от трёх до 380 метров. В примитивных условиях – уголь добывали кайлом да лопатой – разработка не имела шансов на успех. Работы в Речном длились с 1868 по 1870 годы и были прекращены из-за большого притока воды. Жители Тавричанки закрепили 1868 год – как год основания посёлка, выделив эту дату на памятной стеле.

Поисками угля после 1870 года несколько лет не занимались. Суда заправлялись в Японии. Потребности населения удовлетворялись за счёт небольших разработок на мысе Песча-

ном, где с 1881 года вёл разработку и добычу угля купец Фёдоров, и на северном берегу Амурского залива.

В 1884 году во Владивостоке создаётся Общество изучения Амурского края для того, чтобы «изучить местную страну как арену деятельности местного населения». С этой целью в 1887 году один из основателей Общества Василий Петрович Маргаритов, чиновник по особым поручениям при Приамурском генерал-губернаторстве, снаряжает экспедицию в район Партизанска по изучению выхода каменного угля. Сучанское месторождение на долгие годы становится приоритетным в разработке.

Российское правительство ставило задачу найти в крае такие месторождения, которые бы обеспечили углём тихоокеанскую эскадру. В результате активного проведения разведочных работ в 1888–1894 годах были вскрыты почти все угленосные площади. В посёлке Тавричанка возобновились работы в 1890 году, когда начало действовать углепромышленное предприятие. Особенно активизировались изыскания в связи с прокладкой Транссибирской железной дороги. В 1897 году канцелярия выдала более 10 свидетельств на разведку каменного угля. Строительство Уссурийской железной дороги тоже подвигло разведчиков угля к выявлению многочисленных природных обнажений. Залежи угля на Речном, сообщил Приамурскому генерал-губернатору Духовскому 5 октября 1898 года горный инженер Константин Евгеньевич Пфаффиус, «заявлены владивостокским нотариусом Адамсом». В первом десятилетии XX века горные инженеры, среди них широко известный Дмитрий Львович Иванов, определяют окончательно: да, абсолютно вся Тавричанка с пашнями, домами, сенокосами «сидит» на угле.

И, помимо экспедиций за счёт казны, сюда пошёл частный предприниматель.

Вскоре заработали два смежных рудника: Александровский немецкого купца Адольфа Васильевича Даттана, открытый в 1896 году, и рудник американского подданного Кларксона, действующий с 1900 года и названный им в 1902 году Новой Надеждой. Годом позже Кларксон уговорил Даттана переуступить ему Александровский рудник. У Кларксона имелся и кирпичный завод, работающий на местной глине такого качества, что добавления песка не требовалось. В крае были знаменит этот красный кирпич со штампом «Кларксон и Ко». В 1909 году предприятия за долги переходят к Александру Старцеву, сыну Алексея Дмитриевича Старцева, купца первой гильдии, промышленника. (В конце XIX века Старцев частично арендовал остров Путятин в заливе Петра Великого, построил кирпичный и фарфоровый заводы, развёл племенные стада пятнистых оленей и крупного рогатого скота, открыл конный завод.)

Новый хозяин в 1910 году взял подряд от военного ведомства на поставку 36 миллионов штук кирпича для острова Русский. Александр Старцев старые печи ликвидировал и смонтировал другие, с нагревом углём. При этом в сборнике «Обзор Приморской области за 1914 год» указывается уже другой владелец: копи Новая Надежда – в управлении дворянкой М.Б. Олдаковской. К тому времени здесь действовали два рудника, 13 шахт и штолен плюс кирпичное производство. Стала применяться техника: паровые насосы для водоотлива, паровые лебёдки-подъёмники. Уголь пошёл на-гора. К 1914 году мощно заявили о себе Зыбунные копи Леонтия Семёновича Скидельского (ныне город Артём – Прим. Ред.). Оборотистый предприниматель не жалел денег на механизацию, и его шахты вскоре заняли лидирующее и монопольное положение. В одном источнике указывается, что добывалось 165 тысяч тонн угля в год, но это очень большая цифра, могу ответственно подтвердить как выпускник горного факультета ДВПИ и горняк, имеющий несколько лет практического стажа работы в шахте. Пожалуй, более точную цифру даёт артемовский краевед Юрий Тарасов: 15130 тонн за весь 1914 год. На шахтах Скидельского активно наращивались темпы добычи (в 1915 году показатели предыдущего года были перекрыты в шесть раз), но и там к 1917 году было выдано чуть более 133568 тонн угля.

В 1996 году в Тавричанку прибыли иностранные туристы – поездом по железнодорожной ветке, когда-то протянутой от станции Надеждинская. Пожилой представительный американец интересовался историей, деревенским бытом, оказалось, его предки до революции разви-

вали здесь угольное дело. В другой раз, 29 июня 1998 года на станции Надеждинская остановился поезд из двух вагонов, которые тянул настоящий паровоз (шёл и второй, запасной, – на всякий случай). Свежевыкрашенный паровоз дышал, как живой мамонт, пыхтел парами, пока пассажиры – путешествующие американцы, англичане, немцы – прогуливались, снимая при вокзальные окрестности. Но в Тавричанку не попали: железнодорожная станция Тавричанка после февраля 1997 года закрылась. Возможно, в тех делегациях были потомки Кларксона, Даттана или других известных в конце XIX века на Дальнем Востоке углеработчиков.

Тавричанка

Первое упоминание о Тавричанке даёт статистика 1902 года: Приморское переселенческое управление отвело под селение Таврическое 4201 десятину земли, из расчёта на 230 душ. Уже поселились 60 мужчин и 37 женщин из 15 семей. Правомерно предположить, что среди них были рыбаки, выехавшие из Таврической губернии Мариупольского уезда села Кириллова. Приехали с целым вагоном своих снастей, но ячеи сетей оказались другого калибра, что весьма осложняло ситуацию, ведь намерений заниматься сельским хозяйством у них не было. Они составили группу первых переселенцев. По воспоминаниям старожила Тавричанки шахтёра Ерёмкина, в 1902 году из Таврии прибыли и поселились на мысе Речном восемь семей: Милай, Наливайко, Погибель, Мазигло, Стародубец, Цапович и две семьи Диденко. Своё местечко называли не иначе как «Мысовая». Их постигло несчастье – в первый год на Мысовую напали хунхузы. Милай был смертельно ранен, насмерть перепуганные переселенцы бежали на другое место (район современных улиц Интернациональная и Тавричанская).

В архивных документах прослеживаются некоторые из этих фамилий. Так, в 1899 году на Угловой появилась семья Диденко. Упоминается Михаил Диденко, богатый крестьянин, в начале 1920-х годов имевший маслобойный заводик. У него было два сына, Владимир и Поликарп. По метрическим церковным книгам Чичаговской Святого Николая церкви за 1911 год высвечиваются сразу шесть фамилий крестьян. Афанасий Никифорович и Мария Викторовна Диденко регистрировали рождённую 4 апреля 1911 года дочь Матрону. Тимофей Фёдорович и Мария Дионисиевна Чубко крестили в Чичаговской церкви родившуюся 7 июня дочь Феодору. Крёстными её были крестьяне деревни Таврической Кирилл Давидович Завертан и крестьянка Пелагея Павловна Ленчевская. Василий Самуилович и Федора Фёдоровна Влас крестили родившуюся 1 мая дочку Пелагею. Позже появляются другие сообщения: у первопоселенца Гаврилы Степановича Наливайко сын Николай Гаврилович работает механизатором в зверосовхозе «Тавричанский». (В Приложении № 2 в конце книги дан список одних из первых жителей Тавричанки, в разные годы причисленных к обществу. Возможно, кто-то заинтересуется схожими фамилиями или родовыми корнями.)

На Мысовой уже жили 10 семей из Эстляндии (Эстонии), когда в 1906 году сюда переселились 26 семей молдаван. В непривычном для себя климате молдаване долго в Тавричанке не продержались – уехали на другой год, побросав всё, что успели нажить. Новым переселенцам достались их хаты-мазанки. Поселение к тому времени именовалось Третьяковкой.

Таврическое, Мысовая, Третьяковка – почему-то каждая группа новосёлов первым делом меняла прежнее название. Отчего не протестовало сельское общество, и не возражал сельский староста? Видимо, называя местечко по-своему, переселенцы замыкали себя в некоторый круг «посвящённых», обособливаясь от других. Однако по архивным данным фигурируют только два топонима сходного звучания: Таврическое и с 1912 года – Тавричанка.

Рядом с Тавричанкой рос и развивался населённый пункт Дубки. В 1891 году владивостокский купец Константин Николаевич Шулыгин купил здесь участок земли под заимку. А потом, видимо, замыслил солидное предприятие – канатный завод. Разметил, где будут цеха, дома для рабочих, пашни под сельскохозяйственные культуры. Когда завод заработал, из Владивостока на катере приехали любопытствующие горожане. И поразились. Прежде их сразил прядильный цех – длиной почти в полверсты. Завораживал и процесс: по круглой арене ритмично двигались лошади и плели толстенные канаты. Рядом цеха по производству другой продукции. Ассортимент её – от мощных швартовов до шнурков, и всё на местной пеньке (волокно из конопли). То, что предприятие прибыльное, показал уже следующий год: выдав продукции на 60 тысяч рублей, производство сразу окупилось. Шулыгин, купец 2-й гильдии, вскоре стал рангом выше, 1-й гильдии. С этого он тоже решил получить свой доход. Обосновав, что его

тросы и канаты не уступают по качеству знаменитым манильским, подал в 1896 году прошение генерал-губернатору Духовскому, чтобы министр финансов дал ему отсрочку платежей на шесть лет. Из Санкт-Петербурга пришёл ответ: освободить купца от пошлин на три года. Константин Шулынгин скончался в 1901 году, а завод ещё долго работал.

В 1910 году в Тавричанке числился 131 житель на 33 крестьянских двора. Через два года в деревне – 50 дворов, 207 жителей. Сельским хозяйством на наделах общества тавричанских крестьян занимались корейцы.

Условия традиционные: половина урожая работникам, половина – хозяевам участков. Предприниматель Радаев, владеющий заимкой в шести верстах от деревни, за речкой Давыдовкой, также сдавал корейцам землю в аренду. В районе Тавричанки насчитывалось около 67 фанз, каждая корейская семья состояла из пяти-семи человек, а то и больше. Получается, что корейского населения было раза в два больше новосёлов. За отопление своих фанз корейцы ежегодно выплачивали обществу 665 рублей. Поступали в общество средства от владельцев бакалейной лавки и винного погребка, так, хозяин погребка перечислял 300 рублей в год. А всего ежегодный доход общества, по состоянию на 1911 год, составлял 2003 рубля.

В Тавричанке, как в любом развитом населённом пункте Приморья, была к тому времени одноклассная школа (два года обучения) – деревянный рубленый дом. Типовое здание школы появилось в 1909 году. Старожил Ерёмин помнил и первую учительницу, Ольгу Сергеевну Терещенко, в 1913 году на смену ей пришёл преподаватель с полным педагогическим образованием Артамон Викторович Погибко.

Ещё один небезынтересный факт. Рядом с Тавричанкой (в 12 верстах³⁹) находился казацкий посёлок Чичаговский. Значит, казаки, прежде чем обосновались прямо напротив станции Надеждинская, несколько раз меняли место проживания. Впрочем, вполне возможно, это был хутор одноимённого названия.

До революции Тавричанка могла служить образцом интернационального селения: здесь проживали татары, башкиры, чуваша, казахи. От былой обособленности землячеств остались сегодня лишь кладбища: мусульманское и отдельно, через дорогу, православное. Сабантуй, народный весенний праздник по завершении полевых работ (у татар, башкир и других тюркских народов) каждый год собирает всех – мусульман и православных – вместе.

³⁹ Около 13 километров.

Глава 6

Городочное

Село Городечное (первоначально Городечня) образовано в 1884 году переселенцами из Черниговской губернии. Место для поселения выбирали сами ходоки. По существующим тогда правилам, прибывающие в Приморье переселенцы до трёх недель могли проживать на переселенческих пунктах. За это время старшие в семье или выборные от общества должны были подыскать земельные участки для будущего селения. Черниговцам приглянулась территория недалеко от села Раздольного, в двух верстах от реки Суйфун. В 1887 году сельскому обществу Городечни в законном порядке был отведён земельный участок на 12 семей. Мужики первым делом принялись за землянки, чтобы хоть как-то обустроиться, и уже потом всем обществом возводили бараки. Переселенческое управление снабдило жителей хозяйственным инвентарём. При государственной поддержке новосёлы закупили в Никольске-Уссурийском скот. Главным занятием крестьян стало земледелие, заготавливали также сено на продажу, занимались лесным промыслом.

Постоянная угроза наводнений заставила поселенцев спустя два-три года перебраться на возвышенность, где и находится сейчас современное село. Ситуация типичная для того времени: прежде чем окончательно осесть, переселенцы не раз меняли место проживания. Благо, им это не запрещалось.

Согласно историческим данным, черниговцы добирались парходом из Одессы, собственно говоря, с них и начиналось переселение морским путём на судах Добровольного флота. На разведку отправлялись мужским составом, без семей, родня трогалась в путь позже, получив весточку – от мужа, брата, отца. Украинцы отличались особой решительностью,веряясь судьбе. Динамика переселенческого движения с Украины просто поражает: на втором этапе, когда открылось парходное сообщение, доля украинцев в общем потоке переселенцев составила почти 66 %, на третьем ещё больше – 75,5 %. Впоследствии, в 1931–1933 годах, власти предприняли эксперимент, «украинизируя» места компактного проживания: Калининский (Дальнереченский), Спасский, Черниговский, Ханкайский районы, где украинское население составляло свыше 50 %, преобразовали в национальные районы. Всё делопроизводство и система образования переводились на украинский язык, стали издаваться краевая и районные украиноязычные газеты (впрочем, первые украинские газеты появились раньше, так, «Украинец на Зелёном Клину» выходил с 30 апреля 1917 года). Ивановский, Михайловский, Шмаковский и Яковлевский районы, где украинцы составляли треть населения, украинизировались частично. То есть наряду с русским, в учреждениях использовался украинский язык. Работало свыше 700 украинских школ, в Спасске открылся украинский педагогический техникум, был организован краевой украинский театр. В 1933 году политику украинизации свернули, что, впрочем, не повлияло на становление украинской диаспоры в Приморье.

В наше время также отмечается активная миграция с Украины. В Приморском крае с 2007 года осуществляется программа «Об оказании содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом». Сначала в программу входили шесть муниципальных образований, теперь – 16. Среди переселенцев немало украинцев.

Освоение морского пути – интересная страница переселенческого движения. Фёдор Буссе, принятый в Главное управление Восточной Сибири чиновником, в 1882 году в Приморскую область направляется начальником Переселенческого управления. Наделённый новыми полномочиями, Фёдор Фёдорович с семнадцатью ходоками выходит в кругосветное плавание из Одессы 15 августа 1882 года на пароходе «Нижний Новгород». Плавание длилось два месяца

и девять дней, превысив ходовой график на 12 дней – судно пришвартовалось в бухте Золотой Рог 24 октября. Такая задержка в пути оборачивается для переселенцев новыми трудностями, напишет Буссе в письменном протесте, отправив бумагу в управление Добровольного флота. Действительно, в Приморье к тому времени местами выпал снег, начались заморозки. Фёдор Фёдорович велел переодеть мужиков в тёплую одежду. И только в начале ноября смог отправить ходоков на шхуне «Ермак» к устью реки Суйфун.

Фёдор Буссе более 10 лет занимался вопросами заселения Южно-Уссурийского края, главной его задачей была организация и осуществление переселения морским путём. Удалившись со службы, Буссе всецело посвятил своё время систематизации и изложению обширного материала, который воплотился в фундаментальный труд «Переселение крестьян морем в Южно-Уссурийский край 1883–1893 гг.», удостоенный Большой золотой Константиновской медали Русского географического общества.

С весны 1883 года открылась регулярная переселенческая навигация. 4 марта из Одессы, приняв на борт 126 семей, отчалил пароход «Россия». В списке пассажиров – 794 человека: 94 семьи Черниговского уезда, 30 семей

Сосницкого уезда и 2 семьи Суражского. «Россия» благополучно прибыла во Владивосток 13 апреля. Следом 10 марта курс на Владивосток взял пароход «Санкт-Петербург», прибыв к месту назначения 20 апреля. На борту находились 128 крестьянских семей: 125 семей из Суражского уезда и три семьи из Мглинского. Среди крестьян Суражского уезда Черниговской губернии были жители села Городечни Петро-Будинской волости (ныне Красногорский район Брянской области) – 45 семей. (В Приложении № 3 в конце книги приводятся все 45 фамилий переселенцев Городечни).

По сравнению с сухопутной дорогой в два года, морской путь сулил меньше мытарств. Однако трудностей хватало. Едва успел Фёдор Буссе отправить к месту поселения – на реку Майхе⁴⁰ – 182 человека, как на «России» вспыхнула эпидемия оспы. (Учитывая, что в большинстве своём переселенцы с Городечни прибыли на «Санкт-Петербурге», страшное испытание обошло их стороной.) Следующие две партии крестьян к отправке из Одессы были сформированы лишь 24 мая и 13 июня. Ко всему прочему, в Раздольном, куда Фёдор Фёдорович заблаговременно направил из Хабаровки скот местной породы, внутри стада началась чума.

Сухопутные дороги земляков разошлись, едва они покинули пароход. Ходоки, делегированные от 24 семей (127 человек), выбрали место для поселения на реке Монгугай и основали там деревню. С названием особо не мудрили, раз селение Попова Гора осталось на родине, в Петро-Будинской волости, повториться ему в новых краях! Другие 18 семей (94 человека) подались севернее и основали деревню Раковку. Что касается Городечни, то архив сохранил девять фамилий глав семей: Сергей Байдак, Егор Бравок Сидор Иванушко, Иван Иванушко, Георгий Поддубный, Яков Поддубный, Алексей Петечка, Антон Тупица, Иван Шкурат – и общее количество с ними прибывших: 27 мужчин и 18 женщин.

В дальнейшем к обществу причислялись не только крестьяне, но и отслужившие свой срок солдаты. Газета «Владивосток» 18 декабря 1893 года сообщала, в частности, об отставных нижних чинах, пожелавших остаться на постоянное жительство в Городечне. Селились бывшие каторжане, в том числе с острова Сахалин, так, например, сохранилась справка на ссыльнокаторжного по фамилии Мустафинов. Татарин Мустафинов Исян-бай Калимулла получил удостоверение об освобождении 24 января 1896 года. В справке указывается, что он – ссыльный села Усково Тымовского окружного полицейского управления, занимался сельским хозяйством и после освобождения не имеет препятствий для выезда в Приморскую область. По заведённому порядку для приписки новых жителей собирался сельский сход. Общественным приговором от 21 июля 1898 года 42-летний Мустафинов единогласно был принят в члены

⁴⁰ С 1972 года – река Артёмовка.

общества. Приговор, как положено, подписан крестьянами Городечни – членами общества. Среди них встречаются как знакомые фамилии, так и изменённые, путаница, видимо, возникла из-за невнимательности писарей канцелярии. Таким образом, сын Сыся Тёточки стал Иваном Тёточкиным, а Красной – Красновым. За неграмотных, по их личной просьбе, и за себя расписались крестьяне Иван Иванушко и Кирилл Базыль. Приговор заверен сельским старостой Городечни Владимиром Ладынским.

При отводе земли плана селения не существовало, что повлекло за собой неравномерность в распределении участков под усадьбы. С укрупнением деревни стала ощущаться нехватка земель под пашни и сенокосы. Дело дошло до суда: в 1898 году сельское общество возбудило тяжбу с лесничеством о дополнительной прирезке земель. Судебное разбирательство длилось почти полтора десятилетия. В 1902 году в деревне насчитывалось 30 дворов, где проживало 47 семей - 120 мужчин и 90 женщин. Статистические данные 1911 года фиксируют рост населения: на 36 дворов – 212 душ обоего пола.

Обработкой земли занимались, как правило, сами крестьяне. Однако работали по найму и корейцы, не имеющие своей земли и проживающие на деревенском наделе. Возле Городечни находилось около 15 фанз. Распаханные поля в аренду корейцам не предлагали. Сдавали целинные земли, причём на своих условиях: первый год целину поднял, распахал, засеял – пользуйся второй год. А вот на третий – передай участок хозяину. Поля засеивали в основном зерновыми: культивировали пшеницу, ярицу (яровую рожь), просо, ячмень, овёс. Немного сеяли чумизы, пайзы – скорее всего, корейцы приучили. Гречиху для обмолота везли в Никольск-Уссурийский. Самые большие в Раздольненской волости гречишные поля были, кстати, в Городечне и соседней Тереховке. В деревне имелись ренсковый погреб (магазин, торгующий виноградными винами), откуда обществу шёл приличный доход – 350 рублей в год, и небольшая бакалейная лавка. По живности деревня тоже была небедной: 153 лошади, 40 голов крупного рогатого скота, 335 штук домашней птицы.

И. Иванушко, уроженец с. Городечны 1904 г. Снимок 1940-х гг.

В 1908 году жители на собственные средства, собрав около 1500 рублей, построили часовню. Многие сами трудились над её возведением. В этом же году, правда, с дотацией от государственной казны, была выстроена церковно-приходская школа. Первым учителем, преподававшим естественные науки и Закон Божий, стал Наум Савич Павленко. Школа, где обучались 25 мальчиков и 23 девочки, содержалась на средства крестьян, ежегодный взнос составлял 335 рублей.

По переписи населения 1915 года в Городечне – 39 дворов, 158 мужчин и 148 женщин. Крепкое, красивое было село.

В 2014 году Городечному исполнится 130 лет. Здесь по-прежнему звучат фамилии: Ладынские, Иванушко, Тёточкины, Базыли, ставшие символом неистребимого потенциала первопроходцев.

Глава 7 Терешка

Сенатский указ «О правилах для поселения русских и иностранцев в Амурской и Приморской областях Восточной Сибири» 1861 года предоставлял возможность всем желающим русским и иностранцам селиться, получать во временное пользование свободные участки казённой земли или покупать землю в полную собственность по цене три рубля серебром за десятину. В середине 1880-х годов переселенцы, пользуясь правом свободного выбора, не раз и не два меняли места для обустройства. И теперь остаётся только гадать, почему, например, большинство прибывших с Черниговщины остались в облюбованном месте, обустроивая Городечное, а несколько семей во главе с Купцовым и Герасименко двинулись дальше? И остановились там, где суждено было возникнуть Тереховке.

Тереховка была образована в 1887 году. Согласно обследованию селений старожилов-стодесятильников, проведённому в начале XX века, часть ходоков выбрала в тот год удобное место на правом берегу Суйфуна, недалеко от так называемых Суйфунских Щёк (остатки древнего вулкана вблизи нынешней железнодорожной станции Барановский). Однако архивные материалы показывают, что основатели Тереховки появились в Южно-Уссурийском крае несколько раньше 1887 года. Некоторые крестьяне по принципу «лучшее ждёт впереди» двигались из селения в селение. Были они или из разных, или из одних и тех же уездов, волостей и сёл Черниговской области. Поэтому и встречаются одинаковые имена и фамилии среди переселенцев и деревни Попова

Гора (основана в 1883 году), и деревни Городечня (1884 год), и деревни Нежино (1885 год), и самой Черниговки (1886 год). В архивах имена основателей Тереховки упоминаются и среди тех, кто начинал отстраивать Попову Гору. Так, Дмитрий Данилович Иванушко и Фёдор Иванович Суржик, прежде чем появиться в Тереховке, не менее четырёх лет жили в Поповой Горе. Что касается Иванушко, носителей этой фамилии найдёшь везде – в райцентре, посёлке Новом, в Кипарисово. Среди тереховцев, которые покинули Городечное, отмечены Бохан Захар Давыдович, Бохан Яков, Купец Евстафий Ильич, Купец Савва, Герасименко Иван Николаевич, Климанский Архип Григорьевич. Все они уроженцы Суражского уезда Петро-Будинской волости села Городечня. В Тереховку переехали в 1887–1888 годах. Две семьи – Зенченко Ивана Фёдоровича и Самойленко Григория Руфовича – из казаков Нежинского уезда, прибыли в 1889 году с весенней партией переселенцев. С ними направлялось семейство Шкуратов – Иван Евсеевич, Игнат Иванович, Прокопий Иванович и Платон. По данным Российского государственного исторического архива, Шкурат Иван Евсеевич и и Базыль Дмитрий прибыли во Владивосток в 1885 году в конце апреля пароходом Добровольного флота, поселились в Тереховке в 1887 году.

Многих черниговцев с родных мест гнала нужда и малоземелье, невозможность завести собственный участок после отмены крепостного права из-за кабальных выкупных платежей. И, получив весточки с далёкой окраины с восторгом – о землях, девственной природе, о богатых рыбой реках и чашах с изобилием зверья, поднимались в дальнюю дорогу и родня, и соседи. Молва среди крестьян о дальневосточных чудесах распространялась стремительно. Историк Амир Хисамутдинов в своих исследованиях приводит факт из периодики 1883 года: «Многие крестьяне, несмотря на то что Гомельский уезд далеко не бедный и большинство крестьян в нём, сравнительно с крестьянами других уездов губернии, отличаются зажиточностью, являются в уездное полицейское и волостное правление с целью узнать, при каких условиях они могут переселяться, предполагая в Уссурийском крае чуть ли не обетованную землю». Необы-

чайная активность черниговских крестьян позволила в 1884 году снарядить партию переселенцев за их собственные средства наряду с теми, кто ехал за счёт государственной казны.

Четверть века спустя после основания Тереховки, в 1911 году, чиновники статуправления сообщали, что «в деревню можно проехать только на лодке или бродом, лежащим в расстоянии 4 версты от селения. До станции Раздольной идёт просёлочная дорога на протяжении 13 вёрст, по тракту – в 26 верстах». В 1915 году известный в то время краевед Александр Зиновьевич Фёдоров, преподаватель Никольск-Уссурийской гимназии, исследуя остатки средневековых строений, посетил и Тереховку. В его дневниковых записях остались весьма лестные сведения: крепкое и аккуратное селение с ровными вокруг усадеб заборами. Из старожилов он беседовал с Иваном Зенченко, который особо гордился тем, что приехал и обосновался за свой счёт. Таких, как Иван Зенченко или Григорий Самойленко, в Тереховке было большинство. Действительно, крестьяне сюда съехались как на подбор зажиточные.

Место для жительства меняли одно за другим, изнедав капризы приморской погоды с высокими паводками и наводнениями. И, наконец, определились в начале лета. К зиме выстроили добротные деревянные хаты.

В характеристике селения начала XX века сообщалось: в первый год (1887) поселились 11 семей. Занятые ими земельные наделы в количестве 1105 десятин через год были законно размежёваны землемером Переселенческого управления. Каждой семье полагалось на обзаведение по быку, 75 рублей на приобретение коровы плюс хозяйственный инвентарь.

Тереховка отличалась от других селений малым притоком новосёллов, но и отток жителей был малочисленным, село развивалось как стабильное крестьянское общество. По результатам обследования за 1902 год, в Тереховке 16 дворов, 19 семей. На всех – 35 телег, 48 саней, 43 бороны и 16 плугов; 143 головы крупнорогатого скота (почти девять голов на двор!), 99 лошадей, 10 колодок пчёл. Из пришлых в деревне – два отставных чина. Фамилия одного известна – запасной унтер-офицер Андрей Тарасович Ковердяев, из крестьян села Дегтярного Еглдаевской волости Рижского уезда Рязанской губернии. Согласно отношению Приморского областного правления причислен к обществу крестьян Тереховки 3 сентября 1899 года.

По соседству на надельной крестьянской земле имелось порядка 10 корейских фанз. Корейцы жили здесь в качестве наёмных работников, «так как земледелием занимаются сами крестьяне», как констатировали чиновники Переселенческого управления. Среди других селений Тереховка отличалась высоким уровнем хозяйства. При численности населения в два раза меньше других сёл, тереховцы больше всех засевали пшеницы, ржи и гречихи. Пожалуй, конкуренцию по яровым культурам могли составить разве что жители Городечного. При том, что пшеница и ярица (яровая рожь), как показала практика, в Тереховке, в отличие от Красного Яра (соседнего села за хребтом), «никогда не родятся удовлетворительно».

Статистика 1912 года практически не отличается от данных 1902 года. В Тереховке по-прежнему 16 дворов, но число жителей увеличилось на 20 душ, составив 126 человек. Подросли дети, и уже открылась одноклассная школа Министерства народного просвещения...

Так что вплоть до 1922 года Тереховка – самое малочисленное, но и одновременно самое зажиточное селение волости.

1 мая 1930 года здесь был организован колхоз, который так и называли – имени 1 Мая. Первым председателем стал коммунист Иван Купцов. В то же время курс, взятый советской властью на раскулачивание зажиточных крестьян, сказался и на тереховцах. В Амурскую область были высланы Арсентий и Самуил Бохановы, судьба раскулаченного Михаила Иванушко неизвестна. И неважно, что трудились всей большой семьёй от зари до зари, нанимаешь на подённую работу – значит, классовый враг.

История Тереховки – благодатное поле деятельности для будущих исследователей. Здесь, аналогично Городечному, легче проследить преемственность поколений. К тому же Тереховку почти не успел «разбавить» переселенческий элемент советской эпохи. В 2007 году в Приморье

в очередной раз приезжал Виктор Павлович Ломакин, первый секретарь Приморского крайкома КПСС 1969–1984 годов. Журналисты поинтересовались, насколько была успешной переселенческая политика в то время? «К сожалению, результат был мизерным, – отвечал Виктор Павлович. – Каждый год на протяжении 10 лет приезжали 2200 семей из Белоруссии и с Украины. На селе им предоставляли дом или квартиру, выплачивали подъемные на каждого члена семьи. Но закреплялись на месте единицы, примерно 6,5 % от общего числа приезжавших». Чтобы закрепить переселенцев, Ломакин предлагал значительно увеличить льготы и повысить подъемные. Кто знает, сказались ли бы благотворно эти меры, перестройка отодвинула переселенческую политику далеко на задний план российской стратегии развития Дальнего Востока.

Тереховка сохранила фамилии первопоселенцев – Шкураты, Базыли, Иванушко, Ладынские, Приходько, Купцовы. Некоторые фамилии время слегка трансформировало, они стали писаться как Купец, Шкурат, Азьмука (Озмука), Герасименко (Герасименок), Базалий (Базыль), Поддубный (Поддубнов), Тупицин (Тупица).

*Подпоясано лесами
И стоит давным-давно
С красотой и чудесами
Тереховское село...*

Эти строчки принадлежат перу нашей землячки Натальи Купцовой, скорее всего, имеющей прямое отношение к роду Купцовых. Рано ушла из жизни талантливая поэтесса. Свои стихи она читала по-особому, мягким завораживающим голосом, слепая была девушка, а видела сердцем.

Глава 8 Нежино

Переселенцы с Черниговской губернии в 1885 году основали и селение Нежино. Ходокам место понравилось: склон возвышенности в низовьях речки Сандуги⁴¹, плавно переходящих в долину Суйфуна. Благозвучному названию село обязано украинцам. В XVIII–XIX веках Нежин был одним из центров просвещения и науки на Украине. В 1820 году в городке открывается Нежинская гимназия высших наук, близкая по замыслу к Царскосельскому лицее. Из молодых дворян здесь готовили будущих образованных чиновников, учёных мужей, военных. В Нежинской гимназии в 1821–1828 годах учился Николай Гоголь. Здесь состоялась проба пера писателя, ранние опыты, например, сатира «Нечто о Нежине, или Дуракам закон не писан», к сожалению, не сохранились. Выбирая по окончании специальность, Гоголь остановился на юриспруденции – хотел «пресекать неправосудие».

В Приморье у нежинцев жизнь складывалась несладкая. Наскоро рыли котлован под землянку, накрывали хворостом, в таких «жилищах» кучно ютились 18 семей. На второе лето ставили хаты – как на Черниговщине, с соломенными крышами. Лес на строительство выделялся бесплатно из казённых дач. Хозяйственного инвентаря, что привезли с собой, не хватало, так что докупали в Никольске-Уссурийском. Скот брали у торговцев уездной столицы и у корейцев, проживающих в окрестностях. Весной разрабатывали целину, пахали, сеяли. Но 1886 год выдался неурожайным, и 12 семей решительно перебрались на другой участок, названный ими Ново-Нежино. На их место поселились другие 12 семей, такая переселенческая ротация была делом обыденным.

Среди первых жителей фигурирует фамилия Ефима Лепеи, прибывшего с семьёй в 1885 году пароходом «Россия». Позже фамилия стала писаться иначе – Ле-пеев. Среди потомков рода – Алексей Петрович Лепеев, фронтовик, художник, поэт-самородок. Он прожил долгую, честную жизнь, достойную прадедов. В архиве Надеждинского отдела краевого ЗАГСа хранится метрическая книга Нежинской церкви Владивостокского епархиального совета для записи родившихся, браком сочетавшихся и умерших на 1921 год. На страницах этого документа нашлись имена отца Алексея Лепеева – Петра Васильевича – и деда – Василия Евфимиевича⁴².

Елизавета Степановна Левицкая, в девичестве – Штабная, рассказывала, что предки её из Сибири три года на быках добирались до Приморья. Фамилию деда, Михаила Терентьевича Штабного, тоже сохранили страницы той метрической книги. Крепкая натура была и у его сына Степана Михайловича (отца Елизаветы Степановны), которому в 1931 году поручили организацию колхоза «Красный нежинец», одного из первых в районе и крае.

В записях, сделанных в 1921 году, фигурируют имена пусть не первопоселенцев, но тех, кого можно отнести к старожилам села, – это Андрей Яковлевич Копылков, Василий Петрович Ковальчук, Капитон Егорович Ушаков. Добавим в этот список ещё несколько фамилий, сохранившихся в памяти пожилых людей: Качура, Клыковы, Кухтины, Шевцовы, Мелещенко, Чучманский, Рыбальчук, Вернохаев, Лукьяненко, Базалий (первоначально Базыль).

Первопроходцы порой выбирали себе земли и селились самовольно, без решения сельского общества. В европейской части России так называемое «захватное право» существовало до середины XIX века, в Приморье оно свободно применялось вплоть до революции 1917 года. Примечали, естественно, самые плодородные земли и площадью – не меньше ста десятин. В

⁴¹ Сегодня – река Нежинка.

⁴² Имя Ефим является просторечной, народной формы греческого имени Евфимий.

1894 году добрался до Нежина землемер Переселенческого управления, нарезал сельскому обществу 3619 десятин удобной и 381 десятину неудобной земли – участки из расчёта на 36 семей. Без плана селения такая нарезка привела в будущем к конфликтам, когда стали прибывать новосёлы. И сказать, что 40 семей переселенцев в 1903 году ощутили явный недостаток земельных угодий, значит практически не выразить того разочарования, что испытали люди, у которых в одночасье рушились надежды на богатые наделы и которых охватывало полное отчаяние. Можно понять и старожилов: в приказном порядке крестьянский начальник нарезал прибывшим часть распаханых земель, принадлежащих тем, кто поднимал целину. Недовольство зрело с обеих сторон, стычки перерастали в драки.

Нежино, современный вид

К тому же с 1906 года агротехники стали отмечать окисление почв сенокосов, дело дошло до подворного межевания сенокосов, хотя раньше каждый косил там, где хотел, и столько, сколько мог скирдовать. Домашний скот пасли на выгоне площадью около 500 десятин. Чтобы огородить такую площадь, не пожалели общественных денег, истратив 1500 рублей. Лошади, коровы, молодняк от года и старше, а также быки-производители паслись вместе. В местном стаде ходили одновременно до 50 бугаёв, в том числе 25 чужих (частных владельцев из Раздольного и Никольска-Уссурийского) – за отдельную плату, как сообщается в отчёте за подписью заведующего статотделом Переселенческого управления Александра Анатольевича Меньшикова.

Около Нежина для селян был отведён лесной надел, порядка 150 десятин. Деревья – дуб, ясень, берёза, ольха, липа – были старые, от 50 до 500 лет, и годились преимущественно на дрова. Для своих нужд лесом можно было пользоваться, но не в коммерческих целях – на продажу. Аналогичная ситуация складывалась и с рыбалкой. Меньшиков отмечал: «Рыбу ловят только в своём наделе... Улов за последние 10 лет сильно уменьшился; так, в 1900 году улов на семью достигал 50–60 пудов, а в 1910 году – 3–5 пудов... С июня по август – горбуша, карась, сазан и плотва, а в сентябре – только кета. Рыбу ловят неводами и никому не продают».

По данным, собранным чиновником Переселенческого управления И.В. Данильченко, в 1902 году в Нежино проживало 62 семьи – 85 мужчин и 43 женщины. В хозяйстве у кре-

стьян имелись 26 телег и 29 саней, 9 плугов, 15 сох и 22 бороны. Общая численность крупного рогатого скота – 124 головы плюс 64 лошади. Не густо, если учитывать потребность при поднятии целины трёх пар, а при «мягкой» пахоте – двух пар волов или лошадей на плуг. На полевых работах или объединялись дворами, или нанимали корейцев – рядом с Нежино соседствовали 54 корейские фанзы. Александр Меньшиков отмечал практику сдачи в аренду корейским крестьянам земли – преимущественно дальних, лесных и каменистых участков – за половину урожая. Сергей Казанский, податной инспектор, описывал аналогичные ситуации: нежинские крестьяне «лично обработкой земли не занимаются». При этом подённая плата русским работникам на пашне, сенокосе или на молотье составляла 1 рубль, нанятые батраки столовались у хозяев. Корейцам платили 80 копеек, и питались они отдельно, своим кланом. Таким образом, заработок русских рабочих на пахоте, сенокосе, уборке урожая, молотье в месяц составлял 15 рублей, корейцев -10 рублей.

В начале века в Нежине кроме крестьян жили шесть отставных нижних чинов из местных воинских команд (очевидно, с семьями). Двое из них, Никита Плашинов и Александр Завьялов, уволились в запас 6 июня 1895 года, а прошение о причислении к сельскому обществу Нежина подали 14 ноября 1899 года. Причисление состоялось 15 мая 1900 года. Положенного пятилетнего срока после увольнения отставники не пропустили и имели право на получение денежного довольствия. Однако не получили. И в прошлом бюрократов хватало, пособия выплачивались нерегулярно – что Переселенческим управлением, что военным ведомством.

Новая страница в становлении села – открытие одно-классной школы. Торжественное событие произошло в 1909 году. Школа проходила по ведомству Министерства народного образования, учителям выплачивалось жалованье, но, по большому счёту, содержалась она жителями. На строительство её сельское общество выделило пять тысяч рублей. Казна выделила беспроцентную ссуду в одну тысячу рублей с рассрочкой на 10 лет, выплачивать которую предстояло селянам. Доход сельского общества – благодаря различным оброчным статьям, аренде земли, продаже крепких напитков (особой популярностью пользовалась «Нежинская рябиновая») – составлял 1300 рублей в год. Как бы тяжело ни было, забота о школьном образовании, как сказали бы сейчас, была у нежинцев в приоритете. По справочнику 1910 года, среди учащихся числились 31 мальчик и 19 девочек. Церкви в деревне не было, но при школе имелась часовня с алтарём. Службу правили священник Тарабрин и псаломщик Струков.

На 1912 год в Нежино насчитывалось 47 дворов, где проживало 277 человек, сельское общество прирастало людьми и хозяйством. Позже была образована Нежинская область, существовавшая до 1926 года (нынешний Черниговский район). Колхоз «Красный нежинец» в 1950-е годы преобразовался в колхоз имени Хрущёва. Гремел достижениями, особенно, когда в председателях был Пётр Владимирович Пак. На страницах газеты «Стахановец» сообщалось, что лучшим дояром колхоза имени Хрущёва стал Владимир Игнатенко, получивший вместе с другими труженицами почётное звание «Лучшая доярка Приморского края». Лучшему дояру за прилежность, старательность и высокие показатели в надоях выдали в качестве поощрения 650 литров молока и четырёхмесячного телятёнка. Работали колхозники на совесть, шёл 1955 год, когда мой отец, Пётр Владимирович, вывел колхоз на самые передовые позиции в крае.

Родители мои из Хасанского района, встретились на рабфаке Корейского педагогического института во Владивостоке. В начале 50-х годов с группой советских корейцев отец был направлен на Корейский полуостров, где шла гражданская война. Добровольцы подписывали приказ о сохранении военной тайны. Истёк срок давности, но узнать подробности особого поручения отца невозможно, он ушёл из жизни, так и не оставив никаких воспоминаний.

Председатель колхоза им. Н.С.Хрущева (с. Нежино) Пак Петр Владимирович

Коммунисту Петру Паку партия поручала ответственные задачи: он поднимал колхоз имени Хрущёва, работал заместителем директора рудника «Хрустальный» в Кавалерово, директором леспромхоза в Кировском районе, председателем колхоза «Дружба» в Пограничном районе, начальником Надеждинской птицефабрики. Получил три высших образования, окончив сельскохозяйственный и педагогический институты, высшую партийную школу. Его труд был отмечен государственными наградами: орденом «Знак Почёта», медалью «За трудовую доблесть», золотой медалью ВДНХ СССР. Большой труженицей была и моя мама. Мы

росли в русской среде, на первое она готовила что-то наподобие борща. Вместо риса (он стоил дорого) – пшённая каша. Очень вкусно у неё получалась лоба с картофелем. В сельпо пусто, в продаже лишь китовое мясо. В пять утра выстраивалась очередь за хлебом, он был коричневый и очень плотный. На скотный двор привозили мороженный минтай, устрицы, трепанг, крабов. Сваленное с машины, всё выглядело неприглядно, а мы собирали и варили с пшёнкой, русские в деревне сначала удивлялись. Мама угощала соседей и рассказывала, как готовить, учила собирать папоротник, сушить его и солить. Так, помогая друг другу, выживали. Дом и всё хозяйство мама держала в идеальном порядке и, хотя была женой крупного советского хозяйственника, всегда работала. Как-то пошёл сильный дождь, мама со всеми в поле. Я взял плащ, понёс ей. Смотрю, все женщины, повязав мешковиной голову, продолжают жать серпом пшеницу. Маму я всегда жалел. Поднималась с зарёй и ложилась спать, только когда все уже утомонятся. Готовила, обстирывала и была отцу надёжной опорой во всём. Дух отчего дома – он всегда со мной, неизбывно и навсегда.

Глава 9

Оленевод

В статистических сборниках и исторической литературе посёлок Оленевод в числе селений-старожилов не упоминается. Официальной датой основания посёлка считается 1930 год. Однако, следуя исторической логике, аналогично Де-Фризу, посёлок Оленевод должен бы вести отчёт от образования в 1884 году хутора крестьянином-переселенцем Леонтием Дмитриевичем Худяковым. Для такого утверждения есть свои резоны. Вплоть до 1930 года в отчётных документах фигурировала административно-территориальная единица под названием Кедровские хутора. В XIX веке земли принадлежали обществу крестьян Раздольного – чиновники Переселенческого управления не утрудили себя документально выделить хутор Худякова в отдельное селение.

Леонтий Худяков относится к тем могучим личностям, которые обустроивали восточную окраину как свой родной дом на долгие годы. Первая ферма пятнистых оленей, селекция с плодовыми деревьями и ягодниками, образцовое на весь Дальний Восток хозяйство, речные и морские суда и многое другое – всё это благодаря упорству, нестигаемому характеру, энергии и сметке Худякова и его сыновей.

Из Томской губернии отец семейства с домочадцами и семью сыновьями – Фёдором, Павлом, Иустином, Александром, Афанасием, Парфентием и Федотом – тронулись в путь 7 февраля 1877 года. На санях правили по зимнему сибирскому тракту, летом – на лошадях, по рекам переправлялись на плотках. В Раздольное прибыли 22 октября. Любоваться золотой приморской осенью времени не было, хотя стояли погожие осенние дни, следовало торопиться – нужен был кров, а потому поселились сначала в Раздольном. В 1880 году Худяков получил разрешение от исправника на разработку земли на правом берегу Суйфуна. За четыре года с великим трудом разработали 15 десятин. Возвели усадьбу, добротные сараи для скота, кузню, мельницу. И заложили сад. Для защиты от нападений хунхузов продумали целую систему обороны, на головной усадьбе построили 10-метровую сторожевую башню. 1 августа 1884 года Леонтию Дмитриевичу отвели в собственность 100 десятин земли на берегу речки Кедровки, правого притока Суйфуна.

Активные интересы семьи Худяковых удивляли современников разнообразием. Это была в высшей степени духовная, мастеровая и новаторская деятельность целой династии. Старший сын Фёдор занимался с отцом хозяйством, но истинным его призванием стало пчеловодство. За несколько лет Фёдор накопил немало знаний, которые успешно применял в разведении пчёл. Счёт ульям шёл на десятки. Мёд Фёдора Худякова знатоки этого природного продукта очень отличали, а чтобы купить, военные и гражданские чиновники Владивостока заранее записывались в очередь. Другой брат, Павел, предпочитал охоту – в диких лесах хватало дичи. В снежные зимы к селениям выходили тигры, задирали скот. Однажды на охоте хищники подступили к Павлу вплотную, одного тигра он убил наповал, двоих смертельно ранил, но и ему досталось. Доктор выходил, однако страшные шрамы – метки той схватки – остались на всю жизнь. Павел Худяков устроил первую оленью ферму. Для начала, по примеру известного в крае предпринимателя Михаила Янковского, присматривался к повадкам крупного красивого зверя, которого за его расцветку поэтически именовали «олень-цветок». Огородив вольер – большой участок редколесья, запустил туда полтора десятка особей. Через несколько лет стадо значительно увеличилось, оленеферма стала приносить стабильный доход, панты пользовались значительным спросом. Павел Леонтьевич – отнюдь не только охотник и зоотехник, он – тонкий лирик, книголюб, философ и поэт.

Братья Худяковы с В.К.Арсеньевым. Снимок начала 20 в.

Увлечённым исследователем и практиком-садоводом проявил себя Иустин Худяков. В 1885 году ему исполнилось шестнадцать, когда он воспылал страстью селекционера. И от любительства проделал многотрудный путь к практически профессиональному занятию. Высадив местные дикie груши, яблони, красную смородину, уссурийский виноград, он начал первые эксперименты. Четыре года спустя как самому великому сокровищу радовался черенкам яблонь и груш, доставленным ему благодаря участию уездного начальника Хомякова из европейской части России. Прошло 10 лет, прежде чем раскинулся на хуторе большой сад.

Иустин состоял в переписке с Иваном Владимировичем Мичуриным, селекционером, садоводом-генетиком, автором многих сортов плодово-ягодных культур. Пожалуй, слово в слово мог бы повторить Иустин слова боготворимого им Мичурина: «Как помню себя, всегда и всецело был поглощен только одним стремлением к занятиям выращивать те или другие растения, и настолько сильно было такое увлечение, что я почти даже не замечал многих остальных деталей жизни: они как будто все прошли мимо меня и почти не оставили следов в памяти». Слава о мичуринских гибридах шла по всему миру, и в 1913 году департамент земледелия США предложил Мичурину переехать в Америку или продать свою коллекцию растений. Российский гений, преобразователь природы, свой отказ объяснил просто: «Плохо приживаются взрослые растения на другом месте, а люди тем более...». В тот год площадь сада Иустина Худякова достигала трёх десятин (около 3,3 га).

В ноябре 1912 года Иустин по персональному приглашению принял участие в работе съезда сельских хозяев в Никольске-Уссурийском, где выступал с сообщением. В докладе он приводил доказательства, что губят приморские сады не столько морозы, сколько избыток влаги. Годом позже садовод продемонстрировал свои сорта фруктов на выставке в Хабаровске. За коллекцию яблок и слив и в целом «за полезную деятельность по садоводству» выставочный комитет наградил Иустина золотой медалью Императорского русского общества акклиматизации животных и растений.

Иустин Леонтьевич Худяков

*Посуда, фарфор. Конец 19-начало 20 вв.
Из краеведческой коллекции ДК п. Оленовод*

*Стул из усадьбы Худяковых.
Из краеведческой коллекции ДК п. Оленовод*

*Сундук из усадьбы Худяковых.
Из краеведческой коллекции ДК п. Оленово*

Минуло столетие – сорта, выведенные Иустином Худяковым, радуют приморских садоводов и сегодня. Украшение его коллекции – первый дальневосточный окультуренный сорт чёрного винограда и 13 сортов роз! Некоторые его груши до сих пор плодоносят в Оленоводе.

В 1891 году братья Худяковы на собственной примитивной верфи построили небольшое судёнышко – однотонный бот – и впервые вышли на промысел в море. Через два года спустили на воду пятитонную шхуну и стали промыслять вдоль всего побережья Приморья, от границы с Кореей до Тернея. В Охотском море выходили на сивуча. Впоследствии строительством судов по собственным чертежам занялся Афанасий. В сентябре 1897 года спустили на воду «Хуторок», позже – шхуну «Капрал», прослужившую до 1909 года. Афанасий самостоятельно овладел высшей математикой, навигационным делом и в марте 1903 года экстерном сдал экзамен на штурмана дальнего плавания. Мало того, он увлёкся фотографией и за представленные снимки животных, растений и приморских пейзажей был принят в члены Общества изучения Амурского края.

Щедро наделила природа Худяковых талантами. Проявились они благодаря невероятным усилиям, непрестанному самосовершенствованию и жизни в далеко не тепличных условиях, на самом краю земли российской.

Капризы приморского земледелия, а также садоводство, пчеловодство, охота, разведение пятнистых оленей, морской промысел – что только не влекло Худяковых к научно-практической деятельности. Довольно часто с результатами своих наблюдений братья выступали в Обществе изучения Амурского края.

Наибольшие трудности Худяковым довелось испытать в земледельческой области: частые наводнения нередко уничтожали все посевы. Опустошительное наводнение 1896 года – с тайфуном и непрекращающимися дождями – свело на нет усилия земледельцев. Худяковы приняли решение перебраться на другие, возвышенные над поймой места, более того, они всерьёз задумались над спрямлением русла Суйфуна. Но начались иные проблемы – с наделами, в то время крестьян щедро землёй уже не наделяли. Два года подряд, начиная с 1898-

го, Фёдор Леонтьевич подавал прошения в Управление государственных имуществ с просьбой закрепить за ним земельный участок. Указав, что шесть лет регулярно арендует у лесничества около 12 десятин на берегу Кедровки, а для полной готовности под пашню требуются огромные затраты, просил отвести эти земли в собственность для постройки хутора. В ответ – отказы с мотивировкой, что участок понадобится для переселенцев. В 1908 году Фёдор Худяков дважды повторит просьбу, добавляя, что семейство его увеличилось: шестеро сыновей, двое из них взрослые, следом подрастают другие, готовые пахари. Отказали и на этот раз, хотя по положению столыпинской аграрной реформы именно хутор рассматривался как краеугольный в обустройстве крестьян. Суть тяжбы осталась сокрыта для современников и потомков. В переписи населения 1915 года в Раздольненской волости значилась только одна заимка Худяковых, очевидно, Павла Худякова с семьёй.

В архивах мелькнуло имя старшего сына Худякова как поручителя: одно из прошений, по поручению Раздольненского сельского общества, за себя и за неграмотного сельского старосту Нестора Самойловича Золотухина, «по его личной просьбе», подписано Фёдором Худяковым.

Интересные загадки подбрасывает современным исследователям родная история. В стихотворении поэта Павла Гомзякова читаем:

*Как и везде, так и у нас,
Край заселялся не зараз:
Пришёл солдат, пришёл казак,
Их с моря поддержал моряк.
Трудились все, кто сколько мог;
Для проведения дорог
Рубили дуб, рубили кедр,
Копали золото из недр.
Бил тигров меткий Худяков
Иван Иванович, Меринков
Пустил по городу в извоз...*

О ком из семьи Худяковых речь? Кому из худяковско-го рода в конце XIX-начале XX веков принадлежала слава меткого стрелка? Или то был однофамилец? И совсем уж оригинальная версия: возможно, запятую следовало перенести и поставить сразу после фамилии Худякова?!

В советское время в 1930 году на месте заимки Худяковых, где они обосновались после катастрофического наводнения 1896 года, было создано подсобное хозяйство. По другим сведениям (коллективный плод трудов поисковиков-историков посёлка Оленевод) – был образован совхоз. Местные следопыты-историки обращают внимание на постановление от 19 февраля 1930 года Президиума владивостокского окружного исполкома: оленеводческое хозяйство братьев Худяковых, представляющее большую ценность по охвату опытами (всех отраслей хозяйства, «огосударствить», преобразовав в совхоз и обеспечив сохранение всех производящихся в нём опытных работ. В конце того же года Александра, Иустина и Павла Худяковых раскулачили и сослали с семьями в Амурскую область. Один из потомков вспоминал: «...в декабре 1930 года нас выгнали из хутора с поражением в правах, как кулаков. До весны жили во Владивостоке, работали в ремонтных мастерских. 12 марта 1931 года – под конвоем в Уссурийск, в эшелон и до станции Тында Амурской области...» Иустин Леонтьевич испросил работу в горкомхозе Зеи. Начинать с городского озеленения, потом ему позволили заложить плодово-ягодный питомник. Однажды отпросился за саженцами в Ворошилов⁴³ и

⁴³ В 1935 году Никольск-Уссурийский был переименован в Ворошилов, с 1957 года город называется Уссурийск.

оттуда – не утерпел! – тайком наведаясь на свой хутор: как тут мой сад? Можно только догадываться, каким он его застал. Умер талантливый подвижник в декабре 1939 года.

Под конфискацию в пользу государства попали оленья ферма в 300–500 голов, 393 десятины земли, великолепный сад с плодопитомником, все жилые и хозяйственные постройки, механическая мастерская, а также – домашний скот, трактор, сельхозорудия. Бесследно исчезло интеллектуальное наследие братьев Худяковых – ценные рукописи по оленеводству, чертежи, планы изобретений. Вопрос о пропаже, в частности, поднимал Андрей Цапурин, председатель Никольск-Уссурийского горсовета в секретной переписке с помощником начальника ОГПУ Поморцевым.

Для Кедровских хуторов 1930 год стал роковым – название исчезло с географических карт. Появился посёлок Оленевод.

Через семь лет, 24 июня 1937 года, на базе подсобного хозяйства (либо совхоза) организовался оленесовхоз «Раздольное». Первым директором стал бывший комиссар партизанского отряда Пётр Иванович Гапон. Стадо оленей увеличилось, насчитывая более 1240 парнокопытных. В 1948 году питомник пополнился 130 серебристо-чёрными лисицами, в 1955 году – норками. (В районной газете «Стахановец» 26 декабря 1948 года утверждалось, что лисоферма начиналась раньше – в 1946 году – с десяти завезённых лисиц). А вот пчеловодство не прижилось. Не нашлось, видимо, пасечника с душой и мастерством Иустина Худякова. С 1961 года хозяйство стало именоваться племзверосовхоз «Кедровский». Совхоз гремел, из Москвы сыпались ордена, хозяйству дарили легковые автомобили. Посёлок Оленевод переживал свой ренессанс.

В конце 1980-х годов посёлок Оленевод удивлял гостей не многоэтажными домами с коммунальными услугами и не великолепным Домом культуры, удивление вызывало иное чудо у таёжной околицы – колесо обозрения. Рядом вековала свой век тисовая роща, были ещё в сохранности лисья ферма и олений питомник.

К этому времени относится начало поисковой деятельности учителя школы Людмилы Щипуновой и её учеников. Эстафету исследования истории родного посёлка подхватили другие учителя-энтузиасты – историк Ирина Кондратьева, географ Надежда Гриник, заведующая клубом и библиотекой Людмила Оселедец. Собранные экспонаты едва не погибли, когда и люди-то с трудом выживали в трудное российское лихолетье. Исчез «свергнутый» на металлолом аттракцион, нерентабельными стали питомник и ферма. Но крутится колесо истории, возможно, с новым витком придёт и новое возрождение Оленевода.

Глава 10

Кипарисово

Почти все станции Приморья носят имена людей, проявивших свои способности, характер и энергию на поприще освоения дальневосточной окраины. С одной стороны, это напоминание потомкам о деятелях труднейшей эпохи освоения российского востока, с другой стороны, является «нравственным вознаграждением лиц, жертвовавших сему краю свои силы, здоровье, а иногда и жизнь», как писал 9 декабря 1894 года генерал-губернатор Духовской. Закономерно, что в 1896 году на карте появляется станция Кипарисово – в честь инженера-строителя Южно-Уссурийской железной дороги Александра Фёдоровича Кипарисова.

Александр Фёдорович Кипарисов родился в 1856 году в Саратовской губернии в семье священника. По настоянию отца поступил в Саратовскую духовную семинарию, хотя строил иные планы. И всё-таки по окончании обучения отказался от продолжения богословского образования и в Санкт-Петербурге подал документы в Институт инженеров путей сообщения. Успешно сдав выпускные экзамены, в 1881 году получил звание гражданского инженера-строителя. Служба при Министерстве путей сообщения стала первой ступенькой в карьере молодого специалиста. Вскоре его перевели в экспедицию Петербургско-Варшавской железной дороги. Через три года он уже коллежский асессор с правом на личное дворянство. Достаточно быстро – очередной классный чин по Табели о рангах, и Кипарисов – титулярный советник.

На далёкую окраину Александр Фёдорович был направлен в 1887 году в изыскательскую партию В.С. Надеждина по проектированию трассы Южно-Уссурийской железной дороги (Владивосток – Раздольная). Через полгода был переведён из младших в старшие техники с производством в коллежские секретари, что позволило Кипарисову получить потомственное дворянство. Успешного, толкового инженера ждала специальная командировка на строительство моста через Западный Буг (1889–1895 годы). В 1895 году с открытием регулярного движения поездов на Южно-Уссурийской линии его вновь призывают на восток, начальником первого эксплуатационного участка с резиденцией во Владивостоке. Важная деталь биографии: 12 мая 1897 года он становится пожизненным членом Общества изучения Амурского края. В 1901 году – новый поворот в деятельности Александра Кипарисова: назначение руководителем южного участка строительства КВЖД (Харбин – Дальний)⁴⁴. В октябре 1904 года он прощается с Дальним Востоком, возвращаясь к кабинетной работе в Министерстве путей сообщения.

В «Путеводителе по Великой сибирской железной дороге», изданном в 1900 году, в перечень населённых пунктов включён разъезд Кипарисов. Описывается, что «возвышенность покрыта сплошным лесом, преимущественно дубовым. Здесь один из главных пунктов заготовки дров для железной дороги. Приморская полоса с каменистыми утёсами представляет мало мест, удобных для сельскохозяйственных культур. После станции Раздольной местность снова принимает характер более дикий, суровый».

⁴⁴ Ныне китайский город Далянь.

А.Ф. Кипарисов. Фото из архива музея ДБЖД, г. Хабаровск

Когда Южно-Уссурийская железная дорога начинала строиться, в версте от будущей станции Кипарисово вольным образом поселился с семьёй крестьянин Пётр Руденко. А может быть, и в одиночку, потому что в дореволюционных источниках фигурирует лишь фамилия Руденко. Жил с 1892 года, пахал землю. В 1899 году подъехали три семьи, а год спустя – 17 семей из европейской России. Возникает вопрос, что считать за основание Кипарисово? По результатам обследования крестьянских селений начала XX века выходит две даты: 1899 и 1900 годы. Чиновники взяли за дату образования 1900 год, руководствуясь протоколом регистрации сельского общества.

К этому времени поселенцы отстроили для себя деревянные дома. Данильченко, чиновник особых поручений Переселенческого управления, насчитал в Кипарисово в 1902 году 22 двора с 28 домами и 25 хозяйственными постройками. Жителей было 95 мужского и 97 жен-

ского пола – 31 семья. Крестьяне держали крупный рогатый скот (более 80 голов) и лошадей (17 голов). В хозяйствах имелось 10 плугов, 24 телеги, 13 борон. Немного на три десятка семей. Можно предположить, что земледелие не являлось в Кипарисово основным занятием. И это объяснимо: из 5238 десятин значительная часть – неудобья, то есть земли, непригодные для пахоты, но подходящие для сенокоса. Знаменитые в советское время суйфунские покосы, они и до революции славились. Кипарисовцы, благодаря близости к железной дороге, быстро поняли свою выгоду, ежегодно отправляя только во Владивосток до 320 тонн сена в прессованных тюках.

Хорошим подспорьем была рыбалка: в речке Пачихезе в избытке водились форель, пеструшка, корюшка. Кроме того, общество имело доход от выдачи лицензий на рыбную ловлю в Суйфуне: от 100 до 290 рублей в летний сезон. Прибыльным промыслом стало пчеловодство, колодкой пчёл в 1903 году с кипарисовцами поделились земляки из Халкидона Черниговской волости. Пчеловодство оказалось успешным, несмотря на сложные погодные условия – дожди, туманы, наводнения или засуху, мёда хватало как для семьи, так и на продажу. В это время на базаре в Никольске-Уссурийском сотовый мёд стоил восемь рублей пуд, топлёный – пять-шесть, а воск – 18 рублей.

В деревне имелись ренсковый погреб, бакалейная лавка и кирпичный завод с ручной выделкой кирпича, где работали исключительно китайцы. К сельскому обществу причислялись приказчик, писарь, два слесаря, три путейца, один плотник, четыре чернорабочих. Основную массу составляли крестьяне – мелкие рантье, проживающие за счёт корейцев, как отметил в своих заметках инспектор Сергей Казанский. Селяне разрешали корейцам селиться на своих наделах, сдавали им в аренду пашню, выручая в качестве оплаты половину урожая с десятины. Через 10 лет, по статистическим данным, в деревне уже 44 двора, 259 душ населения, грамотных – 110 человек, из которых мужчин – 82 человека. Кипарисовцы обустроивались добротной, обзаводились живностью: в хозяйствах держали 47 лошадей, свыше 60 – крупного рогатого скота и 142 головы мелкого. Среди других селений Кипарисово отличалось количеством колодцев, их насчитывалось 14. Круглый год не замерзала Пачихеза, щедро наделяя селян чистой в то время водой.

До 1907 года дети школьного возраста учились в Раздольном, пока не появилась одноклассная школа Министерства народного просвещения. В первый учебный год за парты сели 13 мальчиков и 10 девочек.

Крепкое и ныне здание из красного кирпича сохранилось, правда, используется собственниками для ритуальных услуг.

Недалеко от разъезда Кипарисово располагались стекольный завод, работающий на местном сырье – кварцсодержащем песчанике, и рабочий посёлок. Владимир Клавдиевич Арсеньев, этнограф, писатель, путешествуя по краю, писал: «Надо заметить, что тогда (в конце XIX века. – Прим, ред.) в Уссурийском крае не было ни одного стекольного завода, и поэтому в глухих местах стекло ценилось особенно высоко. В глубине гор и лесов оно было своего рода меновой единицей. Пустую бутылку можно было выменять на муку, соль, чумизу и даже пушнину».

Из пионеров, кто занялся строительством завода в 1910 году, история сохранила фамилию предпринимателя Асмуса. С 1913 года производство перешло к торговому дому братьев Пьянковых. Выпуская водочные бутылки – свыше двух миллионов штук в год, а также пивные, винные, завод расширил производство, включив в ассортимент аптечные и домашние банки, листовое оконное стекло, готовились запустить линию хрусталя. Бронзовая медаль Приамурской торгово-промышленной выставки 1913 года в Хабаровске стала заслуженной наградой за развитие стекольного производства. Число рабочих и служащих единственного в своём роде предприятия на Дальнем Востоке достигала порядка 700 человек.

Торговый дом «М. Пьянков с бр.» семьи Пьянковых считался одним из самых представительных в деловом мире далёкой восточной окраины. Родоначальником его был купец 2-й гильдии Михаил Павлинович Пьянков. В 1876 году Михаил, старший из братьев, унаследовав от отца небольшую сумму денег, отправился на Дальний Восток. Набирался опыта, служил у купцов в Николаевске-на-Амуре. Спустя три года стал вести дела самостоятельно. Расширяя сферу деятельности, в 1881 году Михаил вызывает брата Владимира, определив ему Владивосток местом приложения сил, а спустя восемь лет – младшего Иннокентия, работающего на винокуренном заводе в Иркутске. (Иннокентий был сослан в Иркутскую губернию за принадлежность к «народническому обществу» и революционную деятельность.) Благодаря ходатайству семьи департамент полиции в 1889 году разрешил ссыльному переехать из Иркутской губернии в Приморскую область, в Хабаровск.

В 1894 году активно заявляет о себе торговый дом «М. Пьянков с бр.» с капиталом 150 тысяч рублей. Каждый из братьев брал обязательство лично участвовать в делах торгового дома. Главным предприятием стал Павлиновский винокуренный завод, построенный в 22 верстах от села Никольского (ныне село Дубовый Ключ). Склады для винно-водочной продукции торгового дома были организованы по всему Дальнему Востоку – на Сахалине, в Хабаровске, Владивостоке, Благовещенске. С годами за Пьянковыми закрепилась слава «водочных королей».

Предпринимательская деятельность братьев Пьянковых поражает разнообразием. Выращивание ячменя, кукурузы, пшеницы, овса, картофеля, разведение скота и домашней птицы. В имении для служащих и рабочих были выстроены школа и больница. Имелась телефонная связь. Располагались кирпичный завод, лесопильня, конюшня с чистокровными лошадьми. На выставке 1913 года Пьянковы получили золотую медаль за чистокровных скаковых рысаков своего конного завода. Пьянковы строили доходные дома, магазины, имели свою мельницу, стекольный завод. Братья активно занимались книготорговлей – через них формировались заказы на книги для всей южной части Приморской области. Назначенный на должность окружного инспектора народных училищ Приамурского края Василий Петрович Маргаритов разрешил Пьянковым подбирать литературу для школ по собственному усмотрению. Полки библиотек пополнились книгами Вальтера Скотта, Фенимора Купера, популярными сериями «Золотая библиотека», «Зелёная библиотека». В четырёхклассных училищах появились более сотни томов «Дешёвой библиотеки», издаваемой Алексеем Сувориным. В неё входили произведения Василия Жуковского, Александра Пушкина, Михаила Лермонтова, Николая Некрасова. Благодаря Пьянковым городские библиотеки пополнились собраниями сочинений Антона Чехова, Льва Толстого, Карла Маркса, изданными Иваном Сытиным. Среди поставляемых книг были произведения Дмитрия Писарева, Виссариона Белинского, английского историка Генри Бокля, вовсе не значившиеся в списке рекомендованных для чтения министерством просвещения. За проявленную инициативу Иннокентий Пьянков был приглашён на беседу к губернатору.

Первая школа, бывшее здание вокзала ст. Кипарисово, постройки начала 20 в.

Братья Пьянковы не только гнали водку отличного качества, с не меньшим усердием они способствовали делам просвещения, славились щедрым меценатством. Много жертвовали на общественные нужды. Благодаря Пьянковым в Никольском появилась церковноприходская школа, Народный дом (драматический театр). Во Владивостоке по заказу Владимира Пьянкова известный владивостокский архитектор Мешков в 1902 году выстроил здание по улице Светланской, 43. После революции всё имущество семьи Пьянковых было конфисковано. Потомки братьев-предпринимателей живут в Москве, во Франции, в США.

Старожил Кипарисово Ольга Сергеевна Литвинцева, 1909 года рождения, охотно рассказывала о себе и своей семье. 90-летняя женщина крепкую имела память: «Я родилась в посёлке стеклозавода, 19 лет прожила на разъезде Кипарисово. Отец, Сергей Иванович Янишевский, был путевым обходчиком, мама, Харитина Карповна – дежурной по поезду. Родители приехали с Украины в 1898 году, когда причалили, мама не могла своими ногами спуститься по трапу, отец выносил её на руках – 42 суток качались паромом от Одессы. Не жалели, что покинули обжитые места, здесь им нравилось. Мне тоже. Двенадцатилетней девчонкой поднимусь, бывало, на сопку: ведро земляники за 15 минут! Встану на колени, помолюсь: слава тебе, Господи!»

Живой, увлекательный монолог Ольги Сергеевны был полон интересными деталями: «Помню, что сёстры мамы – Елена и Вера – с мужьями венчались в разъездном вагоне-церкви. Я успела при Пьянкове на заводе поработать. Человек он был исключительно деловой, заботливый, а главное, добрый, помню, какие рождественские ёлки устраивались для нас. Всем без исключения дарили конфеты, кто победнее, получали подарки – одежду, обувь. На заводе было электричество. Чудо! Всё Кипарисово вечерами при керосиновых лампах – а завод светится за десять вёрст. Моя работа была: поднести-отнести. Таких малолеток, как я, на заводе мальчишками звали. Всех подряд – парнишек, девчонок – одинаково. Наше дело было подать воды мастерам либо дров подтащить к печам. Стеклодувы из расплавленной массы выдували шар, а мы стеклянные те «шарики» совками оттаскивали прочь. Посуду самую разную делали: тарелки, вазы, блюда, бокалы. И оконное стекло. Работа интересная, людей много. Хозяин особенно мастерами дорожил. Из Польши выписывал, Германии, Латвии. Семьями приезжали».

Вспоминала Ольга Сергеевна мастера-стеклодува Жигаршевского, бухгалтера Дземента, стекловаров Лещинского и Огнева, отмечая, что «лучше, чем стекозаводские, нигде в Кипарисово не жили».

Янишевских было три брата – Иван, Пётр, Сергей. Полковник Виктор Иванович Янишевский – двоюродный брат Ольги Сергеевны Литвинцевой и Веры Петровны Барановой, бывшего директора автобусного хозяйства. Виктор Иванович, в 2009 году отметив 60-летний юбилей, работал в администрации района руководителем отдела по гражданской обороне и чрезвычайным ситуациям, позже начальником управления культуры. Много славных страниц биографии и у других потомков Янишевских.

Право называться первым жителем Кипарисова безусловно принадлежит Петру Руденко. Благодаря ему всплывает ещё одна фамилия старожила: 15 ноября 1914 года Руденко ходатайствовал о причислении к сельскому обществу Ивана Могильникова. О другом первопоселенце – 32-летнем Егоре Архиповиче Деснянском (по паспорту Дминанском) известно из протокола о водворении от 3 апреля 1908 года. Вместе с женой Варварой 29 лет имел детей: Наталью 9 лет, Ивана 7 лет, Надежду 5 лет, Александра 3 лет и шестимесячную Марию. К семье Гнатюка 29 ноября 1914 года был причислен Ерофей Сквирский.

Метрические церковные книги дают основания для включения в список старожилов Варвары Пантелеевны Гнатюк, Василия Михайловича Дубинина, Кузьмы Моисеевича Максюты. В связи с крещением детей в метриках упоминаются Иван Петрович и Устинья Ивановна Лукашевы, у которых 14 августа 1911 года родилась дочь Татьяна. В этом же году 21 мая в семье Ефрема Корнильевича и Елены Никифоровны Павленко родился сын Виктор, 22 августа у Филиппа Васильевича и Василисы Гавриловны Максюта – сын Николай. Пополнение 4 июня и в семье Леонтия Фёдоровича и Ефросиньи Михайловны Скрипченко – родилась дочь Агафья.

Семьи Лунина, Шедеркина, Олейника, Саткина, Очередыко жили в это время в Кипарисово, но были исключены из сельского общества 16 августа 1916 года в связи «с причислением в Раздольненскую волость без земельного надела». Подобные ситуации «кочевания» из села в село случались после 1910 года нередко из-за отсутствия подходящих наделов. Крестьяне вынуждены были выписываться из общины, чтобы заняться какими-то промыслами. Они вполне могли сохранять за собой прежнее жильё, но усадьбы эти всё-таки принадлежали обществу.

По переписи населения 1915 года в селении проживала 61 семья (226 мужчин и 173 женщины). По окрестностям насчитывалось 42 жилых территории – 29 заимок и несколько хуторов. При такой численности населения и торговых точек было достаточно, торговля процветала. Небезынтересен рапорт пристава первой части Никольск-Уссурийской городской полиции, где сообщается, что в начале октября 1915 года в Кипарисово орудовала шайка хунхузов, совершившая вооружённый налёт на китайскую лавку и ограбившая китайских работников русского подрядчика Мирославского. Купец Сун-ки-цзун жаловался, что подвергся ограблению пяти хунхузов 6 октября около пяти часов пополудни. Бандиты забрали 150 рублей выручки и европейскую одежду. В тот же день, подкараулив, ограбили китайского лавочника Тянь-тянь-лина, лишив его кредитки на 500 рублей. Но и этого разбойникам было мало, они связали китайских торговцев, увели в сопки, потребовав у родственников выкуп, и оценили жизнь одного в 3000 рублей, а другого – в 25 винтовок. Позже сумму снизили до 1500 и 500 рублей. Двое суток купцы были между жизнью и смертью, а когда самый грамотный налётчик пошёл с письмом в деревню за выкупом, его задержали. Позже захватили и остальных хунхузов.

Бандиты могли подойти незамеченными со стороны Кролевца, оттуда в Кипарисово шла так называемая «военная» просека. Строилась дорога военно-инженерным ведомством примерно в 1893–1896 годах. К началу XX века это уже был колёсный путь, соединяющий долины рек Суйфун и Майхе. В годы Гражданской войны по этой дороге совершали свои рейды партизаны. В 1960-х годах мы, юные следопыты, прошли маршрутом вместе с бывшими партиза-

нами, повторив их боевой путь на Кневичи, Кролевец, Хатуничы. Столько тайн хранит историческая тропа, соединяющая столетия.

Сегодня на месте бывшего стекольного завода некоторые инициаторы предлагают наладить производство вакуумированных трубок для солнечных коллекторов. Для вакуумных трубок необходима высочайшая прозрачность стекла и теплостойкость. Местный песок путём обогащения как нельзя лучше подходит для производства такого стекла. В Россию и в Европу вакуумные трубки экспортирует Китай. В Приморье вполне возможно развить производство солнечных батарей и на этой базе возродить стекольный завод.

Глава 11

Алексеевна

Алексеевка была основана в 1901 году. С расчётом на будущее селянам нарезали свыше пяти тысяч пахотной и 24 десятин неудобной земли. И уже на следующий год в Алексеевке – 9 дворов, 33 семьи, 101 житель. Земли получили по 15 десятин на мужскую душу, что в европейской части России было просто немыслимо. За год крестьяне прикупили 21 корову, 12 лошадей, 15 плугов, 20 борон, то есть крепко встали на ноги.

В 1907 году сюда буквально хлынул народ. Дело в том, что Совет министров постановлением от 10 марта 1906 года разрешил свободное переселение на Дальний Восток и, гонимые малоземельем, украинцы потянулись на восток, многие из них – беспросветные бедняки. По 15 десятин уже не выходило, хозяйства почти никакого – зиму переселенцы кое-как перебились, а ближе к весне стали просить ссуды. Прошение, датированное 4 февраля 1908 года, даёт перечень фамилий новосёлов 1907 года: Фёдор Бытка, Иустин Бытка, Фёдор Думбрава, Степан Думбрава, Андрей Крайтор, Василий Сырбу, Георгий Жерегин, Георгий Крижановский, Василий Кожица, Алексей Гниденко, Василий Толочный. За себя и за неграмотных расписались Филарет Сырбу, Самсон Скирда, Захарий Сырбу, А. Гоминюк. Всем им выдали удостоверения, что они жители Алексеевки. Прошение заверил сельский староста Антон Коваленко. Потомки рода Бытка (ныне всё чаще – Бытко) и сегодня живут в соседней Тимофеевке. А вот фамилия Скирда встречается в документах по весьма печальному поводу. В справке начальника милиции 2-го района Никольск-Уссурийского уезда от 5 октября 1919 года, выданной священнику Алексеевской Покровской церкви А. Оснецкому, записано: «Со стороны милиции на погребение найденного в лесу праха кр-на с. Алексеевки Александра Скирды препятствий не встречается». Что с человеком приключилось, неизвестно. Учитывая лихие революционные времена, можно предположить всякое. А вот что касается церкви, пожалуй, вернее её будет именовать не Покровской, а Калужской, сооружённой в честь преподобного Тихона Калужского.

Размер ссуды далеко не всем переселенцам позволял окупить траты на обустройство. В отчёте по Приморскому переселенческому району за 1907 год фигурирует цифра, определяющая реальные затраты, – 250 рублей, а размер ссуды – 100–150 рублей. Кстати, в июле 1912 года начал работать новый закон – о выдаче ссуды в размере 400 рублей на семью в два приёма: тотчас по водворению 200 рублей и после использования этой суммы ещё 200 рублей.

Исследуя приговоры сельских обществ в Российском государственном архиве Дальнего Востока, удалось восстановить имена других первопоселенцев Алексеевки. Так, 36-летний староста Антон Иванович Коваленко, причисленный к сельскому обществу в 1902 году, 20 июля 1908 года уезжает в Никольск-Уссурийский. Но в апреле 1910 года возвращается назад в Алексеевку. С ним семья: жена Ирина 38 лет, сыновья Лука 20 лет, Петр 13 лет, Никифор 7 лет.

К первым жителям относится запасной унтер-офицер Жандармского полицейского управления Уссурийской железной дороги Григорий Павлович Киризов. Уволившись в запас 7 мая 1901 года, проживал сначала в Черниговке, а 16 мая 1902 года подал прошение о причислении к обществу села Алексеевки. Состав семьи: жена Анастасия, сыновья Сазан, Иван, Александр и дочери Акулина и Анна.

Подселялись и армейские нижние чины. По Высочайшему положению от 27 апреля 1894 года солдаты и матросы после демобилизации могли оставаться в Приморской области. Например, запасной матрос Степан Гурьевич Пустовой 1 января 1901 года демобилизовался, а 28 ноября по распоряжению интендантского управления зарегистрирован как оставшийся на постоянное жительство с причислением к Алексеевке.

Любопытны подробности биографии Максима Петровича Курцева. К Алексеевке причислен 18 мая 1902 года вместе с женой Анастасией и дочерьми – трёхлетней Пелагеей и годовалой Татьяной. Максим Курцев (родился 14 января 1873 года) из крестьян села Красного Датнинской волости Усманского уезда Тамбовской губернии. Осенью 1895 года уходит на военную службу, получая на призывном пункте «шинель, шаровары и одну пару шитых сапог на двойной подошве». 20 октября 1896 года зачислен стрелком в 9-й Восточно-Сибирский стрелковый батальон (с 1898 года 5-й Восточно-Сибирский стрелковый полк). Стрелки Восточно-Сибирского полка были брошены на усмирение Боксёрского восстания в Китае (1900–1901 годы), Максим участвовал в бою при взятии Хуньчуня. Уволен в запас 18 июля 1901 года. Через год принят на учёт постоянно проживающих запасных нижних чинов.

В 1912 году протоколом от 17 декабря к Алексеевке приписан бывший ефрейтор 31-го Восточно-Сибирского полка Никита Алексеевич Нестеров 38 лет, уроженец села Итоцкого Итоцкой волости Мариинского уезда Томской губернии.

Некоторые исследователи предполагают, что в Алексеевку переселенцы стремились главным образом из-за огромного массива строевого леса – не все намеревались заниматься только земледелием. И как только лес был вырублен, переселенцы подались кто куда. К 1911 году, по данным инспектора Сергея Казанского, 72 человека уже не приписаны к сельскому обществу, то есть числились жителями без земельных наделов, но мастеровых людей среди них немного: шесть сапожников, трое ремонтных рабочих и один весовщик, который служил на станции Раздольная.

Существует иная, диаметрально противоположная точка зрения: лес вырубали специально под пашни. Такая точка зрения явно прослеживалась на съезде сельских хозяев, состоявшемся в 1912 году в Никольске-Уссурийском, где отмечалось, что в деревнях Алексеевке и Кипарисово «наблюдается полное сведение леса под пашни». Делегаты съезда – в основном богатые крестьяне, казаки и предприниматели, опасавшиеся конкуренции со стороны корейских земледельцев и китайских торговцев, сформировали мнение, что следует вообще запретить «жёлтый труд». Принимается решение, во-первых, «воспретить допуск на сельскохозяйственные работы китайцев», во-вторых, «всячески ограничивать допуск на эти работы иностранных корейцев, с разрешением применения труда последних лишь в страдную пору, при отсутствии в данном районе русских рабочих». С точки зрения государственности делегаты мыслили верно, но на практике среди «иностранцев» было немало тех, кто просто не оформил документально российское гражданство. Что касается ситуации с китайцами, то опасения делегатов укладывались в контекст того времени, когда общественность была озабочена «жёлтой опасностью». 10 марта 1912 года императорской семье был направлен доклад Спиридона Дионисовича Меркулова, поступившего на государственную службу в Комитет по заселению Дальнего Востока. В нём утверждалось, что российской государственности на востоке из-за увеличивающейся китайской миграции грозит опасность. (Полностью текст доклада С.Д. Меркулова «Русское дело на Дальнем Востоке» опубликован в сборнике «Жёлтая опасность», вышедшем в 1996 году во Владивостоке.)

Строительством школы сельское общество Алексеевки озаботилось в 1906 году, но прошло около двух лет, прежде чем она вступила в строй. По ведомости о положении школьного дела за 1909 год, из 66 детей ученического возраста школу посещали 27 мальчиков и 15 девочек. Школа содержалась на средства крестьян – отопление, ремонт, содержание учительского дома. Жалование единственному учителю поступало от Управления образования. Интересная деталь. В Гражданскую войну, когда почти треть школ Никольск-Уссурийского уезда закрылась, в Раздольненской волости из 12 школ лишь одна Алексеевская не только не прекратила занятий, но и оставалась двухклассной.

По плану церковно-школьного строительства на 1915 год, разработанному при Святейшем Синоде, в Алексеевке должен был открыться приход. О постройках речи не шло, из

средств Синода пока утверждались жалованья для священника и псаломщика. Однако строительство началось, потому что некая московская благотворительница, пожелавшая остаться неизвестной, пожертвовала на святое дело 10 тысяч рублей. Можно сказать, без Божьего промысла не обошлось: это был уже третий по счёту храм в Приморье, строящийся на средства дамы Икс, и то, что выбор пал на Алексеевку, так же чудесно. В апреле 1915 года архиепископ Владивостокский и Камчатский Евсей ввручил деньги благочинному округа Николаю Диатоловичу и благословил начало строительства храма. Руководил работами житель Алексеевки Токарев, много лет трудившийся на казённых стройках.

Строили быстро. В мае-июне вырыли котлован, заложили цоколь. Торжественно освятили закладку храма. В начале августа поднялись пятиметровые кирпичные стены, подведённые под потолочные балки. Зимой начались столярные работы. Как потеплело, печники сложили печи, рабочие оштукатурили стены, покрасили, поставили двери и окна. Тут и деньги кончились. Токарев от функций прораба перешёл к задачам финансирования: вкладывал свои деньги, брал кредиты. Рассчитывать на пожертвования алексеевцев не приходилось – после случившегося наводнения всем жилось туго. Благотворительница ещё выделила пять тысяч рублей – на внутреннее убранство. Шесть икон в окладах пожертвовала Раздольненская церковь Казанской иконы Божией Матери. К началу июля храм площадью 60 квадратных метров был готов. Затраты составили 130 тысяч рублей. Храм достигал в высоту 14 метров, ещё на два с половиной метра ввысь тянулась кирпичная колокольня. Архиепископ освятил храм во имя преподобного Тихона Калужского. На богослужении присутствовали благочинный отец Николай Диатолович, игумен Евсей, отец Александр Оснецкий и отец Алексей Стефаненко. Пел местный хор, организованный учителем Н. Несмехом, направленный Владыкой с Седанки. Настоятелем церкви стал отец Александр Оснецкий.

Своё первое десятилетие Алексеевка отметила расцветом. В 1912 году в селе проживали 585 жителей (141 семья), насчитывалось 124 двора, двухклассная школа, мельница, винно-бакалейная лавка, две лавки мелочной торговли. Крестьян влекла сюда земля, с которой они связывали жизнь свою и своих потомков.

Глава 12

Тимофеевка

У Тимофеевки запутанная история – с датой образования и с названием. Сначала у села были все шансы стать Поповкой. В 1901 году временная комиссия рассматривала переселенческий участок под названием Попов на 243 душевых доли из расчёта 15 десятин на каждого члена семьи мужского пола. Не случилось. Сыграл фактор близости к волостному селу Раздольному, куда, скорее всего, и были приписаны жители. Документально первопоселенцев приписывали и на «участок Попов». Так, в 1906 году на себя и трёх сыновей земельный надел получил Никифор Дорошенко. Позже к нему приехал старший сын Владимир с женой Евгенией и двумя малолетними дочерьми, Александрой и Валентиной. Глава семьи в 1908 году подал прошение о выдаче ссуды на обустройство. В этом же году было образовано самостоятельное сельское общество крестьян Тимофеевки.

История сохранила для потомков очень важный документ – теперь уже столетней давности – журнал Приморского областного по крестьянским делам Присутствия. Запись в нём от 27 июня 1907 года содержит исчерпывающую информацию: «Слушали: представление заведующего водворением переселенцев в Побережном подрайоне от 25 июня сего года за № 1302 об образовании селения Тимофеевка Раздольненской волости... Постановили: утвердить на переселенческом участке Тимофеевском отдельное сельское общество на 243 душевые доли и включить в состав Раздольненской волости».

С образованием Тимофеевки списочный состав общества резко возрос – сразу на 49 семей из западных губерний России, большая часть из Бессарабии, всего добавилось 222 человека. К 1910 году, по данным анкетного обследования экономического положения крестьян Приморской области, в Тимофеевке проживали 84 семьи, 184 мужского и 183 женского пола. Фигурирует уже и двухклассная школа, принадлежавшая Министерству народного просвещения, где занимались 20 мальчиков и 26 девочек. Интересно, что годом раньше школа в Тимофеевке не значилась, вероятно, она была крайне мала и квартировала, скорее всего, в обычном крестьянском доме. Поэтому 21 января 1911 года на заседании комиссии по вопросу открытия школ для переселенцев принимается решение о сумме в 1500 рублей на строительство школы в Тимофеевке. В селе уже 77 жилых построек, то есть почти каждая семья имела отдельный дом. Кроме этого 36 хозяйственных построек. В пользовании находилось 3760 десятин удобной земли. Культивировали картофель, просо, пшеницу, ячмень, овёс и кукурузу.

Как и в других сельских обществах, в Тимофеевке земледелием занимались в основном корейцы – в округе стояло около 20 фанз. В счёт арендной платы отдавали после сбора урожая по 20 пудов с десятины. А крестьяне с выгодой для себя заготавливали сено для Раздольненского военного гарнизона. Под сенокосами находилось порядка 150 десятин, что давало более 400 тонн сена. В селе имелись торговые и питейные заведения. Около 20 человек числились в отхожих промыслах на разного рода заработках.

Алексеевка, отреставрированный храм Преподобного Тихона Калужского

Алексеевка, храм Преподобного Тихона Калужского до реставрации. Снимок 1980-х г.

Упомянутый справочник для переселенцев довольно критично оценивал способность крестьян Бессарабии адаптироваться к дальневосточному климату, потому что они «не привыкли к тяжёлым работам и удерживались на участках до тех пор, пока хватало выданных в ссуду денег. Молдаване и дали большинство обратных переселенцев». По этим причинам или по другим возвращались в родную Бессарабию люди, однако сегодня в Приморье известно, пожалуй, только два населённых пункта, где переселенцы обосновались всерьёз и надолго. Это село Звенигородка Дальнереченского района 1904 года основания и наша Тимофеевка. Звенигородка, расположенная в 24 километрах от Дальнереченска, практически стала дачным посёлком.

Тимофеевка сохранила молдавские корни, чего стоит одна только фамилия Варзарь. Живёт такой парень Константин Варзарь – типичный молдаванин, жизнерадостный гитарист и певец. Сын механизатора, майор милиции, мужественно воевавший в «горячих точках», по праздникам вся грудь в орденах. Прямой предок Константина – первопоселенец Тимофеевки Иван Спиридонович Варзарь. Другой представитель молдавского рода – Владимир Бытко, награждённый орденом Мужества, внук знаменитого в недавнем прошлом механизатора Михаила Бытко, корни их на сто процентов от молдаван Бытка.

В декабре 1912 года в Тимофеевку подселелись ещё две крестьянских семьи. Одна семья состояла из трёх человек: глава дома Дмитрий Никифорович Плохин 38 лет, жена Евдокия 38 лет и сын Григорий 6 лет. Ранее Плохин состоял в казачьем сословии, жили они в посёлке Унтер-бергеровка Бикинского округа, откуда Дмитрий Никифорович был уволен 25 сентября 1912 года. Вторая семья была многодетной: крестьянин Бессарабской губернии Савва Иванов-Ионий-Саламар 45 лет с женой Еленой 43 лет имели шесть детей – Зиновия, Елизавету, Николая, Фёдора, Василия, Георгия.

Всего, по данным на 1912 год, численность жителей Тимофеевки составляла 365 человек – на тот момент село было вторым по народонаселению в Раздольненской волости.

Старожил Тимофеевки Владимир Иванович Глушко, 1928 года рождения, оставил интересные воспоминания. Рассказывал, что он – внук Михаила Георгиевича Ионашко. Мать – молдаванка Елена Ионашко – вышла замуж в 1907 году за украинца, вахмистра Приморского драгунского полка Ивана Глушко. В полку в то же самое время служил Семён Будённый. «Познакомились мои родители на танцах, – вспоминал Владимир Иванович. – Молдавские девушки чернявые да красивые, с густыми длинными волосами. Такой и была моя мать. Отец пришёл в семью Ионашко свататься, а невеста ни слова по-русски. Пришлось выступить в роли переводчика её брату-близнецу Феодосию, который успел мало-мальски освоить русский. И кто, вы думаете, играл у них на свадьбе на гармошке?! Конечно, Семён Будённый, сослуживец отца. Будённый, кстати, тоже «крутил любовь» в Тимофеевке с девушкой-молдаванкой. А в 1909 году была ещё одна свадьба: младшая сестра мамы София вышла замуж за унтер-офицера того же полка Ивана Александровича Зазулова, впоследствии председателя Тимофеевского сельсовета. В годы Гражданской войны он был связным в партизанском отряде Антона Топоркова, через него поступало из Раздольненского гарнизона оружие к партизанам. Однажды в дом зашли японцы, искать это оружие – всё перерыли, не нашли. Дядя Иван хитро спрятал его под железным полом в курятнике... А дед Михаил Ионашко в Приморье попал, можно сказать, случайно. В Кишинёве, будучи зажиточным человеком, проиграл в карты всё своё состояние и вынужден был покинуть родные места. Приехал сюда, построил для своей большой семьи дом из прутьев, обмазал сверху толстым слоем глины со смолой. Точно такие же строили и другие молдаване. В 1906 году они скопом построили клуб, организовали струнный оркестр. В нём, наряду с другими, играл брат моей матери Николай. Не то на кларнете, не то на мандолине. Играли, пели молдавские песни, устраивали танцы...»

Ещё несколько штрихов к истории Тимофеевки добавили старожилы села Г.Е. Резванец, Е.И. Антосий, А.К. Моргуленко, И.С. Туча. Припомнили, например, что вскоре после образования Тимофеевки поселились несколько казаков, прибывших из Посьета. Казаки срубили себе дома, раскорчевали свою долю земли под пашни и огороды. Один из них, Андрей Павлик, отправил вызов сестре в Полтаву, и в 1905 году приехали его родственники – Матрёна Семёновна Свириденко и её муж Захар Свириденко... Многие женились и оставались здесь жить после службы в гарнизоне Раздольного и других местах Приморья. Это такие, как Степан Туча, Михаил Аксентьев, Григорий Саланай, Бырс, Константин Мальцев, у которого как у сослуживца-однополчанина часто бывал в гостях Будённый... У наиболее зажиточных крестьян – Сикорского и Богороша – были собственные ветряные мельницы. А первую школу, по воспоминаниям старожилов, в 1907 году построили китайцы.

Согласно журналу Приморского областного по крестьянским делам Присутствия, 12 августа 1908 года рассматривался вопрос о включении в список жителей Тимофеевки. «Слушали заведующего водворением переселенцев в Побережный подрайон. Препроводив при представлении от 1 апреля сего года за № 1787 паспорта, проходные свидетельства и протоколы о водворении крестьян-переселенцев на зачисленные за ними свободные земельные наделы в Тимофеевке Раздольненской волости Никольск-Уссурийского уезда, приказали: на основании Высочайше утверждённого 6 июня 1904 года мнения Государственного Совета, причислить с первой половины 1908 года в общество крестьян Тимофеевки...». (Далее идёт список, который дан в Приложении № 4 в конце книги, вдруг кто пожелает найти свои корни, проделав непростую, но такую важную для себя и потомков родоведческую работу.)

Иногда пробелы удаётся заполнить. В списке приведён Иван Тимофеевич Вернохаев без указания места, откуда прибыл. Тамара Антоновна Канахина, родившаяся в Тимофеевке в 1926 году, и её брат Павел Антонович Вернохаев, проживающий в Донецке, – прямые потомки прадеда Вернохаева. Их отец Антон Семёнович работал в колхозе с момента его создания. А дед Семён Тимофеевич Вернохаев, отслужив семь лет в Раздольном, вернулся домой в Черниговскую губернию. Так выяснилось, откуда родом Вернохаевы. Семёну Тимофеевичу полю-

бился дальневосточный край, уговорил двух своих братьев – поехали! И пошла в Тимофеевке укрепляться поросль Вернохаевых. У Семёна Тимофеевича с Еленой Селивёрстовной родилось четверо детей, в том числе отец Тамары Антоновны. Родители её вырастили и воспитали восьмерых детей – Алексея, Павла, Михаила, Владимира, Бориса, Николая и дочерей Тамару с Валентиной. Все как один достойные люди. Михаил – участник Великой Отечественной войны, Алексей работал во Владивостоке на оборонном заводе № 202 (нынешний Дальзавод), Тамара Антоновна – также ветеран войны, работала в тылу, Павел Антонович служил в Советской Армии, участвовал в боях в 1945 году с Японией, полковник запаса. И поэт.

*Листая долгой жизни книжку
И обращаясь взглядом на Восток,
Я вспоминаю детство, босоного мальчишку,
Озёра, речку, тимофеевский лесок...
Теперь хочу, теперь мечтаю
Вдохнуть родного воздуха глоток.
Мне бы попить сродными чаю,
Мне б повидать любимый мой Восток...*

Глава 13

Горное

Горное – единственное село Надеждинского района, расположенное в таёжной местности, на берегу одноимённой реки, что всегда придавало специфику хозяйственному укладу его жителей. Образовано, по данным Российского государственного исторического архива Дальнего Востока, в 1911 году на переселенческом участке реки Большая Эльдуга⁴⁵. В справочнике Приморского края 1968 года даётся иная дата образования села – 1926 год.

Коренной житель Горного Александр Григорьевич Богданов, 1929 года рождения, вспоминал, что его мать родители привезли в Горное четырёхлетним ребёнком. Но произошло это в 1906 году! Александр Григорьевич утверждал, что ошибки быть не может, именно 1906 год не раз упоминался в семейных разговорах. Причём, Богдановы приехали не одни, было несколько семей. Вокруг уже жили корейцы. Вполне вероятно, что дата образования села Горного – 1906 год. Скорее всего, события развивались по тому же сценарию, что и в других местах: приехали новосёлы, обживаются, а потом только начинается оформление документов как крестьянского общества. В случае с селом Горным – в 1911 году. С этой датой Горное и вошло в статистические справочники.

История образования селения относится к тому периоду, когда переселенческое дело уже не имело того размаха, какой был на рубеже XIX–XX веков. Во-первых, крестьяне-переселенцы не имели былых льгот. Но самое главное, сказывалась нехватка готовых переселенческих участков, то есть свободных для заселения земель. Раньше Переселенческое управление нечасто практиковало нарезку участков для селений на возделанных корейцами и китайцами землях как наиболее простой способ принять новосёлов, теперь это стало практически повсеместным явлением. По рекам Малая и Большая Эльдуга, сливающимся у деревни Ананьевки, в 1907 году только учтённых числилось более 40 корейских фанз, и, конечно, обработанные корейцами земли явились исходными для образования переселенческих участков. Ясно, что это приводило к конфликтам: одни не хотели выселяться, другие не могли обосноваться. По рассказам старожилов, подобная ситуация сложилась и по Эльдуге. На каком переселенческом участке, Малом Эльдугинском или Большом Эльдугинском? Скорее всего, на обоих. Как бы там ни было, крестьяне устроились на выделенном им наделе и основали селение Горное. Вот строки из документа Приморского областного по крестьянским делам Присутствия, где отмечено, что рассмотрено «ходатайство крестьян-переселенцев, водворившихся на переселенческом участке Большая Эльдуга об образовании самостоятельного сельского общества под названием Горное. В журнал регистрации обществ внесено за № 415 от 6 сентября 1911 года». Было принято решение о включении поселения в состав Раздольненской волости.

Среди первых жителей известна семья Архипа Тимофеевича Тупицы, 42 лет с женой Евдокией 31 года и десятилетней дочерью Анной. Глава семьи родился 18 февраля 1871 года в селе Берестовец Комаровской волости Барзенского уезда Черниговской губернии. До Горного семья поселилась в селе Богополь Пермской волости (ныне Кавалеровский район). И два года терпели нужду из-за неурожая 1911–1912 годов вследствие наводнения. Остались совершенно без средств к существованию, мыкались в переселенческом бараке в Никольске-Уссурийском, ставшем с 1909 года центром одноимённого уезда, куда входила Раздольненская волость. Архип Тупица 4 октября 1912 года подал прошение о причислении к обществу села Горное, и протоколом от 22 марта 1914 года был принят на жительство.

История Горного ещё ждёт своих следопытов.

⁴⁵ *Сегодня – село Халкидон Черниговского района.*

Глава 14

Харьковка

Дата образования села Харьковка – 1911 год. Исследование архивных документов показало, что селение было образовано по всем правилам, то есть по решению Переселенческого управления, на отведённом участке, с созданием самостоятельного сельского общества, с наделением всех его жителей землёй. Харьковка располагалась примерно в семи километрах от Нежина, вверх по течению реки Нежинки. Достаточно странный выбор, ведь плодородные земли находились именно в нижнем течении реки. Но верхнее место имело одно преимущество. Как вспоминали нежинские старожилы, в 30-е годы прошлого века приткие мужики успевали по тропе, проходящей рядом с Харьковкой, за сутки обернуться в Китай и обратно – что-то прикупить, обменять на спирт и дешёвые товары. На обмен шёлженынь и дериваты животного происхождения – медвежья желчь, лапы и другое.

Отметим несколько фамилий первопоселенцев. Среди них семья крестьянина Михаила Григорьевича Гладких 55 лет с женой Елизаветой, старшим сыном Ефимом 27 лет и его женой Екатериной 23 лет и их четырёхлетней дочерью Марией; средний сын Георгий 22 лет и его трёхлетний сын Пётр; младший сын Василий 16 лет и дочь Ирина 19 лет. В Харьковку семейство Гладких переехало из Ново-Киевки⁴⁷ 22 марта 1914 года, протокол о водворении № 1581. Михаил Гладких приобрёл у крестьянина Фёдора Гуляева участок земли в 50 десятин, из расчёта на 5 душ мужского пола, но через два года, 13 марта 1916 года, просил перевести его в деревню Сташевку Никольск-Уссурийского уезда (ныне Спасский район).

12 июля 1916 года из общества Харьковки был исключён Фавий Мелентьевич Щур с семьёй. На его земельный участок поселился Марк Иванович Тищенко (34 года) с семейством, которое прибыло к нему из Черниговской губернии.

В архивах районного отделения краевого ЗАГСа сохранились документы, где речь идёт ещё о двух семьях. У Стефаниды Ивановны и Максима Борисовича Кортвиных 5 марта 1921 года родился сын Иоанн (Иван). Восприемниками у них были Фёдор Иванович Сергиенко и его жена Матрёна Ивановна. Таинство крещения 19 марта совершал священник Пашко.

По состоянию на 1913 год в Харьковке проживали 106 жителей (56 мужчин и 50 женщин). Совсем небольшое селение.

После Великой Отечественной войны в Харьковке оставалось всего две или три семьи. Документально село исключено из учётных данных в 1962 году.

Харьковка – самое малоизвестное селение на территории Надеждинского района.

Глава 15

Ананьевка

Дата образования села Ананьевка – 1912 год, что согласуется со справочником административно-территориального деления. Селение, которому судьбой было отмерено около 60 лет, располагалось в пяти километрах к юго-западу от Нежина, на левом берегу Малой Эльдуги⁴⁶.

Переселенческий участок на 127 душевых долей общей площадью 1277 десятин был утверждён в 1911 году. В числе первых жителей – переселенцы из Восточного Казахстана. Из села Мариинское Мариинской волости Кокчетавского уезда Акмолинской губернии приехали братья Тененякины. Старшему брату Кузьме Васильевичу Тененякину и его жене Степаниде исполнилось по 41 году. Семья была многодетной, семеро детей – Лаврентий 19 лет, Евдокия 18 лет, Евтохий 10 лет, восьмилетняя Варвара, шестилетний Максим, трёхлетний Наум и двухлетний Фёдор.

Младшему брату Иллариону Васильевичу Тененякину и его жене Евдокии на момент переселения было по 37 лет. Воспитывали детей: Матвея 16 лет, Салосониду 14 лет, восьмилетнего Петра, шестилетнего Николая, четырёхлетнего Ивана и двухлетнего Дмитрия.

Из Тургайской губернии прибыли Яков Кириллович Щербина с женой Пелагеей (обоим – по 32 года). В семье подрастали сыновья: Иван 17 лет, Фока 16 лет, Павел 9 лет, Алексей 8 лет. Семья Якова Щербины, очевидно, была из состоятельных, в хозяйстве числилось две лошади. Глава семьи споро заготовил лес для строительства дома. По числу надельных душ Щербины имели право на большой земельный участок.

В 1912 году поселись в Ананьевке молодожёны – Степан Семёнович Колесников 26 лет и его двадцатилетняя жена Евдокия.

Даты заселения и законного определения на постоянное местожительство часто не совпадали. Так, Алексей Фёдорович Жарков 39 лет, крестьянин из бывших ссыльных Сахалина, скорее всего, прибыл в 1912 году, хотя по протоколу о водворении числится с 22 марта 1914 года. Для первых поселенцев это зависело от момента образования крестьянского общества. Для крестьян, подавших прошение о причислении к обществу, – от наличия свободной земли на утверждённом наделе. Однако причисление к обществу могло осуществляться и без земли.

Приговор сельского общества о водворении поселенцев позволяет выявить новые имена. Если рассматривать по образовательному цензу, на 1 декабря 1913 года среди неграмотных числились Авраам Лазненко, Нестор Миненко, Яков Имар, Павел Тумаков, Мокий Чубаров, Мина Примак и Яков Щербина. Грамотные: Алексей Макрушин, Степан Муреша, Пётр Коваленко, Захарий Кривенко, Яков Нарюзин, Спиридон Могар, сельский староста Василий Роговенко.

На казённой земле долины реки Эльдуги проживали и корейцы. Вполне вероятно, что русским переселенцам нарезались уже разработанные корейцами земли. Подробно рассматривая, как обживали российские первопоселенцы обретенные на востоке территории, приведём факты современников, какой они отметили жизнь корейцев в Уссурийском крае.

В 1860 году, когда по Пекинскому договору Уссурийский край отошёл к российским землям, возникла граница между Россией и Кореей. Для многих корейцев пограничная линия стала линией судьбы, определившей жизнь поколений, тесно переплетённых с будущностью обретенной родины.

«К числу замечательных явлений, совершающихся в последнее время на крайнем востоке Азии, следует отнести также иммиграцию корейцев в пределы России и образование ими здесь

⁴⁶ Сегодня – река Ананьевка.

новых колоний, – писал исследователь, путешественник Николай Пржевальский. – Густая населенность Корейского полуострова, нищета, грубый деспотизм, сковавший все лучшие силы народа, наконец, близость наших владений, обильных плодородной, нетронутой почвой, – всё это было сильной пружиной... искать себе при новых условиях и новой обстановке лучшей и более обеспеченной жизни. И вот, боязливо, как будто ещё не решаясь покончить вдруг со всем прошлым, начали мало-помалу жители ближайших к нам владений Кореи изъявлять свою готовность на переселение в русские пределы. С нашей стороны подобное заявление было встречено с полным сочувствием, и еще в 1863 году к нам переселилось 12 семейств. Затем переселение повторялось каждый год... Переселяясь к нам, некоторые из корейцев приняли православную веру, так что теперь в деревне Тизихе есть несколько десятков христиан мужчин и женщин и в том числе старшина деревни. Его прежняя фамилия и имя были Цуи Ун Кыги; теперь же он называется Пётр Семёнов, по имени и отчеству своего крёстного отца, одного из наших офицеров».

В 1869 году, когда на севере Кореи был страшный неурожай, через границу в Приморье перешло около семи тысяч корейцев, половина из них находилась в состоянии крайней нищеты. Людям необходима была поддержка, обеспечить которую в то время было непросто. Ситуация с запасами продовольствия у военных и гражданского населения из-за такого потока мигрантов сложилась чрезвычайная. Но военный губернатор Приморской области Иван Васильевич Фуругельм распорядился отпустить отчаявшимся людям четыре тысячи пудов ржи и две тысячи пудов муки. Контр-адмирал Фуругельм, отправившись в деревню Тизихе, где находилось 642 семейства, пытался уговорить беженцев вернуться в Корею. Собрав старейшин, военный губернатор объявил: кто не имеет средств к существованию – должен покинуть русские пределы, в ином случае они будут удалены силой. Пожилые люди совещались недолго и выразили своё окончательное решение: пусть умрут на русской земле от голода, если им откажут в помощи, но назад им дороги нет – в Корею их ждёт смертная казнь. Корейские старики впоследствии рассказывали детям и внукам о «добром, самом большом начальнике русского Приморья, который проявил заботу о несчастных корейских переселенцах».

На основе Русско-корейского договора 1884 года корейским переселенцам, уже обжившимся в Приморье, официально предоставлялось подданство Российской империи. Дальнейшая миграция корейцев подлежала строгой пограничной регламентации, однако стихийное переселение продолжалось, и в 1910 году в Приморской области насчитывалась 51 тысяча корейцев. На 1 января 1932 года численность корейского населения Приморской области составляла более 160 тысяч человек.

Уникальные сведения исторического и этнографического характера оставила английская исследовательница и писательница Изабелла Бишоп, которая, четырежды посетив Корею, в 1898 году издала книгу «Корея и её соседи». Будучи во Владивостоке, Бишоп решила познакомиться с жизнью российских корейцев: «...Начальник местного полицейского отдела, который говорил по-французски, свозил меня в несколько корейских деревень. Судя по тому, что я пока слышала и видела, всё сельское население в этом районе – корейцы, и живут они прекрасно. Как здесь, так и южнее, до самой корейской границы, поселенцы преуспевают, а некоторые даже разбогатели на контрактах по поставкам мяса и зерна для русской армии.

... Следующей остановкой на нашем пути была деревня Янчихэ. Здесь мы увидели уютную школу, где на уроках бок о бок сидели русские и корейские дети, православную церковь, отличающуюся богатством внутренней отделки и рядом с ней дом священника.

... Вся эта местность (Посьет – Прим, ред.) заселена корейцами, если не считать несколько нищих китайских деревушек. Корейцы блестяще распоряжаются этой землёй, которую они покупают или занимают нелегально. У них достаточно домашнего скота, чтобы обрабатывать большие площади. Они используют севооборот и глубокую запашку и снимают прекрасный урожай.

... В 3–4 милях пути от Заречья мы видели ещё несколько корейских деревень, характерной чертой которых в большей или меньшей степени являлась зажиточность. Дома у них просторные, добротные, во дворах полно всякой живности, и взрослые, и дети хорошо одеты, а земли вокруг этих деревень заботливо обрабатываются. В отличие от бедных, запущенных и грязных деревень на полуострове, здешние поселения выглядят добротно. В большинстве домов четыре-пять, или даже шесть комнат, стены и потолки оклеены бумагой, двери и окна резные, в окнах вместо стёкол – белая полупрозрачная бумага. Полы устланы прекрасными циновками, а такое богатство домашней утвари, как в здешних домах, в Корее редко встречается даже в жилище мандаринов... Во многих домах на стенах вместо грубо слепленных фигурок домашних духов появились портреты царицы и царя, иконы с изображением Христа и православных святых и 12 христианских молитв в деревянных рамках. А во дворах всё говорит о достатке и уверенности в завтрашнем дне: полные амбары, кони и кобылы с жеребятами, чёрные свиньи улучшенных пород, рабочий скот и жирные быки, предназначенные для продажи во Владивостоке, повозки и сельскохозяйственные орудия...»

Трудом корейских крестьян обрабатывались приханкайские земли, Хасанский, Шкотовский, Надеждинский районы.

Адаптируясь к местным условиям, укореняясь в новых реалиях, корейцы в основном, и это уникально, остались неизменны, продолжая хранить и соблюдать традиции своей нации. Они работали, отличаясь особым трудолюбием, преодолевали трудности и испытания с редким стоицизмом, воспитывали детей, они были и остаются людьми сильной воли и духа и вместе с тем миролюбивого, неагрессивного характера. Корейцы не растворились во вновь обживаемом пространстве, более того, обогатили его самобытной культурой, благородными нормами буддийско-конфуцианской морали. В этом отношении земля российского Приморья стала местом межкультурного диалога, духовного сближения русских и корейцев.

Послесловие

Перевернута последняя страница книги очерков «Земля вольной надежды». Но это вовсе не точка в исследовании Надеждинского района. Окончательно завершённой и полной истории, по большому счёту, не бывает: новые факты, комментарии по-новому освещают знакомые события и явления. И это непрерывный процесс, ибо бесконечен процесс познания. К тому же Надеждинский район имеет славную летопись развития в советский период, так что история – продолжается!

Приложения

Приложение № 1

Территория Надеждинского района в древности и средневековье

В истории изучения археологических памятников на территории Надеждинского района можно выделить два этапа. На первом этапе (середина XIX – начало XX веков) исследования проводились энтузиастами Общества изучения Амурского края. Второй этап берёт начало с середины XX века, с момента образования Дальневосточной археологической экспедиции под руководством А.П. Окладникова (1953 год) и создания Отдела истории, археологии и этнографии при Дальневосточном филиале АН СССР (1954 год). Отдел заложил основу Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока (1971 год), когда исследования стали регулярными. Как результат – выявление древних и средневековых археологических культур региона.

Эпоха палеолита

Эпоха палеолита (древнекаменного века) в Приморье представлена Осиновской и Устиновской археологическими культурами, которые относятся к заключительной стадии эпохи. Характеризуются каменной индустрией и отсутствием керамических изделий. На территории района обнаружено несколько мест с остатками жизнедеятельности древнего человека на финальном этапе Устиновской культуры. Первые палеолитические памятники обнаружены в Надеждинском районе экспедицией Алексея Окладникова в 1950-х годах. Один находился около села Вольно-Надеждинского (не доезжая Ключевого), на мысовидном отроге водораздела рек Тигровой и Шмидтовки. Среди собранного на поверхности материала найдены обломок каменного ножа (или наконечника) и обсидиановый микронуклеус. В настоящее время памятник разрушен: на месте древних находок – действующий карьер. Другой палеолитический памятник находится на холме, справа от автодороги на въезде в Раздольное со стороны Уссурийска. Здесь собраны каменные сколы, а больше всего отщепы – отходы при обработке камня. Последующие находки эпохи палеолита были сделаны в 1970-х годах около села Тимофеевки. На склоне сопки по правому берегу реки Поповки и на прилегающей пашне собрана обширная коллекция артефактов – каменный инвентарь позднего палеолита. В 1991 году обнаружена палеолитическая стоянка около села Шмидтовки.

Эпоха неолита

Характерные признаки памятников эпохи неолита: появление керамики (изделия из обожжённой глины), новая техника обработки камня – шлифовка, полировка, сверление, что позволило значительно расширить набор каменных орудий. С неолитом связано изменение хозяйственной деятельности древнего человека: находки свидетельствуют о зарождении земледелия. Значительное развитие получило рыболовство.

На территории Надеждинского района на сегодняшний день зафиксировано три памятника: в южной части посёлка Раздольного, около села Тереховки и на полуострове Де-Фриз вблизи одноимённого посёлка. Наиболее показательная коллекция собрана на Де-Фризе.

Здесь найдены обломок плоского каменного ножа и фрагменты лепной керамики.

Эпоха палеометалла

В археологии Дальнего Востока, и Приморья в частности, палеометалл объединяет в себе две эпохи традиционной археологической периодизации – бронзы и железа. Немногочисленные изделия из железа и бронзы появляются почти одновременно – и появление их совпадает с результатами обмена с племенами Маньчжурии, то есть в эпоху бронзы связи с соседними областями становятся всё более тесными. Особенность приморских памятников: при отсутствии на некоторых из них находок бронзовых изделий, но довольно часто встречаются каменные копии бронзовых орудий, по всей вероятности, местного производства. На территории Надеждинского района обнаружены и обследованы памятники только Янковской культуры. Наибольшее их количество находится в районе Тавричанки. По два памятника известны на полуострове Де-Фриз и около Нежина, ещё одно – вблизи Оленевода. Носители этой культуры занимались морским промыслом и прибрежным собирательством. На остатках Янковских поселений обнаружены большие скопления морских раковин, отсюда и первое название – Культура раковинных куч. Такие раковинные кучи совсем недавно, в мае 2009 года, обнаружены, например, в устье реки Шмидтовки.

Примечательным является наличие различных сосудов ручной лепки. В начале 1970-х годов при возведении очистных сооружений на полуострове Де-Фриз строители находили в захоронениях практически целые керамические горшки. Археологи определили их принадлежность к Янковской культуре, раннежелезный век.

Наиболее детально обследован памятник на территории посёлка Девятый Вал. Поселение располагалось на высоком берегу моря, в южной части современного посёлка. Раскопками в 1973 и 1976 годах были выявлены остатки нескольких древних жилищ и других сооружений, вероятно, культового характера. В котловане одной из построек, напоминающей жилище человека, обнаружены погребения. Ещё одно погребение вскрыто на морском берегу. Захоронение содержало 20 рыболовных грузил, создавая впечатление могилы утонувшего рыбака, накрытого рыболовной сетью. В собрании находок выделяются каменные бусы и, особенно, – костяные накладки с прочерченными узорами.

Эпоха средневековья

На смену первобытному обществу постепенно шло новое общество людей, создавших на территории Приморья первое государственное объединение. Этому предшествовало важное историческое событие, оказавшее влияние на внутреннее развитие приморских племен, а именно переселение сюда в середине 1 тысячелетия н. э. мохэских племен, вызвавшее ассимиляцию аборигенного населения. Контакты далеко не всегда были мирными. О столкновениях свидетельствуют остатки оборонительных сооружений на древних поселениях эпохи палеометалла и укрепленные поселения мохэсцев. Укрепления располагались, как правило, на мысовидных оконечностях возвышенностей с хорошим обзором местности и огораживались с наиболее доступной стороны одним или несколькими рядами валов. Одно из таких «мысовых» укреплений обнаружено вблизи Нежина. Небольшой плоский участок склона, где прослеживаются углубления овальной формы – котлованы от древних жилищ – огорожен со стороны подъема на сопку земляным валом и рвом.

Во второй половине 1 тысячелетия н. э. мохэсцы, а это несколько крупных племенных объединений, занимали всю современную территорию Приморского края. К этому времени относится образование королевства Бохай (698–926 годы). Бохай занимал юг Приморья, север-

ную часть Корейского полуострова и северо-восток Китая. Наиболее исследованным памятником бохайского периода является Краскинское городище в Хасанском районе.

Основу хозяйственной деятельности бохайцев составляли земледелие и животноводство, хорошо были развиты внутренняя и внешняя торговля. При археологических раскопках найдено большое количество металлических изделий, сельскохозяйственных орудий, предметов вооружения и украшений. Значительная часть керамической посуды изготавливалась на гончарном круге. Материалы раскопок, вообще, показывают высокий уровень развития как материальной, так и духовной культуры бохайцев. На бохайских городищах обнаружены остатки дворцово-храмовых строений, скульптуры. Большая часть населения исповедовало шаманизм, но распространение получил и буддизм. Государство в 926 году покорили кидани – кочевые племена Маньчжурии и Внутренней Монголии.

Учёному миру бохайские памятники стали известны с XIX века. Тогда, в 1870-72 годах, известный русский востоковед Пётр Иванович Кафаров (в монашестве архимандрит Палладий) по поручению императорского Русского географического общества посетил некоторые места Уссурийского края. Пользуясь в качестве путеводителя старинной китайской книгой, он осмотрел и комплекс оборонительных сооружений около Раздольного, к которым подходили старинные дороги. В начале XX века некоторые из этих сооружений были осмотрены вновь, но большинство их оказались разрушенными. Осматривали, в частности, остатки вала, который когда-то пересекал долину Суйфуна в самом узком месте. Вал тянулся по правому берегу в северном направлении, по скатам возвышенности, предположительно к Красноярскому средневековому городищу близ Уссурийска. По левому берегу вал проходил берегом реки Перевозной (притоку Суйфуна).

После гибели королевства Бохай мохэские племена, те из них, кто остался на этих землях, со временем стали называться чжурчжэнями. Под руководством первого императора Агуды чжурчжэни захватили владения киданей, поработителей Бохая, завоевали часть владений китайского императора и в 1115 году создали государство Цзинь или, Золотую империю. Золотая империя просуществовала до 1234 года и пала под нашествием монголов. По результатам археологических находок установлено, что чжурчжэни занимались земледелием, разводили крупнорогатый скот и лошадей. Дома отапливались канами (от очага дымоход проходил под полом и лежанкой). Наряду с шаманизмом, среди населения получил распространение буддизм, о чем свидетельствуют находки статуэток Будды. Ярким показателем культуры является наличие у них письменности.

В последние годы существования Золотой империи, когда угроза нашествия со стороны монголов стала реальной, полководец чжурчжэней Пусянь Ванну в 1215 году рискнул отделиться и объявил себя императором новой страны под названием Восточное Ся. Границы этого государства также распространялись на территорию Приморья, в частности, на долину реки Суйфун. Восточное Ся существовало около 20 лет, до 1233 года, и было завоёвано монголами. Но за столь непродолжительный период и на достаточно большой территории жители успели построить много мощных оборонительных сооружений. Они очень спешили – под постоянной угрозой монгольского нашествия – и строили примерно по одной схеме: все городища на горных отрогах, от вершины сопки до водоносных распадков. Жилища располагались у подножья вершин, на террасах. Одно такое городище известно в устье реки Кипарисовки, на Фёдоровской сопке близ Тавричанки. Другое – Ананьевское – один из самых крупных памятников периода Восточное Ся. Многолетние исследования позволили идентифицировать его, как военно-земледельческое поселение чжурчжэней. Городище имеет хорошо продуманную систему фортификационных сооружений. Крепостной вал, например, возводился с учётом рельефных особенностей, по гребням отрогов и склонов, что придавало обороне значительные преимущества. Протяжённость вала по периметру городища 1800 м. На городище исследовано на сегодня более 70 жилых и около 20 хозяйственных построек. В том числе кузнечная мастер-

ская. Собран богатый археологический материал, характеризующий материальную и духовную культуру чжурчжэней – элементы вооружения, предметы быта, украшения, монеты и т. д.

После падения Восточного Ся территория Приморья не осталась в полном запустении. Подтверждение этому – остатки поселений аборигенов, сохранившиеся не только в дальних таёжных местах, но и на местах брошенных чжурчжэнями городищ.

Период позднего средневековья (XIII–XVII века), как и памятники этого периода, в Приморье не исследовались.

Приложение № 2

Жители Тавричанки, в разные годы причисленные к обществу

Крестьянин Василий Попков, из Орловской губернии, причислен к сельскому обществу Тавричанки 19 сентября 1907 года.

Крестьянин Андрей Меринов, в 1908 году просил ссуду от Переселенческого управления.

Запасной нижний чин Федор Иванович Кобелев, 1883 года рождения, причислен 24 ноября 1911 года предписанием Приморского областного правления. В 1913 году выехал в Шмаковку, вместо него был причислен Федос Шмайлюк.

Мещанин города Владивостока Василий Степанович Павлуцкий, причислен к сельскому обществу Тавричанки 24 января 1912 года. Мещанин города Владивостока Иван Георгиевич Чёрный 36 лет, причислен к сельскому обществу Тавричанки по протоколу о водворении от 12 июня 1912 года.

По протоколу о водворении от 19 декабря 1912 года причислены к сельскому обществу следующие лица: из Таврической губернии, Бердянского уезда, Преславской волости, села Орновки – Андрей Никитович Шаповаленко 34 лет и его жена Евдокия 31 года; Георгий Михайлович Папарин (возможно, Панарин) 59 лет, жена его Василиса 56 лет; их дети: Федор 27 лет, его жена Матрона 27 лет; Иван 25 лет, его жена Феодосия 25 лет; Митрофан 19 лет, Петр 14 лет, Прасковья 21 года, Анна 13 лет;

из Полтавской губернии, Годяцкого уезда, Лютельской волости – Алексей Иванович Кийко 33 лет и его жена Анна 31 года; из Калужской губернии, Мосальского уезда, Ивашинской волости, деревни Ерзуновой – Павел Афанасьевич Фашкин 42 лет, его жена Наталия 39 лет, дети: Николай 13 лет, Мария 8 лет, Анна 6 лет; из Вятской губернии, Котельничского уезда, Тороповской волости – Трофим Ермолаевич Плюснин 59 лет, жена Наталия 44 лет, дети: Дмитрий 39 лет, Митрофан 37 лет, Павел 32 лет, Василий 25 лет, Татьяна 30 лет, Феодосия 22 лет; жена Митрофана Лукерья 30 лет, дочери Митрофана и Лукерьи – Мельния 7 лет и Серафима 5 лет.

По документам Ковенской казённой палаты Евлампий Дегтярёв причислен 28 ноября 1914 года.

Приложение № 3

Первые семьи села Городечня

Байдак Сергей 30 лет, его жена Матрена 30 лет, дети: Мария 8 лет, Макрина 6 лет.

Безногий Ефим 35 лет, его жена Евдокия 35 лет, дети: Иван 5 лет, Михаил 1,5 лет, Мария 12 лет, Матрена 8 лет.

Белоножка Авксентий 25 лет, жена Ульяна 25 лет, дети: Аверкий 3 лет, Михаил 2 лет, Варвара – 1 год.

Бохан Захар 30 лет, жена Евфросиния 28 лет, дети: Павел 2 лет, Евгения 4 лет.

Бохан Максим 45 лет, его вторая жена Мария 28 лет, дети Максима: Лонгин 20 лет, Парфентий 17 лет, Данила 15 лет, Андрей 5 лет, Стефан – 3 месяца; жена Лонгина Акилина 18 лет; брат Максима Архип 39 лет, его жена Анна 30 лет; их отец Роман 70 лет.

Бохан Никифор 40 лет, жена Евгения – 35. Дети: Парфентий 18 лет, Антон 2 лет, Анастасия 15 лет, Мария 9 лет, Акилина 8 лет.

Бохан Яков 50 лет, его вторая жена Евфросиния 28 лет, дети Якова: Семен 22 лет, Александра 12 лет, Акилина 4 лет, Анна – 6 месяцев.

Бравок Егор 33 лет, жена Евфросиния 30 лет, дети: Мавра 8 лет, Анастасия 2 лет.

Ворон Григорий 50 лет, жена Матрена 50 лет, дети: Роман 19 лет, Евтихий 6 лет, Анна 15 лет, Пелагея 6 месяцев; брат Григория Ларион 30 лет, его жена Евфросиния 23 лет, их дети: Евлампия 3 лет, Евдокия -1 месяц.

Ворон Онисифор 35 лет, жена Александра 25 лет, дети: Иван 2 лет, Наталья 3 лет; мать Улита 60 лет.

Герасименок Иван 35 лет, жена Евфимия 32 лет, дети: Георгий 4 лет, Игнатий 2 лет, Акилина 10 лет; отец Николай 60 лет.

Герасименок Федот 25 лет, жена Фёкла 23 лет, дети: Давид 5 лет, Анна 2 лет; первый брат (очевидно; жены) Иван 29 лет, его жена Лукерья 29 лет, их дочь Пелагея 2 лет; второй брат Василий 18 лет.

Гнутик Аким 36 лет, жена Прасковья 25 лет, их сын Михаил 2 лет, мать Евдокия 60 лет.

Иванушко Дмитрий 27 лет, жена Наталья 26 лет, дети: Григорий 5 лет, Иван – 1 год.

Иванушко Иван 35 лет, жена Феодора 30 лет, их сын Михаил 6 лет.

Иванушко Сидор 40 лет, жена Феодора 42 лет, дети: Федор 9 лет, Демьян 7 лет; брат Сидора Максим 30 лет, его жена Домна 30 лет; мать Евфросиния 70 лет.

Карнаухов Михаил 30 лет, жена Феодора 28 лет, дети: Яков 6 лет, Матрёна – 1 год.

Климанский Архип 27 лет, жена Анисья 25 лет, брат Архипа Вакула 19 лет, сёстры: Аграфена 20 лет, Мария 12 лет.

Козёл Леон 28 лет, жена Макрина 25 лет, их дочь Надежда 2 лет, брат (?) Трофим 68 лет.

Колесник Аким 40 лет, жена Евфросиния 40 лет, дети: Иван 19 лет, Стефан 14 лет, Илья 5 лет, Ульяна 6 лет, Фёкла – 2 года.

Комоза Даниил 27 лет, жена Евгения 25 лет, их дочь Анна 2 лет; двоюродный брат Даниила Комоза Дмитрий 26 лет, его жена Феодосия 22 лет, их сын Аким 2 лет; брат Петр 13 лет, сестра Анна 18 лет, мать Анастасия 50 лет.

Комоза Клим 30 лет, жена Варвара 20 лет, их сын Пётр 5 лет.

Комоза Стефан 30 лет, жена Анна 25 лет, сын Иван 3 лет.

Кулеш Кирей 32 лет, жена Прасковья – 31 год, дети: Ефим 9 лет, Николай 4 лет, Устинья 6 лет, Агафья – 1 год; племянник Кирея Павел 18 лет. Купец Евстафий 35 лет, жена Мария 34 лет, дети: Харитина 8 лет, Меланья 2 лет.

Купец Савва 50 лет, жена Прасковья 50 лет, дети: Платон 25 лет, Вакула 18 лет, Авраам 10 лет, Ульяна 14 лет; жена Платона Ирина 25 лет, их дети: Андрей – 1,5 года, Евфросиния 4 лет.

Луцай Захар 30 лет, его вторая жена Феодосия 25 лет, дети от первой жены: Илья 5 лет, Иван 2 лет, Анна 9 лет; двоюродный брат Захара Луцай Ефим 35 лет, его жена Марина 25 лет, их дети: Игнатий 6 лет, Иван 4 лет, Мария 2 лет; отец Ефима Матвей 65 лет, мать Марины Христина 70 лет.

Луцай Иван 60 лет, жена Евдокия 48 лет, дети: Даниил 18 лет, Матрена 12 лет.

Новоенок Алексей 55 лет, жена Ирина 60 лет, дети: Архип 24 лет, Наталья 19 лет, Мария 10 лет; жена Архипа Прасковья 23 лет, их дети: Василий 2 лет, Анна 4 лет.

Озмука Григорий – 41 год, жена Ирина – 41 год, дети: Иван 19 лет, Петр 18 лет, Никита 8 лет, Дмитрий 6 лет, Марина 5 лет, Александра – 1 год; жена Ивана Агафья 18 лет.

Озмука Самуил 37 лет, жена Феодосия – 37 лет, дети: Федор 14 лет, Тимофей 5 лет, Авраам – 1 год, Василиса 7 лет.

Поддубный Георгий 23 лет, жена Мавра 22 лет, дочь Анна – 6 месяцев; мать Мария 50 лет.

Поддубный Яков 50 лет, жена Софья 48 лет, дети: Авраам 25 лет, Семен 18 лет, Иван 9 лет, Сергей 6 лет, Мария 12 лет; жена Авраама Марьяна 24 лет.

Пономаренок Макар 35 лет, жена Варвара 35 лет, воспитанница Елена 6 лет.

Рудненко Алексей 45 лет, жена Домна 35 лет, дочь Лукерья 20 лет.

Суржик Федор (он же Приходько) 25 лет, жена Евдокия 25 лет, дети: Максим 11 лет, Мария 8 лет, Анисья 7 лет, Евгения 5 лет, Меланья 2 лет.

Суровый Яков 30 лет, жена Анисья 25 лет, дети: Денис – 6 месяцев, Христина 3 лет, брат Якова Филимон 15 лет.

Тёточка Алексей 48 лет, жена Евдокия 47 лет, дети: Иван и Анна (близнецы) – по 18 лет, Роман 8 лет, Стефан 5 лет, Мавра 6 лет; сестра Алексея Мария 27 лет.

Тёточка Сысой 35 лет, жена Макрина 30 лет, дети: Иван 9 лет, Артемий 7 лет, Феодора 4 лет, Феодосия 2 лет.

Тринька Коной 30 лет, жена Мария 29 лет, сын Дмитрий 2 лет.

Тупица Антип 45 лет, жена Мария 42 лет, дети: Ефрем 2 лет, Анна 8 лет.

Тупица Вакула 37 лет, жена Евдокия 37 лет, дети: Михаил 4 лет, Евдокия 12 лет, Анна 8 лет, Мавра 5 лет, Анастасия – 1 год; брат Вакулы Михаил 40 лет, его жена Ульяна 38 лет, их дочь Домна 10 лет.

Тупица Косьма 50 лет, жена Феврония 50 лет, дети: Сергей 28 лет, Авраам 22 лет, Трофим 18 лет; жена Сергея Марина 28 лет, их дочь Мария 2 лет, жена Авраама Евфросиния 25 лет.

Тупица Парфентий 33 лет, жена Татьяна 30 лет, дочь Ирина 6 лет. Тупица Федор 40 лет, жена Евфросиния 40 лет, дети: Афанасий 18 лет, Прасковья 16 лет, Улита 8 лет, Евдокия 2 лет.

Приложение № 4

Поселенцы Тимофеевки, причисленные в 1908 году

Прибыли из Полтавской губернии, Кременчугского уезда, Недогарской волости, д. Недогарки: Дорошенко Никифор Романович, 51 год, жена Матрона 48 лет, дети: Владимир 28 лет, Федор 22 лет, Василий 12 лет, Пётр 10 лет, Василий 7 лет; Андрей 26 лет и его жена Анастасия 25 лет с дочерью Екатериной 3 лет.

Из Орловской губернии, Ревского уезда, Литинской волости, с. Хлебтово: Носарев Павел Васильевич 46 лет, жена Наталья 45 лет, дети: Варвара 18 лет, Петр 13 лет, Акулина 9 лет, Федор 7 лет.

Рожков Филипп Моисеевич 46 лет, жена Мария 47 лет, дети: Елена 15 лет, Григорий 12 лет, Стефан 9 лет, Матрона 6 лет, Варвара 3 лет; Харитон 22 лет, его жена Агриппина 23 лет и сын Дмитрий 2 лет; Рожков Иван Филиппович 25 лет, жена Агриппина 26 лет, дети: Иван 4 лет, Евдокия, 1 год.

Из Калужской губернии, Мосальского уезда, Жуковской волости, с. Ульяниха: Бурмистров Иван Михайлович 37 лет, жена Варвара 35 лет, дети: Николай 6 лет, Александр 2 лет, Иосиф, 1 год.

Из Херсонской губернии, Тираспольского уезда, Мазаецкой волости, с. Тего: Цыбульский Савва и Арнаут Иван Ерофеевич 56 лет с женой Параскевой 50 лет.

Из Могилевской губернии, Волковского уезда, Городищенской волости, с. Выкупления: Уплодонов Георгий Григорьевич 27 лет.

Из Киевской губернии, Сквирского уезда, Г(Ч)убенецкой волости, с. Релезеновка: Гаврищук Пётр Диомидович 27 лет, жена Евдокия 27 лет (в возрасте возможна ошибка), дети: Мария 2 лет, Иустиния 24 лет с мужем Сергеем Городец и с дочерью Серафимой, 1 год. Самгородский Яков Прохорович 20 лет, мать его Матрона 50 лет, братья Максим 15 лет и Гавриил 7 лет.

Из Черниговской губернии, Суражского уезда, Голубовской волости, с. Богородицкое: отец и сын Лелетка. Лелетка Роман Федорович 54(?) лет, жена Матрона 46 лет, дети: Николай 16 лет, Евфимия 12 лет, Евдокия 9 лет, Евдокия 7 лет, Мария 2 лет. Лелетка Фома Романович 23 лет, жена Евдокия 22 лет, дочь Ефросиния, 1 год.

Из тех же губернии, уезда и волости, только село – Голубовка: Колесников Иван Феофанович 26 лет и жена его Феодора 19 лет.

Вернохаев Иван Тимофеевич 32 лет, жена Гликерия 23 лет и дочь Стефанида 4 лет.

Громов Сильвестр Спиридонович 21 года, жена Евдокия 23 лет и сын Мина, 1 год.

Колупайко Никандр Никифорович 26 лет, жена Ефросиния 25 лет, дети: Евдокия 2 лет и Михаил, 1,5 года.

Из Бессарабской губернии, Кишинёвского уезда, Ворнигенской волости, с. Скорей: Ставеру-Мирун Василий Енакиевич 49 лет, жена Анастасия 50 лет, сын Николай 22 лет.

Миرون-Ставер Фёдор Васильевич 25 лет, жена Мария 20 лет, их сын Константин, пол-года.

Миرون-Ставер Исай Иванович 50 лет, жена Мария 50 лет.

Апостол Лука Александрович 65 лет, жена Елисавета 55 лет, дети: Елена 17 лет, Маранда 9 лет.

Антосий Эмануил Ильич 55 лет, жена Екатерина 50 лет, дети: Константин 18 лет, Агафия 16 лет, Исай 14 лет, Иван 10 лет.

Плешко Георгий Иванович 35 лет, жена Василиса 28 лет, дети: Исай 9 лет, Анна 7 лет, Ольга, 6 месяцев.

Бытка Захарий Васильевич 25 лет, жена Варвара 20 лет.

Из села Страгиен: Крачупа Дмитрий Васильевич 50 лет, жена Елена 45 лет, дети: Михаил 16 лет, Петр 12 лет, Стефан 10 лет, Иван 8 лет, Василий 6 лет, Владимир 4 лет, Андрей 2 лет.

Мадан Иван Дмитриевич 37 лет, жена Матрона 40 лет, дети: Василий 12 лет, Параскева 8 лет, Георгий 6 лет, Николай 4 лет, Анна, 6 месяцев. Из села Трушен: Моисий-Герасимов Дмитрий Павлович 35 лет, жена Анна 27 лет и сын Павел 3 лет.

Балтача Стефан Эммануилович 50 лет, жена Екатерина 46 лет, дети: Анна 14 лет, Виктория 12 лет, Вера 9 лет, Надежда 7 лет, Александра 2 лет. Ионашко Михаил Георгиевич, 51 год, жена Анна 40 лет, дети: Феодосий 18 лет, Дмитрий 16 лет, Николай 11 лет, Харлампий 3 лет, Елена 18 лет, София 14 лет, Екатерина 5 лет.

Кеян Константин Георгиевич 48 лет, жена Екатерина 46 лет, дети: Порфирий, 21 год, Константин 19 лет, Дмитрий 10 лет, Александр 15 лет. Из села Сирец: Папеску Елисавета Степановна 60 лет, дети: Мария 20 лет, Самсон 18 лет, Ефимия 14 лет.

Луку Константин Степанович 26 лет.

Из села Гидигиш: Бордеян Спиридон Николаевич 53 лет, жена Мария 45 лет, сын Гавриил 7 лет.

Брынза Михаил Константинович 38 лет, отец Михаила, жена 28 лет, дети: Афанасий 9 лет, Елена 3 лет и Мария, 1 год.

Из села Кожуш(ги?)ны: Булат Иван Федорович 37 лет, жена Анастасия 25 лет, дети: Николай 7 лет, Михаил 4 лет.

Самуил Эмануил Константинович 45 лет, жена Елена 35 лет, дети: Иван 17 лет, Александра 15 лет, Георгий 12 лет, Федор 7 лет, Павел 4 лет, Василий 2 лет.

Самуил Иван Константинович 40 лет, жена Анна 39 лет, дети: Екатерина 17 лет, Елисавета 13 лет, Никита 10 лет, Петр 2 лет.

Гуцу Анна Исаевна 55 лет, сын Василий 20 лет.

Загоргика Константин Александрович 38 лет, жена Мария 37 лет, дети: Александр 13 лет, Мария 11 лет, Евдокия 9 лет, Федор 5 лет, Дмитрий 2 лет.

Сырке Исай Федорович, 51 год, жена Надежда 46 лет, дети: Ревека 13 лет, Мария 9,5 лет, София 8 лет, Анна 7 лет, Василиса 6 лет, Николай 2,5 лет.

Бивала Василий Иванович 40 лет, жена Анна 40 лет, дети: Фоминица 11 лет, Федора 9 лет, Нестор 7,5 лет, Варвара 7 лет, Ольга 4 лет, Мария, 1,5 года.

Варзарь Иван Спиридонович 32 лет, жена Анна 29 лет, дети: Петр 8 лет и Ирина 2 лет.

Кондря-Бланица Николай Ильич 40 лет, жена Анна 32 лет, дети: Иван 9 лет, Илья 6 лет, Александра 13 лет, Анна 3 лет и Афанасий, 1 год. Жегерей Порфирий Васильевич 29 лет, жена Варвара 27 лет, дети: Михаил 3 лет, Анна 2 лет.

Вылку Иван Георгиевич 34 лет, жена Феодора 37 лет, дети: Георгий 13 лет, Мария 4 лет.

Донога Иван Иванович 38 лет, жена Феодора 34 лет, дети: Георгий 10 лет, Михаил 8 лет, Петр 6 лет, София 4 лет.

Бивала Николай Васильевич 26 лет.

Савву Эммануил Иванович 28 лет.